

ВЛАДИМИР АКУТИН

ПУТЕШЕСТВИЕ

РАССКАЗЫ

Часть 1

Оглавление

Путешествие.....	3
Мамуан.....	26
Дембель.....	64
АБИТУРИЕНТ.....	102
Ты молодец, Костик.....	120
Миша с лопатой.....	124
Баннй выход.....	130
Сверч поганый.....	134
Звёздный час.....	140
Нелегал.....	148
Передовая.....	151
Флотский шик.....	154
Златые горы.....	160
Тихушник.....	167
Кросс.....	170
Старик.....	174
Маневр.....	178
Ничья.....	180
Юбилей.....	184
Дед Мороз в телогрейке.....	188
Не понимают.....	191
Левый марш.....	193
Ах ты, Доля моя, Доля.....	199
Ага, мамочка!.....	201
Женские дни.....	203
Переворот.....	210
Малец.....	212
Три счастливых билета.....	216
Ларингит.....	219
Дед Лапин.....	226
МЕЦЕНАТЫ.....	230

Путешествие

Многожёнec Брагин Фёдор Иванович женился снова в роковой день российской истории – 19 августа 1991 года. На стыке эпох. На развалинах великой империи. В зазоре между наковальной социализма и молотом капитализма. На тридцатилетней Елене прекрасной. Сам не зная, зачем.

Семейный быт в пустой однокомнатной «хрущёвке» Фёдора Ивановича не угнетал: аскетизм был неотъемлемой частью его жизненной эстетики. Главное – «Чтобы песни звучали, чтоб вином наполнялся бокал...»

Елена имела противоположные установки: приличный муж, приличный быт, приличные манеры. А всё остальное – неважное и неглавное.

Конфликт приоритетов вызревал неотвратимо.

«Не на ту лошадь поставил, - раскаивался в содеянном Брагин, - мог бы и с прежней женой маяться при меньших потерях...»

«Связалась со старым чучелом, - сатанела Елена, - могла бы и с прежним мужем выяснять отношения в большем комфорте...»

А когда грянула Великая Гайдаровская Революция, Елена родила дочь.

Десять лет она прожила с предыдущим мужем в бездетном браке, где и чем только не лечилась от бесплодия – всё всуе. Смирилась со своей женской неполноценностью и давно не ждала для себя никаких чудес.

И вот дочь – настоящая, необратимая.

Семейное неблагополучие притупилось, чудо неожиданного материнства притупило все неурядицы. Родители Лены заочно возлюбили нового зятя, письма от них из Киргизии в Томск шли восторженные. Ожидаемая в скором будущем встреча с зятем рисовалась как апофеоз родственного причастия.

Время шло. Елена с подрастающей дочкой Оленькой каждое лето проводили у стариков на Иссык-Куле, возвращались довольные, загорелые, и когда Оля при встрече с отцом бросалась ему на шею, всега сдержанно-ледяная Елена прекрасная позволяла себе снисходительную улыбку: чем бы старое и малое дитяти не тешились, лишь бы не плакали...

А Фёдору Ивановичу всё что-то мешало совершить исторический визит. Хадж, как он говорил. То книжное издательство торопило с рукописью романа. То вдруг развалилось это издательство, и началась нервотрёпка с возвращением рукописей. То держали неотложные дела в газете, где подрабатывал Фёдор Иванович Брагин.

То просто не хватало денег.

По негласному правилу, Елена с Олей должны были гостить у родителей Лены каждое лето, независимо от обстоятельств – это было свято. А Фёдор Иванович мог и подождать.

Летом 1997 года умер отец Лены. Так сложилось, что в то лето никому из Брагиных не удалось съездить в Киргизию вообще, ни на отдых, ни на похороны.

На другой год, в июне 1998-го, Елена увезла Олю в Киргизию, вскоре вернулась и поставила перед мужем задачу: в конце лета съездить за дочерью и заодно помочь теще в хозяйственных делах, оставшихся без мужских рук.

И Фёдор Иванович поехал. Сибирский город Томск был тупиком, «аппендиксом» столбовых дорог цивилизации. Пришлось сначала пилить автобусом до Юрги, стоящей на транссибирской магистрали. Допилил. Доволок до вокзальной кассы неподъёмные баулы. Свободным доступом взял билет. Штурмом взял проходящий поезд «Красноярск-Бишкек», который должен был стоять в Юрге две минуты, но стоял одну...

Пал на полку и уснул, как обесточился. Проспал Новосибирск, Бердск, Барнаул, Семипалатинск. Мёртво спалось в уютной зыбке купейного вагона после долгих недосыпов предшествующего периода.

Проснулся через сутки у Аягуза. За окном маячила бескрайняя казахская степь, безлюдье, бездомье, безжизнье – хоть стреляйся. И неумолимо клонило в сон. Заболел, что ли, подумал Фёдор Иванович, но не додумал и вновь уснул.

Очнулся глубокой ночью, когда поезд миновал Алма-Ату и громыхал близ границы между Казахстаном и Киргизией, приближаясь к пограничной станции Отар. Елена дома инструктировала: не надо тащиться поездом полсуток от Отара до Бишкека в объезд горного хребта, лучше сойти в Отаре и попуткой за час доехать до Бишкека напрямую через горный перевал.

Отар появился из тьмы как прифронтовой город – ни огонька. Из предутренней мглы вынырнули люди, бросились к вагонам.

-В Бишкек! За двадцать рублей! На форде!.. На жугуле!.. В автобусе!.. - наперебой кричали люди. - Всего за двадцатку!..

Рослый казах сдёрнул Фёдора Ивановича Брагина со ступенек вагона, затолкал вместе с баулами и ещё двумя попутчиками в невиданную автоколесницу иноземного происхождения и рванул с места с ускорением свободного падения. По затяжному подъёму ушёл «в точку» от замешкавшихся конкурентов.

Через какие-то полчаса иномарка громыхнула сочленениями на кочках горного перевала и покатила вниз к пограничной реке Чу. Здесь погранцы обычно осматривали автотранспорт, но сейчас им было лень выползть из вагончика, и они лишь махнули рукой из оконца: вали, мол, не засти взоры...

В Бишкек ворвались, как от погони уходили. Улицы. Перекрёстки. Светофоры. Ишаки. Люди. Сады. Опять сады. Перекрёсток с гигантским провалом посередине. Направо. Налево. Прямо. Автовокзал. Антракт. Расплатились. Расстались.

С автовокзала ходили автобусы и частноизвозные машины во все стороны Киргизии и окрестностей. Но российские рубли тут были не в ходу. Поэтому надо было поменять сколько-то их на киргизские сомы. Тем более что будки с надписями «обмен валюты» торчали тут же.

Фёдор Иванович подошёл к одной из них. Сунул в амбразуру пять российских сторублёвок:

-Сомов на все.

Мордатый человек киргизского обличья долго тыкал немытым пальцем в калькулятор, подытожил:

-Тринадцать сомов и пятьдесят тыйынов.

Фёдор Иванович присвистнул. Он понимал, что курс валют плавающий, меняется относительно некоей средней величины. Но в любом случае за один рубль полагалось около трёх сомов. А за пятьсот рублей – ближе к полутора тысячам сомов, нежели к тысяче.

-Неверно подсчитал, - сказал Брагин.

Киргизский человек недоверчиво посмотрели на клиента, пожал плечами:

-Пересчитаем...

И вновь защелкал пальцем по счётмашине:

-Курс ноль двадцать семь...умножаем на пятьсот...получаем...тринадцать сомов и пятьдесят тыйынов! Всё правильно!

-Стоп! - Возразил Брагин. - Давай считать вместе. Один рубль стоит сейчас два сома и семьдесят тыйынов. Так?

Меняла молчал.

-Десять рублей стоит двадцать семь сомов. - Продолжил Фёдор Иванович. - Сто рублей стоят двести семьдесят сомов. Пятьсот рублей стоят одну тысячу триста пятьдесят сомов. Так?

Киргиз долго смотрел на него, как на пустое место, потом изрёк:

-Не так.

-А как? - удивился Брагин.

Меняла снова принялся тыкать пальцем в кнопки, бормотал:

-Курс ноль двадцать семь... умножаем пятьсот на ноль двадцать семь... переносим запятую сюда...Получаем – тринадцать сомов и пятьдесят тыйынов!

-Вот это да...- изумился Брагин, - за пятьсот рублей целых тринадцать сомов!

-А ты как хотел? - приосанился киргиз, - даром? На халяву?

-Ладно... - сдался Фёдор Иванович, быстрым движением цапнул со стола свои сотенные. - Будь по-твоему. Обойдусь без твоих сомов.

У менялы вытянулось лицо.

-Зачем так быстро? - запротестовал он. - Давай считать снова. Давай считать по-твоему.

Брагин уже шагал прочь. Подошёл к другому обменному пункту и стал менять деньги поэтапно, другим методом. Сунул в амбразуру сторублёвку, и, не выпуская её из пальцев, спросил:

-Сколько за неё получу сомов?

Киргиз задумался. Переводил взгляд со сторублёвки на Брагина. С Брагина на калькулятор. С калькулятора на сторублёвку. Думал. Потом стал считать. На калькуляторе. Долго считал. Фёдор Иванович ждал, не выпуская купюру из своего кулака.

-Двести семьдесят сомов, - признался, наконец, меняла.

-Годится, - кивнул клиент.

Обменялись купюрами.

-А теперь обменим ещё сотню. - Протянул Брагин вторую сторублёвку.

-Сколько тебе надо? Давай все разом! - Недовольно пробурчал киргиз.

-Нельзя разом.

-Почему?

-Тогда у тебя другой счёт будет.

-Ну и иди туда, где по-твоему считают!

Фёдор Иванович двинулся было к следующей обменке, но его остановил разжавшийся рядом здоровый недетский крик:

-Отец! Куда ехать, отец?

-Мне, что ли? - обернулся Брагин.

-Тебе! - блажил юный жлоб с тремя желтыми фиксами и в майке-тельняшке.

-В Сай. По южному берегу Иссык-Куля, триста верст отсюда.

-Нет базаров, батя! - Обрадовался жлоб. – Двести баксов – и вперед!

-Двести долларов до Сая? - переспросил Брагин.

-Всего двести! - уточнил жлоб.

Брагин задумался.

-Ну чо жмешься?! - Воодушевился жлоб. - Дешевле не найдешь!

Фёдор Иванович поднял баулы и двинулся прочь, осеняемый вслед сентенциями:

-Иди, иди, старый хрен! До вечера проквасишься тут, придёшь ко мне проситься за триста баксов! А я ещё думать стану! На халяву хотел прокатиться? До х... вас таких жмотов тут шастает!..

Брагин отметил, что киргизы разговаривают и матерятся здесь в основном по-русски и почти без акцента. В этом смысле Бишкек не отличался от Томска.

Фёдор Иванович и ещё несколько человек погрузились в микроавтобус «РАФ», водитель собрал с каждого по сто сомов (шесть долларов по курсу) и покатили в сторону Сая.

Мелькали за окном частные усадьбы, утопающие в садах, изредка возникали неуместные тут многоэтажки, снова тянулись кварталы по-южному веселых, уютных подворий. У обочин виднелись кучи дынь, арбузов, ведра с яблоками, вишнями и прочей плодovitостью – останавливайся, кому надо, покупай и езжай дальше... Симпатичный ишачок пёр громадную бричку на автомобильных колёсах, в бричке роилось коричневое семейство от седых аксакалов до сопливой мелкоты...

Занимался день. Начинался зной.

«РАФ» вынесся с щербатого бишкекского асфальта на оперативный простор и торпедой рассекал Чуйскую долину по ровной глади магистральной автотрассы. Обрамлённая горными хребтами долина просматривалась во всю ширь, от «снежников» наюге до «снежников» на севере. Плодородная земля была обихожена до последнего клочка: участки разной геометрической формы мелькали как в калейдоскопе. Давние жители этих мест, китайцы-дунгане, прирождённые земледельцы, снимали по несколько урожаев в год на землях, которым не находили применения киргизы: исконные скотоводы-кочевники равнодушны были к ковырянию в земле...

Ровный бег машины убаюкивал. Брагин, выспавшийся в поезде. Меланхолично смотрел в окно, чувствовал, как пробуждается волнение

перед предстоящей встречей с дочерью. Дома он скучал по ней, ждал встречи, воображал, что и как скажет. Теперь все сценарии вылетели из головы, охватило одно неотступное желание – поскорее прижать к себе крохотное, родное создание. На старости лет перевернувшее всё его мироощущение...

Наверно, Лена догадывалась, что не она, а маленькая Оля целиком и безраздельно завладела сердцем Фёдора Ивановича, и иногда произвольно высказывала то, что таила в себе:

-Можно подумать, что до Оли у тебя детей не было!

Дети от предыдущих браков у Брагина были и до Оли. Уже взрослые дети. А когда они были маленькими, не очень взрослым был Брагин, не было в нём тогда обострённого чувства отцовства, которое воспринимается как чудо.

И те дети не были чудом.

«Рафик » проскочил ровное пространство Чуйской долины и стал ввинчиваться в горы, повторяя извивы дороги. Посвежело.

Великая киргизская река Чу скатывалась с гор навстречу «рафику», десятиметровой ширины поток кипел вокруг каменных глыб, нырял под скалы, снова выскакивал ниоткуда. У брагина возникло вдруг ощущение, что река течёт вверх! Он понимал, что этого не может быть, но ощущение было столь явственным, что он закрыл глаза и сидел так некоторое время, освобождаясь от наваждения. Освободился. Открыл глаза и глянул вниз, в ущелье: река текла сверху вверх!

«Возрастные особенности, - сказал себе Брагин. - Аберрация зрения. В пятьдесят лет меняется восприятие реальной действительности...»

Так и мчались навстречу друг другу автобус и река: оба вверх. Неясно было, в какой точке они должны были встретиться, понималось лишь, что добром такое нарушение законов физики кончиться не может.

И вообще, впервые оказавшийся в горах Фёдор Иванович весь путь сейчас воспринимал как неуклонное движение к неминуемой катастрофе. Во-первых, быть того не может, чтобы ни одна из отвесных скал не упала на автобус. Во-вторых, быть того не может, чтобы автобус сам не упал в бездну на одном из жутких виражей. В-третьих, быть того не может, чтобы «раф» промахнулся мимо всех, со свистом проносящихся мимо него встречных машин – хоть одно очко из тысячи возможных опытный водитель обязан был выбить...

Понималось, что до Оли не доехать.

И Брагин принял решение смириться с судьбой. А пока смирялся, горы кончились. Впереди под пронзительно чистым небом явилась фантастически синяя гладь Иссык-Куля.

«Ура! Мы в Рыбачьем!»- радостно отметил знаток географии Брагин.

Показались светло-серые руины города, который при социализме носил имя Рыбачий, а на его оазвале принял новое имя –Балыкчи. Что в переводе с киргизского на русский означало всё тот же Рыбачий.

Пока автобус минут двадцать стоял у автовокзала, его раз тридцать штурмовали неорганизованные группы балыкчинцев: похоже, местное население жило теперь исключительно с того, что удавалось продать-всучить проезжающим мимо редким путешественникам. Наперебой совали пироги домашней выпечки с загадочной начинкой, газировку

подозрительно мутного вида, ещё более подозрительное пиво, иссык-кульскую копчёную рыбу, лепёшки, жвачку, манты...

Оставшиеся до Сая сто километров дорога бежала по берегу Иссык-Куля, то удаляясь от кромки вод, то приближаясь к ним. Вдоль дороги на деревьях были развешены никогда раньше вживе не виданные Брагиным яблоки, груши, абрикосы – ничьи. И никто их почему-то не срывал...

Был полдень. Брагин с удовлетворением отметил, что Елена не обманула: на Иссык-Куле не было зноя. Было лёгкое тепло, упоительный воздух, синева озёрной глади в обрамлении поднебесных гор с белоснежными вершинами.

Оля, нверно, в саду сейчас играет, соображал Брагин, по рассказам Елены, у них большой дом, сад, подворье. Куснуло беспокойство: носится дочка там, поди, как мереор, наткнётся на какой-нибудь сук или кол... Боже! Зачем Лена не осталась с дочкой на все лето?! При бабках ребёнок, считай, как сирота неприкаянная...

« Старый хрен! - укорил его внутренний голос. - Ну. Что ты изводишь себя идиотскими догадками? Ты, выросший таёжной деревне! Один, сопливым мальцом шаставший по окрестной тайге босиком и чуть ли не без штанов! Что ты трясёшься над дочкой? Она что – недееспособная? Не умеет ходить по земле? Не видит ветки и колья? Да она лучше тебя все видит и умеет! вспомни, паникёр, как однажды ты заявился домой пьяный, грязный после соприкосновения с земным шаром. Пока Елена непрекрасная исходила желчью и воплями, шестилетняя дочка молча, деловито раздела тебя и уложила спать. И одеялом укрыла. А её мать... впрочем, пошла эта мать к ... матери...»

При воспоминании о жене вновь возникла заскорузлая тоска: и на кой я на ней женился... «А Оля?» - напомнил внутренний голос.

И тоска иссякла. Вместе с образом жены.

Посёлок Сай гнезвился на пологом каменисто-глиняном склоне между озером и вздыбленными громадами гор. Жутковатое впечатление производило такое соседство: шевельнутся горы и скинут посёлок в озеро. Если не прихлопнут собой.

То был посёлок-сад. Живописные, не по-российски весёлые усадьбы тонули в зелени: сады, сады, сады. Только пристальный взгляд находил следы запустения. Многие усадьбы были брошены, окна домов заколочены. Особенно страшно смотрелись пятиэтажки, сиротливые торчащие в окружении частного сектора: темные глазницы оконных проёмов без рам и стёкол, обывки тряпья на балконах, обломанные перила... Как брошенные командой корабли среди океана...

Родовая усадьба Елены поразила основательностью. Огромный дом с громадными окнами. Рослая мансарда с балконом во всю ширь дома. Среде сада! И по-южному демонстративное, почти фантастическое садовое изобилие: яблоки, груши, сливы, абрикосы, вишни и прочья, прочья флора перегружала ветви дерев, травмируя не столько сами ветви, сколько неподготовленное воображение Фёдора Ивановича Брагина, онемевшего у калитки перед роскошной картиной бытия.

Из недр этого бытия вылетела Оля и бросилась к отцу. Фёдор Иванович сомлел и неожиданно заплакал от нахлынувшей нежности...

Затем состоялась историческая встреча, к которой обе стороны шли долгие семь лет, заочно зная друг о друге всё, и не зная ничего. Шестидесятипятилетняя Раиса Фёдоровна торжественно пожала руку пятидесятилетнего зятя Фёдора Ивановича. «Экий шкаф толстый!» - читалось в удивлённом взоре тёщи. «Эко, смотрит, ровно старшина армейский!» - читалось во взгляде зятя.

Но уважение к Фёдору Ивановичу тёща выказала искреннее:

-Спасибо тебе, Федя! - Обняла она зятя, - Как я рада! Лена десять лет жила с Витькой и всё никак не могла забеременеть. Так и считали её бесплодной! Она и сама на себе крест поставила. И тут ты... - Раиса Фёдоровна погладила по голове стоявшую рядом Олю. - Появился ты, и всё образовалось! Сколько лет с Витькой потеряно!.. Сколько лет! Десять лет жизни козе под хвост!..

Фёдор Иванович онемел.

-Да уж... - пробормотал он после неловкой паузы, чувствуя, что сейчас скажет что-то не то, и это «не то» уже само выперло из него. - Зачем же надо было столько лет томиться? Обратились бы ко мне, оказал бы гуманитарную помощь.

-Это в каком смысле? - Насторожилась тёща.

-Вообще... - неопределенно сказал Брагин, стараясь скрыть внезапно возникшее раздражение. - В смысле, что никто не знает вперёд, что с ним будет...

Раиса Фёдоровна смотрела на зятя с ледком. На Раису Фёдоровну с укоризной смотрела её мать, девяностолетняя Мария Ивановна. Бабушка Лены. Прабабушка Оли. Или, как называла её Оля – «старенька бабушка». В отличие от «бабы Раи».

Когда Раиса Фёдоровна ушла в летнюю кухню, Мария Ивановна, непостижимым образом угадавшая неладность в диалоге между тёщей и зятем, подошла к Фёдору Ивановичу и негромко пробормотала:

-Федя, ты не обращай много внимания на то, что говорит Рая.

Виновато сказала. От чего только что внутренне напряжённый Фёдор Иванович вдруг тоже почувствовал себя виновато.

-Ну, что там, Мария Ивановна... - он неожиданно поцеловал руку старушки, чем смутил её. - Мало ли кто и чего скажет невпопад...

-Как хорошо, что ты приехал, - улыбнулась она. - Оля все дни ждала, выбегала на улицу смотреть, не едет ли папа. Плакала. Мы звонили вчера в Томск, Лена успокоила: выехал. Извелась Оля...

Оля не отходила от отца. Рослая, крупная, она выглядела старше своих шести лет, и странным казалось, что такая большая девочка не сходит с отцовских рук.

-Оля, дала бы папе отдохнуть с дороги, - сказала Мария Ивановна. - Утомился он.

Оля ещё сильнее прильнула к отцу.

Ужинали в летней кухне.

-Утром на пасеку едем! - возвестила Раиса Фёдоровна. - Последняя качка.

Фёдор Иванович кивнул. Он и ехал сюда, заранее изготовившийся к трудовым подвигам: ремонт жигулёнка, заготовка топлива на зиму, вывод пасеки из горной долины в усадьбу...

Оказалось, что машину отремонтировал сосед-механик: за трёхлитровку мёда отрегулировал клапана и зажигание. За три ведра мёда привезли самосвал угля. А вывозить пасеку и вовсе не требовалось: в конце сезона её «на корню» покупали знакомые пчеловоды, ибо Раиса Фёдоровна уже разуверилась в возможности без мужа продолжать начатое им дело.

После обеда Оля долго водила отца по саду, показывала и рассказывала всё про всё, что тут есть. Потом потащила на второй этаж, в мансарду. Там пустовали две просторные комнаты, были какие-то кладовки, заваленные не востребовавшими сухофруктами.

С балкона открывался вид на Иссык-Куль. Несмотря на семьдесят километров расстояния, на том берегу угадывались строения курорта Чолпон-Ата. География тут была, как на ладони...

Оля и засыпала, не отпуская от себя отца: обняла, и ему долго пришлось сидеть в неудобной позе, склонившись.

-Подыши на меня, - попросила Оля.

Фёдор Иванович подышал в её плечико.

Заснула.

Фёдор Иванович долго сидел в темноте, слыша, как в соседних комнатах просторного дома ходят «старенька баушка» и «баба Рая». Потом от двери послышалось ворчание тётки:

-Ну что ты тут мешаешь спать ребёнку! Иди вон в кухню. Да и вообще, спать пора, завтра рано выезжаем, нечего...

Выехали рано. Раиса Фёдоровна вела жигулёнка небрежно, как автогонщица. Отмотали вёрст тридцать вдоль берега озера, свернули с трассы и скоро были на месте.

Фактически пасек тут было три: одна тёткина и рядом с ней еще две соседских. Соседи уже суетились у своих ульев, облаченные в белые одежды и шляпы с вуалями – невидаль для Брагина.

Он вообще был на пасеке впервые в жизни. Осматривался.

Три десятка тёткиных ульев насупленно смотрели на фанерную будку, которую Раиса Фёдоровна отперла ключом, исчезла в её недрах. Над ульями барражировали пчелиные массы и грозно гудели.

Фёдор Иванович настороженно внимал.

-Ну что ты стоишь? - высунулась из будки тёткина голова. - Разжигай дымарь!

Зять посоображал: что такое дымарь? Где-то что-то читал или слышал о нём. Спросил на всякий случай:

-А что такое дымарь?

-Ты с луны свалился? - удивилась тётка. - Вон же он на тебя смотрит! Под ногами!

Рядом с Брагиным на поверхности планеты зиждилось крохотное сооружение, напоминающее одновременно силосную башню, сортир и огородную лейку – мультипликационный урод с какой-то то ли гармошкой, то ли горбом на спине...

Фёдор Иванович взял урода за ручку-скобу, поразглядывал, понюхал: пахло дымом. Заметил ещё какую-то скобку сверху, нажал на неё большим пальцем: у уродца съехала набок крыша, похожая на крышку немецкой пивной кружки. В сущности, урод и походил больше всего на немецкую пивную кружку! - Осенило Брагина.

-Ну что ты стоишь! - торопила тёща. - Натолкай туда кизяков и разожги! Шевелись, работы много!

Что такое кизяки, Брагин теоретически знал – это засохшие экскременты травоядных животных. Правда, вживе их видеть не доводилось. Впрочем, видел! – смекнул Фёдор Иванович. - А засохшие коровьи блины в российских деревнях? Правда, там никто не знал, что это кизяки, и вообще внимания на них не обращали.

Здесь не видно было ни блинов, ни кизяков, как ни озирался.

-Ты так и стоишь? - Сокрушнулась тёща, вновь явившая свой лик из будки. - О господи...

-А где взять кизяки? - Виновато спросил зять.

-Издеваешься? - Сварливо изумилась тёща. - Ты ж на них стоишь! И вокруг!

Брагин глянул вниз. Среди корявого, чахоточного разнотравья, уныло выглядывала каменистая почва, состоявшая из каких-то камней с глиной вперемешку, и – никаких кизяков.

-Господи! - Вспричитала Раиса Фёдоровна. - Послал же мне помощника! А ну, дай сюда дымарь!

Вырвала из немозолистых рук зятя «пивную кружку», склонилась к Земному шару и принялась быстро-быстро собирать с его поверхности какие-то серые комочки, толкала их внутрь дымаря.

-На! – сунула дымарь зятю. - Разожги! Да побыстрее! Время идёт!

И скрылась в будке.

Брагин принялся поджигать кизяки. Жёг спичку за спичкой, но как ни припекал пламенем экскременты, не хотели они возгораться. Поджигатель занервничал: «Вот же, мать вашу за ногу! У кого-то из искры возгорается пламя, а тут из пламени – ни одной искры!..»

-Господи! - Грохнуло за спиной. – Навязался же балбес на мою голову! Да кто ж так разжигает? Ты бензину! Бензину плесни! Пятьдесят лет дураку, а сообразить не может!

Брагин и вправду стоял дурак-дураком.

-А где бензин? - спросил он.

-Царица небесная!.. - Взрыднула тёща. - Да вон же он на тебя смотрит!

Там, куда указывал тёщин палец, торчала ржавая железная банка. Брагин поднял её, отколупнул крышку, понюхал: бензин.

Сидя на корточках, влил бензин в «пивную кружку». Зажёг спичку и сунул... Фукнул такой сноп огня, что Фёдор Иванович отпрянул и упал.

-..! ..! ..! - выразился из положения лёжа.

Из будки полувысунулась тёща, уже облачённая в белые одежды, зловеще поинтересовалась:

-Ты кому это сказал?

-Пушкину! - Буркнул зять. - Александру Сергеевичу! Ясно? Или повторить?

Тёща втянула голову в будку, как черепаха в панцирь, взвизгнула:

-Грубиян! Со мной муж так никогда не разговаривал! А тут сопляк какой-то! О, господи, навязался же зятек на мою седую голову! И где только Леночка отыскала такого выродка! Виталик у неё такой вежливый был! Такой вежливый!.. Променяла, дура, шило на мыло!

Брагин отошёл в сторону, сел на валун и окоченел. Из поднесья на него со всех сторон смотрели равнодушные «снежники», перед которыми в веках нескончаемой чередой проходили драмы человеческие, переходящие в дрязги, и дрязги, переходящие в драмы. Долго восседал, выкуривая сигареты одну за другой, словно ел их.

-Ты что, сидеть сюда приехал? - Громыкнуло сзади.

Брагин съёжился.

-Вперёд! - Скомандовала тёща. - Хватит прохлаждаться! Работать! Бери дымарь! Будешь дымить по моей команде! Давай, давай, шевелись!

Ничего не соображающий зять Фёдор Иванович поплёлся вслед за тёщей к ульям, встал рядом, опасливо поглядывая на хаотично мельтешащих пчёл.

Раиса Фёдоровна рывком сняла с улья голову, поставила её на землю. От того, что Брагин увидел на месте отрыва, ему стало дурно: в улье омерзительно шевелилась серая масса, состоящая из зловеще зудящих насекомых – этакая агрессивная каша с ядом.

Несколько пчёл мигом впилась в его руки.

-Ох!.. - похолодел Брагин.

-Дыми! - Рявкнула тёща.

Брагин нечаянно совершил правильное действие: с перепугу даванул гармошку дымаря и из него в улей стрельнула вонючая струя дыма. Пчёлы возмутились.

Раиса Фёдоровна вынула из улья рамку с сотами, полными янтарного мёда.

-О-ох... - хрюкнул зять, в лицо которого спикировала пчелинная эскадрилия и без паузы дала залп. - О-о-х!.. Твою мать!..

-Жалят? - Обрадовалась тёща. - Ну и что? Потерпеть нельзя?

-О-о..О-о-о!.. - взвыл Брагин от очередного залпа по организму. - О-о-о!..

-Во-о-от! - Ликовала тёща. - Будешь знать, как медок достаётся!

-К ... матери! - Взревел зять. Отшвырнул дымарь, и побежал в никуда, отмахиваясь от облепивших его пчёл. Свалил улей, упал сам, вскочил на ноги и ринулся дальше, воткнулся головой в фанерную будку и пробил хлипкую стенку...

Потрясённая разрухой тёща онемела. Потом ожила и вскричала на всю Иссый-Кульскую котловину:

-Разорил!.. Ох, разорил, скот лесной! Убил! Живьём убил! Поганец!.. Царица небесная!.. За что мне такая кара!.. Да чтоб ты сдох, выродок! Убью!.. Убью выродка!.. Вон! Вон с моей пасеки!..

Брагин отскочил от будки и ринулся прочь, сам не зная куда, сопровождаемый пчелиными эскадрами.

«Снежники» из вечности немо внимали проистекавшей перед ними экзекуции и привычно не реагировали на суету земную. Соседи-пчеловоды деликатно помалкивали, делали вид, что целиком поглощены своими ульями. Старый киргиз в национальной шляпе, выпасавший рядом с пасеками корову и пару овец, меланхолично проследил, как неуклюжий пожилой толстяк пробежал мимо него и скрылся в каменистой лощине...

В окружающей среде царили тишина, покой, несказанная лепота в веках насоенной гармонии.

До Сая Фёдор Иванович добрался к вечеру на попутке. Притопал на тёщино подворье, напугав своим видом «стареньку баушку» Марию Ивановну и дочку: грязный, с опухшим до неузнаваемости лицом, в ссадинах...

Лёг на диван и оцепенел в странном состоянии: знобило, и тошнило и ломило...

-Я ж говорила Рае, что отстала от тебя... - виновато бубнила Мария Ивановна, без вопросов и ответов угалавшая неладность происходящего. - Да рази ж можно так, незнающего человека к пчёлам...Ей хоть заговорись, командирша. Далась ей эта пасека...Саша умер, бабе такое дело не потянуть, она и злится, всё ей хочется, чтоб хозяйство было как при Саше...

Притихшая Оля жалась к отцу.

Темнело.

-Федя, пошли ужинать, - позвала Мария Ивановна. - Рая теперь уж точно не придет, в будке заночует, там постель есть и всё, что надо... Соседи вон неделями живуь там...

Всю ночь Брагину немоглось. Лежал, не раздеваясь, в полудрёме. Оля спала рядом, в своей излюбленной позе: под мышкой у отца. Дышала, как мышка: тихо, чисто, незаметно.

Утром Фёдор Иванович поднялся рано. Прошёл в баню. Вымылся прохладной водой, побрился. Оделся и зашёл в летнюю кухню. Мария Ивановна уже хлопотала у плиты.

-Сейчас Оля проснётся, и мы с ней уезжаем, - сказал Брагин.

-Феденька... - растерянно пробормотала Мария Ивановна, - зачем? Остаься!..

-Нет.

-Господи... - вздохнула старушка.

Фёдор Иванович прошёл к дочери, встал перед диваном на колени и прижался лицом к олинному плечу. Подышал в него. Оля улыбнулась во сне, пошевелилась, сонная потянулась к отцу и обняла его.

-Семь часов, а у меня дитё еще не жалёное, - прошептал Фёдор Иванович. -Ножки нецелованные. Ладонки нецелованные. А разве ж могут, к примеру сказать, правильно ходить нецелованные ножки?

Оля, не отворяя очей, улыбнулась, выдвинула из-под одеяла ножки. Фёдор Иванович поцеловал.

-Теперь походка будет правильная. - Заверил он. - А ладонки? Так и будут нежалёные?

Оля поочерёдно прикоснула к отцовским губам тёплые ладонки.

-Процелованные, - сказал отец, - а прекрасное лицо?

Оля приблизила к отцу мордашку. Фёдор Иванович тихонько дунул ей в нос.

-Фу! - Сморщилась Оля и открыла глаза.

Фёдор Иванович поцеловал её в нос. Оля засмеялась.

-А дивные плечи? - Укоризненно пробасил отец. - Они чо, лысые что ли?

Оля высвободила из-под одеяла свои крохотные, но уже и вправду дивные плечики.

Отец чмокнул их.

Утренний ритуал был завершён.

-Сейчас соберём вещи и поедем домой. - Сказал Брагин.

Оля села на диване:

-Прям щас?

-Прямо сейчас.

-Я быстро! - Вскочила с дивана Оля.

Фёдор Иванович побродил по саду. «Пум!» - упало с ветки очередное перезревшее яблоко. Кучами лежали они в саду. Практически единственные едоки этих прелестей – свиньи – не успевали схрумкивать ежедневно прирастающую плодовую массу. В конце сада Брагин постоял у свинарника, поразглядывал двух громадных хряков и трёх подсвинков, те лениво ковырялись в загоне у корыт, переполненных яблоками, абрикосами, грушами...

В соседнем загоне слонялись куры. Они равнодушно посмотрели на человека и продолжили своё дело: лениво обклёвывали абрикосовую гору, брюзгливо покудахтывали. Полуободренный петух с огромной плешью на крохотной голове индифферентно коченел на насесте в углу и лишь изредка отворял одно око, тупо смотревшее в никуда, и снова закрывал. Медитировал.

Через час Фёдор Иванович и Оля Брагины катились в попутном автобусе вдоль берега Иссык-Куля в сторону Бишкека.

Красота законного пейзажа завораживала. Станным представлялось то, что не живётся людям хорошо в этом благословенном месте, покидают его в поисках лучшей доли, устремляются в сибирские стыни, столичные сутолоки, нервные мегаполисы...

Отец и дочка заснули, обнвшись. Проспали Рыбачий, переименованный в Балыкчи, и проснулись уже на подъёме к перевалу. Фёдор Иванович оглянулся: у горизонта прощально синел Иссык-Куль. Потом дорога повернула, и озеро исчезло. «Икарус» заревел надсаднее, беря зятяжной подъём, горы придвинулись ближе, стали некрасиво высокими, довлеющими.

«О, майн гот! Матка бозка! Аллах акбар с Буддой и Далай-Ламой! На хрена мне нужна была та женитьба...» - в который раз подумал Брагин, представив предстоящую встречу с Еленой дома. И в который же раз его осадил мысль: «А Оля?..» И всё мигом встало на свои места. Была Оля. Всё остальное было несущественно...

Оля снизу вверх сонно смотрела на отца, как бы удостовераясь, что он тут, никуда не делся, и снова угнездилась у него под мышкой, заснула.

Рядом с дорогой опять струилась неистовая Чу, теперь она норовила обогнать автобус, поток скакал и скакал через валуны, пороги, перекаты, словно жеребёнок в порыве неуёмной удали.

Громады гор, бездонное небо над ними, провалы пропастей вызвали щемящее ощущение малости человека среди этих стихий, казалось, что Фёдор Иванович и Оля остались одни в этом мире, никому не нужные и никем и ничем не замеченные.

-А?.. - встрепенулась Оля.

-Спи, донюшка, - шепнул отец. - Долго еще...

Оля снова забылась.

Кончились горы. «Икарус» скатился в Чуйскую долину, и сразу навалилась жара, как из предбанника в парную ухнули.

Сошли у железнодорожного вокзала. Здесь предстояло совершить самое сложное дело во всем вояже - добыть билеты на поезд.

Взять вокзал с ходу не удалось. Когда Фёдор Иванович с Олей шли через привокзальную площадь, к ним с трёх сторон ринулись четверо милиционеров в советской милицейской форме.

-Ваши документы! - Крикнул сержант, настигший ходоков первым.

-А ваши? - Спросил Брагин.

-Что!? - Не понял сержант.

-Представьтесь, - пояснил Фёдор Иванович. - Кто вы? Есть ли служебное удостоверение? И почему вы в советской милицейской форме?

Это было так неожиданно, что милиционеры оторопели.

-Нет документов? - укоризненно покачал головой Брагин.

-Есть!.. Есть!.. - загомонили милиционеры.

-Вот вы, сержант, представьтесь, - предложил Брагин.

-Максамбек. Максамбек Шакулов, - сказал сержант.

-А я Фёдор Иванович Брагин. - Сказал Брагин. - А это моя дочь Оля.

Милиционеры опомнились и едва не силой повели отца и дочь Брагиных в опорный пункт милиции, оказавшийся просто длинным контейнером, приткнувшимся в сквере у здания вокзала. В стальном чреве горел свет, стояли столы, стулья, на стене висела бумажная простыня с каким-то постановлением бишкекского мэра. Дальний торец контейнера был перегороджен стальной решёткой – там была минитюрьма предварительного толка.

-Документы! - Потребовал сержант, и видно было, что он здесь главный: трое других милиционеров поглядывали на него подчинённо.

Фёдор Иванович достал бумажник, извлёк свой паспорт и оливо свидетельство о рождении, подал Максамбеку. Тот вчитался, нахмурился:

-Почему с ребёнком?

-Потому-что отец.

Сержант настороженно посмотрел на Брагина, на Олю.

-Девочка, кто это? - Спросил он Олю. - Что за дядя?

Оля нахмурилась, стрго посмотрела на сержанта, назидательно выговорила ему:

-Не дядя, а мой папа! Ясно?

Милиционеры переглянулись.

-А еще документы есть? - Не унимался сержант.

-Вот еще...- Брагин протянул ему водительское удостоверение.

Сержант полистал, задумался.

-А ещё?

Фёдор Иванович вздохнул, протянул журналистское удостоверение, писательское.

Милиционеры осмотрели удостоверения, переглянулись.

-Извините, аксакал, - сказал сержант. - Служба.

-Что-тио не так? - Спросил Брагин.

-Служба...- Повторил сержант. - Стали воровать детей, вывозить их из Киргизии, приказано проверять всех подозрительных...

-Мы – подозрительные? - Дошёл до Брагина смысл происходящего.

-Ну... - замялся Максамбек. - Ваш возраст... Извините, аксакал.

-Я еще и аксакал... - подивился Брагин.

-Куда едите? - сменил тему сержант. - Когда? С билетами как?

-В Томск добираемся, хотим попасть на сегодняшний красноярский, сейчас узнаем в кассе как с билетами.

-Будут сложности с билетами, найдите меня, - предложил Максамбек.
- Постараюсь помочь.

-Спасибо, - кивнул Брагин.

Билетов на сегодняшний поезд «Бишкек-Красноярск» не было. И на завтрашний. И на послезавтрашний. И на любой другой тоже. Точнее, кассиры дружно заявляли, что билетов нет, и не будет никогда и никуда.

Зато в стороне от касс роились вороватого вида молодцы с настороженными манерами, заговорщицки брали потенциальных пассажиров за рукава, допытывались:

-Куда едем? Билеты надо?

У них билеты были любые в неограниченном количестве: на любой поезд на любое число. За две цены.

-Выездная торговля? - поинтересовался Фёдор Иванович, когда билетные филантропы обступили его и Олю.- Смычка сервиса с массами? Месячник вежливого обслуживания?..

-Тебе куда надо, дед?- прервал его молодежавый юноша с наколками.

-В Заварзино.

-Где это? - Наморщил лобик юноша.

-Как проедешь Тайгу, свернёшь налево, там прямо, потом через лог направо, там увидимшь мост...

-Ну тебя на ...! - По-русски высказался киргизский жлоб и отвалил. И остальные «шакалы» потеряли интерес к Брагиным.

-Пойдём, доня, поищем дядю Максамбека, - сказал Фёдор Иванович. - Может он сумеет дотолкаться с национальными кадрами.

Максамбека не нашли, видимо откочевал куда-то вместе со свитой. Становилось ясно, что сегодня не уехать, пора озаботиться ночлегом.

Гостиницу обнаружили рядом – наискосок от вокзала в двенадцатиэтажном жилом доме имелось крохотное заведение о пяти номерах, из кот

орых Брагиным было предложено занять хоть все или любой на выбор: постояльцев не было.

-Нынче вообще мало гостей, - посетовала хозяйка, назвавшаяся Аней.

- Слышали про аварию на Иссык-Куле?

-Это когда контейнер с цианистыми ядами упал с грузовика в воду?

-Да. Теперь люди боятся купаться в озере, пансионаты совсем пустые стоят, и у нас сплошное затишье. Одно разорение. Располагайтесь.

-Спасибо, - сказала Оля.

-Какая воспитанная девочка! - улыбнулась Аня.

-Вся в папу! - Подтвердил Фёдор Иванович. - Разве не читается природный аристократизм в моём тонком благородном облике?

Хозяйка рассмеялась: толстый, почти кубический Фёдор Иванович Брагин походил скорее на Собакевича, чем на Чайльд-Гарольда. И тем забавнее смотрелась рядом с ним утончённо грациозная Оля: абсолютно не похожая на отца абрисно, и абсолютно похожая на него необъяснимой схожестью, за версту выдающей родство.

Брагин выкупал Олю под душем, завернул в полотенце и возложил на постель.

-Сохни! - Наказал он. - Я пошел тоже искупнуться, потом идём гулять и ужинать.

С удовольствием выкупался под горячими струями и, несмотря на недосып, почувствовал прилив бодрости.

Оля была уже одетой и даже обутой.

-Гулять! - Заторопила она отца.

-Погоди, обсохну.

-На улице обсохнешь! Жара же там!..

И вытащила-таки необсохшего родителя из приятной прохлады гостиничного номера в предвечернее пекло бишкекской улицы.

-Что будем кушать, мэм? - спросил Фёдор Иванович.

-Погоди, щас возьму в рассуждение, - призадумалась Оля и тут же осенилась, - арбуз! Сначала арбуз, а потом марс!

-Марс – шоколад! - Возразил отец. - А шоколад – не еда, он дополнение к еде, так называемый десерт. Тем более, что эти иноземные марсы – голимая химия! Долой марсы!

-Марс - не еда, - согласилась Оля. – Значит, сначала будет марс, а потом арбуз!

-А потом?

-Потом... - задумалась Оля. Пото-о-м. Зачем потом? Давай сейчас газировки выпьем!

-Давай!

Выпили по стакану газировки возле уличного автомата, управляемого человеком дамского пола.

-А теперь? - спросил отец.

-А теперь – марс! - затребовала Оля.

-Нетушки, синьорита! Сначала будет ашлямфу! Потом арбуз. Потом еще что-нибудь из настоящей еды. А марс – никогда!

-Что такое ашлямфу? - Спросила Оля.

-Не знаю, - сознался отец. - Но что-то съедобное. Это я читал где-то. То ли киргизская, то ли корейская еда. Давай зайдём в какую-нибудь столовую и попросим ашлямфу.

-Давай,- согласилась Оля.

Столовую искать не требовалось: прямо у вокзального сквера рядом с милицейским контейнером под лёгким навесом стояли столы и скамейки, и тут кормились люди среднеазиатского облика.

-Уж тут-то точно ашлямфу найдём! - обрадовался Брагин.

Кормление было диковинным. Посетители садились за столы, к ним подходили женщины в фартуках, выслушивали пожелания, отходили к каким-то ящикам и возвращались с едой на подносе. Оказывается, в ящиках находились термосы с провиантом и посудой! Заказанное блюдо ставилось перед клиентом. Тот ел. Расплачивался с хозяйкой и уходил.

Фёдор Иванович и Оля с любопытством наблюдали это экзотическое для них зрелище. Потом уселись на освободившуюся скамью.

-Что будете кушать? - Спросила их женщина восточного вида и столь невероятной красоты, что Фёдор Иванович обомлел от неожиданности: надо же, где можно встретить чудо... «Богиня...» - по-паниковски определил он.

Оля толкнула его в бок: очнись.

-Ашлямфу! - Гордо, с видом знатока заявил Брагин. - Два ашлямфу!.. Нет, три! Два мне и одно дочке!

-И девочка будет кушать ашлямфу? - удивилась богиня красоты.

-Да! - Строго сказала Оля. - Как папа.

-Это очень острое блюдо... - нерешительно заметила красавица. - Может быть вы сначала попробуете?.. - она разгадала в клиентах незнатоков местного колорита. - Я сейчас.

Принесла в пиале немного лапши, политой чем-то красным. Фёдор Иванович зачерпнул варево ложкой и смело отправил в рот. Пожевал.

-Хо! - Сказал он бодро. - Вкуснятина!

И чуть не выпал из-за стола: во рту как граната взорвалась, и всё запылало огнем.

-Воды!.. - прохрипел он. - Воды!.. Горю!..

Красавица протянула пиалу с водой. Фёдор Иванович залпом выпил. Сидел статуем.

-Вот так ашлямфу...- прохрипел он и заплакал: слёзы сами выскочили из глаз.

-Тебе же тётя сказала: остро! - укорила Оля. - А ты!?

-А куда ты смотрела!? - ответно укорил отец дочку. - Почему не руководила? Когда ты руководишь, я всё правильно делаю!

Он достал сигареты, спички, закурил.

-Куришь!? - обомлела Оля. - Я ж тебе запретила!

-Да?..- как бы растерялся отец. - А я забыл. Вот видишь! - тут же уел он дочку. - Когда ты руководишь, я не курю. Как только ты самоустраняешься, я забываю про запрет и курю!.. Ну, ладно, ладно... - он выкинул сигарету, заметив, как построжело оливо лицо. - Всё. Встал на путь исправления.

-Вот и стой! - Назидательно проговорила-приговорила Оля.

-Сидя, что ли, стоять?

-Можно сидя, - разрешила Оля. - Давай еды попросим, я есть хочу.

-Что можно съесть? - спросил Фёдор Иванович красавицу.

-Лучше всего лагман, - посоветовала она.

-А это?..

-Это можно, не острое, - улыбнулась звезда востока.

Лагман оказался лапшой, политой сладковатым соусом – вкусноты неопишуемой. Брагины замельтешили ложками.

-Мне ещё! - Провозгласил Фёдор Иванович, одолев первую порцию с рекордным временем. Оля пришла к финишу почти «ноздря в ноздю», уступив родителю какие-то секунды.

-Мне ещё! - Провозгласил Брагин.

-Не лопнешь? - Усомнилась Оля.

-Не лопну! - Заверил отец.

-Тогда и мне как папе – ещё порцию! - Взяла карт-бланш дочка.

-А ты не лопнешь? - Поинтересовался отец.

-Не лопну!

Ковырнула вторую порцию, и «сошла с дистанции», пришлось отцу «за идею» доедать и её добавку.

Пошли гулять. Наугад. В первом же переулке увидели на асфальте россыпи яблок.

-Откуда? - Озадачился Фёдор Иванович. - Из рога изобилия?

-С дерева! - Воскликнула догадливая Оля. - Смотри!

Брагин глянул вверх, и всё ему стало ясно: плоды сыпались с громадной яблони, ветки которой были перегружены плодами, никому здесь не нужными.

-В Томске расскажем, что в Бишкеке по яблокам ходили – не поверят!
- Покачал головой Фёдор Иванович.

-Не поверят, - подтвердила Оля.

Пошли дальше. Попали в дивный сквер, засаженный дубами, липами, ещё какими-то незнакомыми деревьями – красиво и уютно было, как в раю. Меланхолия овладела Брагиным.

-Вы помните, вы всё, конечно, помните, - продекламировал он, - как я стоял, приблизившись к стене, взволнованно ходили вы по комнате, и что-то резкое в лицо бросали мне...

-Любимая, меня вы не любили! - Сказала Оля.

-Ба, - удивился отец. - Значит, любимая, меня вы не любили?!

-Любила!

-Не любила! - Пресёк возражения отец.

-Нет любила!

-А может, это я тебя не любил? - Задумчиво предположил Брагин.

-Любил! - Утвердила Оля.

-Ну, может, любил, да разлюбил...

-Любишь!

-Не люблю!

-Врёшь!

-Вру, - сдался Брагин.

-Поври маленько, - разрешила Оля.

Она ступила на бордюр и пошла рядом с отцом, для удержания равновесия часто взмахивая ручонками.

-На асфальте шоссейных дорог я целую следы ваших ног! - Возгласил Фёдор Иванович. - Сильно сказано?

-Сильно, - согласилась Оля.

-Сам сочинил!

-А я тоже сочинила!

-Что?

-Не скажу! Тайна!

-К моей тоскующей груди приди и припади! - Распахнул объятия отец. Обнялись.

-Ну ладно, скажу, - снизошла Оля. - Слушай: До свиданья, до свиданья, не останусь я! И меня ты даже не проси!- пропела она эстрадно. - Уезжаю, уезжаю, уезжаю я! Лучше бы, конечно, впереди!

-Когда это ты придумала? - подивился отец.

-Сейчас. Ой, а это что!? Смотри!

«Это» оказалось жёлудем, невидалью для Оли. Фёдор Иванович объяснил Оле про желудёвую жизнь, причастность её к свинству.

-А это что за дерево? - указала Оля на какой-то ствол.

-Не знаю, - покачал головой Фёдор Иванович. - Не видал таких.

-Может это баобаб? - Предположила Оля.

-А может эвкалипт? - Возразил отец.

-А что такое эвкалипт?

-Дерево, живёт в Австралии. Сто метров вышины бывает! И больше!

-Да? - Оля задрала головёнку. - А тут всего километр! Значит это баобаб, - заключила она. - А может, ежевика.

-Где ты видела ежевику?

-Нигде, мама в книжке читала. Это дерево я не видела тоже. Значит, это ежевика.

-Пусть будет, - кивнул отец. - А не поискать ли нам снова Максамбека насчёт билетов?

-Айда! - Согласилась Оля.

Мимо гигантской конной статуи героического революционера Фрунзе вернулись к вокзалу. Нашли Максамбека. Максамбек нашёл им билеты. В кассе, в которой билетов не бывало никогда и никуда. На послезавтрашний поезд.

-Счастливо, - сказал сержант. - Будьте осторожны.

-В смысле? - Не понял Брагин.

-Вам ещё два дня быть в Бишкеке. Постарайтесь не ввязываться ни в какие дела с нашими. И никогда никому не показывайте, что у вас есть деньги.

-Воруют?

-Воруют. И не только воруют... Беспредел. Но к милиции постарайтесь не обращаться, будет ещё хуже.

-Кого же больше опасаться: бандитов или милиции? - улыбнулся Брагин.

- Милиции, - неулыбчиво взглянул на него Максамбек.

Надо было двое суток жить в Бишкеке. Надо было поменять ещё сколько-то российских рублей на киргизские сомы для этой жизни. И Брагины отправились к местному Сити – отрезок улицы Советской от железнодорожного переезда до почтамта, на котором кучно гнездились обменные пункты.

В первой обменке им предложили два сома за один рубль и Брагины пошли искать лучшей доли. В другой обменке за рубль давали два сома, и сорок тыйынов. В третьей – полтора...

-Что случилось? - озадачился Фёдор Иванович. - Почему так мало дают за рубль?

Меняла, человек ростом со стул, посмотрел на него свысока и отвернулся.

-Рубль падает, - пояснил стоящий рядом мужчина славянского облика.

-Как падает?

-Обвально. Паника на биржах. Разве вы не в курсе дел?

-Нет.

-Посмотрите телевизор, там круглосуточно об одном и том же: финансовый крах в России...

Было восемнадцатое августа 1998 года.

-Как говорил классик, хорошо, если за рубль дают хоть что-то, - усмехнулся соотечественник. - Хуже, если начнут давать в морду...

Вернулись к обменке, в котоой давали за рубль два сома и сорок тыйынов, но там предлагали уже два за один. Пришлось менять по такому курсу, пока рубль не пал ещё ниже.

Два дня Фёдор Иванович и Оля гуляли по Бишкеку. Город очаровывал своим шармом, которому не находилось определения. Уютно тут было. Но и следы неблагополучия встречались на каждом шагу. В подземных переходах протягивали руки русские старики. Возле некоторых усадеб висели пожелтевшие от безнадёжности объявления: продаётся. На тротуарах самодельные «коммерсанты» продавали бросовые ненужности: тарелки с отбитыми краями, банки из-под кофе, рваные штаны. Иные хозяева прямо у ворот усадеб выставляли на продажу домашнее имущество: холодильники, столы, стулья, кровати, посуду...

Покупателей в городе было меньше, чем продавцов. И – ни одного бомжа киргизской национальности. Бомжи вообще были здесь редкостью. А если попадались – русские.

Брагины ели мороженое возле Центрального универмага, когда неподалеку два милиционера-киргиза с рациями стали выяснять отношения с цивильным киргизом в джинсовом костюме. Милиционеры стали его бить. Тот отбивался, и довольно успешно, пока его не сбили с ног и стали пинать...

Оля онемела от ужаса.

-Пошли, доня, пошли... - увёл Фёдор Иванович дочку в сторону.

Милиционеры вышибли из сопротивленца сознание, стали шмонать. Вывернули карманы, забрали бумажник, деньги рассыпью. Пнули на прощанье ещё по разу и подались вразвалочку дальше, надменно поглядывая по сторонам, как грифы на охоте.

С громадного плаката взирал президент Акаев.

Пассажирский поезд № 355 « Бишкек – Красноярск », на который билетов в кассах не продавали, шёл полупустой. Фёдор Иванович с Олей ехали в купе вдвоём. Человеку, не знакомому со среднеазиатской экзотикой, могло показаться, что поезд этот только что выскочил из-под бомбёжки в прифронтовой полосе: оторванные двери, надорванные, шевелящиеся стены, покоцанные стекла окон. Казалось, сейчас это строение на колёсах развалится прямо на ходу и пассажиры выпадут на рельсы. И грязь, превосходящая даже российскую...

Но поезд шёл. И в выморочном купе у Брагиных наладился сносный походный быт, даже некий уют. Аскетический по отношению к себе, Брагин к путешествию с Олей подготовился основательно: все необходимые предметы обихода, еда, питьё были взяты в дорогу с избытком, везли даже пластмассовый таз для ежевечернего омовения Оли перед сном.

Сам поезд напоминал базар на колёсах. По вагонам шастали навьюченные баулами люди, предлагали купить у них то одно, то другое, то третье. Среди ночи Брагина разбудил человеческий вопль:

-Вы спать дадите!?!-...вашу мать!.. Да я вас, блядей!..

Брагин выглянул в коридор. Лысоватый мужик в спортивном костюме гнал по узкому проходу вагона группу лиц нерусской национальности и вопил:

-Козлы!.. Оборзели!.. Уже под одеяло лезут со своими цацками!..

Ассортимент самоходного базара впечатлял: пиво, вино, водка, газированные воды всех видов, колбасы, фрукты, овощи, шашлыки, жареные куры, лепёшки, копчёные рыбины, презервативы, столовые сервизы, средства от тараканов, рубахи, брюки, куртки, костюмы, часы, протезные дамские бюсты, китайские одноразовые вёдра и тазы, печёные бараньи яйца, манты, манты, и ещё раз манты, затем ещё сто раз манты, пироги, магнитофоны, телевизоры, порнографические игральные карты...

Коммерческий кошмар не знал перерывов на ночь. Когда Фёдора Ивановича разбудили на рассвете в сто двадцать третий раз грохотом в дверь и предложили купить японский унитаз, он понял, что способен убить человека...

А Оля, как ни странно, спала и не реагировала на раздражители. С проволочной полки на неё смотрели её неизбывные «друзьята»: плюшевые Тигрик, поросёнок Хрюндик, лошадка Гера, медвежонок Мишутка, пёсик Тоша и собачка Тошетта. Любимый бычок Гаврюшка спал в олиных объятиях «отдельной строкой». На второй полке одиноко скучал плюшевый верблюд Кашлик, он был куплен уже в дороге у походных разносчиков, ему было присвоено имя, но он ещё не был представлен "друзьятам" и сам таковым не являлся до поры до времени, то есть не стал ещё неизбывным.

Зыбкий рассвет колыхался над зооконной степью. Проплыли серые кочки заброшенного мусульманского кладбища, снова потянулись безжизненные пространства, и неясно было – кто и зачем погребён в дальней дали от человеческих пристанищ и дорог человеческих.

Утром поезд долго стоял в Алма-Ате. Фёдор Иванович с Олей вышли на перон, заполненный торговцами всякой снедью.

-Что дитё будет есть? - поинтересовался Фёдор Иванович.

Оля поразглядывала изобилие, увидела пироги:

-Пироги! С картошкой! Только с картошкой!

-С картошкой! Вот с картошкой! - грянул торговый хор.

Купили.

-Что ещё? - спросил отец.

-Ничего! - ответила дочка. - Только пироги с картошкой. Сто лет не ела пироги с картошкой. Нет, триста!

-Тогда четыреста, - уточнил Фёдор Иванович. - Триста лет без пирогов в Сае и сто лет – в Бишкеке.

-Четыреста, - согласно кивнула Оля. - И ещё сто лет в поезде. Сколько будет?

-Двести.

-Двести, - согласилась Оля, потом насторожилась: - почему двести? Семьсот получается!

-Разве? - удивился Фёдор Иванович. - Ты глянь, и вправду семьсот!

Днём одолела жара. Раскалённые духовки вагонов неслись сквозь горячий воздух, не охлаждаясь, а как бы ещё больше накаляясь от него. Фёдор Иванович мысленно благодарил неизвестных шаромыг,

выхлеставших когда-то полокна в их купе: сама рама никакими потугами не открывалась, а сдвинув фанеру, маскировавшую пробоину, можно было получить отменную форточку – спасение для путешественников.

-Лошадку покормить надо! - озаботилась Оля.

-Вон лепешка, - кивнул отец.

-Ты что!? - округлила глаза Оля. - Лашадке надо свежую траву! Она не может без свежей травы!

И настояла-таки на своём: на станции Сарыозек вынесли плюшевую лошадку Геру из вагона и пустили попасться. Лошадка стояла, спрятав морду в серовато-грязной прирельсовой травке, Оля осуществляла звуковое сопровождение: «Хрум-хрум-хрум...»

Накормили. Забрались в вагон. Поезд тронулся.

-Кашлика забыли накормить травой! - обомлела Оля. - И Гаврюшку! - слёзы отчаяния блеснули в её прекрасных глазах.

-Давай накормим их пирогами! - предложил отец. - Они ж умеют и пироги есть.

-Пироги, пироги...- укорила Оля. - Верблюду ведь тоже надо траву! Он чо – лысый? А Гавря?

-Давай сейчас накормим их пирогами, а на следующей станции выведем попасться на травку!

Оля приняла компромисс, стала кормить Кашлика и Гаврю пирогами. Потом поила чаем. Потом вытерла им морды салфеткой, приступила к ознакомлению Кашлика с «друзьятами».

-Это медвежонок Мишутка! А это верблюд Кашлик! - голосом телезвезды вещала Оля, затем резко сменила тон на медвежий и пробасила: «Очень приятно!»- после чего заговорила по-вербдюжьи (хотя никогда не видела и не слышала верблюдов): - Очень приятно!

Презентация длилась полдня.

На другое утро поезд долго стоял в Семипалатинске. У какой-то пассажирки начались роды, её вознамерились снять с поезда и отправить в роддом, но вызванная машина «скорой помощи» долго не появлялась. Поезд стоял, проводники матерились. Пассажиры гуляли по перону и далее. Фёдор Иванович и Оля пасли в чахломе привокзальном сквере своих травоядных скотиков – верблюда Кашлика, бычка Гаврюшку. Лошадку Геру. Хищники Тигрик, Мишутка и собаки Тоша с Тошеттой глазели на действо через окно. На верхней полке дремал всеядный поросёнок Хрюндик, ему всё было «по барабану»...

-Выпью-ка я пивка! - озарился Фёдор Иванович.

-Нет. - Строго сказала Оля.

-Почему?

-Пьяный сделаешься.

-Да ты что, дитёнышка?.. - смутился Фёдор Иванович. - С пива-то?

-Нет, папочка.

-Ну, доня...- Фёдор Иванович сделал шаг к ларьку. - Одну бутылочку!

-Всё, папочка! - Оля отвернулась и сложила ручёнки на груди. - Я с тобой не играю.

Она стояла спиной к отцу, маленькая, напряжённая, как стуночка, и в позе её было столько несчастья, что Фёдор Иванович устыдился.

-А вообще-то, я не пива хотел, наверное, - нерешительно сказал он. - А чего хотел, не помню...Кого бы спросить?

-Гаврюшку спроси! - не оборачиваясь, предложила Оля.

Фёдор Иванович склонился к плюшевому бычку:

-Гаврик, ты не помнишь, чего я хотел?

-Му-у-у! - пропел бычок олинным голосом. - Газировки ты хотел!

-Ба! - стукнул себя ладонью по лбу Фёдор Иванович. - А я-то маюсь и понять не могу сам себя, а оно вон оно чо! А какую газировку я хотел – апельсиновую или минеральную?

-Апельсиновую, конечно! - сказал бычок.

-И ещё мороженое ты хотел! - сказал Кашлик.

-И жвачку! - напомнила лошадка Гера.

-И марс! Марс! Про марс забыл! - вскричала Оля.

Отоварились.

Поезд проскочил Красный Аул, приближалась казахско-российская граница. По вагонам тревожно забегали «челноки» с громадными баулами, набитыми разным тряпошным товаром: по ту сторону границы, в Рубцовске, была таможня, естественный враг невольных торговцев.

На крохотном полустанке, где поезд тормознулся на минуту-другую, из вагонов вывалились со своими баулами самые отчаянные «челноки», вознамерившиеся объехать таможню на нанятых здесь автомобилях и спасти от разграбления свой товар и деньги.

Поезд тронулся дальше. Кончился Казахстан, началась Россия. И сразу кончилось привокзальное изобилие. В Рубцовске поезд стоял долго, но купить чего-нибудь поесть настоящего было негде: в ларьках водилась только заморская «химия» типа несъедобных чипсов и жвачек. Какая-то бабка сунулась было к вагонам с варёной картошкой и огурцами, но её турнули милиционеры с дубинами. Таможеники рылись в чемоданах пассажиров, у кого-то что-то отняли: из соседних купе доносились визгливые крики женщин, мужской мат...

-Пап, а почему таможники отбирают у людей их вещи? - спросила Оля. - Они бандиты?

-Как сказать... - не сразу нашёлся Фёдор Иванович. - Считаются не бандитами...

-Они воровщики! - догадалась Оля.

-Ну...не совсем... - промямлил Брагин. - Но вещи отобрать могут...

-Почему?

-Ну...- отец совсем растерялся. - Ну...чтобы люди не жили хорошо...- ответ прозвучал глупо, но ничего иного не рождалось в седеющей голове Брагина.

-Таможники хотят, чтобы люди жили плохо! - смекнула Оля.

-Ну, не то, чтобы плохо...

-Но и не хорошо, - понимающе кивнула Оля. - К примеру, нам хорошо: у нас есть друзья. Таможники захотят, чтоб нам было плохо, и отберут друзей! И нам станет плохо.

-Плохо, - подтвердил отец. - Нельзя отдавать друзей.

-Давай спрячем их! - озарилась Оля.

Вечером поезд полчаса стоял в Барнауле, и Оля снова выпасала друзей. Состав стоял на пятом пути, тут не было ни газонов, ни обрывков их, всё было вытоптано и заплёвано. Но между железками какого-то железнодорожного механизма возле рельсов тянулись к солнцу

несколько серых былинки, и Оля приткнула к ним травоядную троицу Гера-Гавря-Кашлик...

Снова поехали. Проплыла внизу, под гулким мостом, неширокая здесь Обь, долго тянулась широченная её пойма, потом поля, поля... перелески... лес...

Темнело.

Рано утром Брагиным надо было выходить в Юрге. Путешествие заканчивалось. Оля волновалась, долго не могла уснуть, много раз переспрашивала, когда будет Юрга, не проспят ли они, успеют ли собраться, и все ли вещи собраны...

-Спи, донюшка, спи, - шептал Фёдор Иванович, - не проспим. Сейчас спать надо. Я тоже спать хочу...

-Погоди, не спи! - попросила Оля. - Давай пошепчемся.

-Давай. А про что?

-Нашепчи сказку.

Фёдор Иванович уткнулся лицом в тёплый мрак между олиним плечом и подушкой, зашептал:

-В некотором царстве, в некотором государстве жила-была девочка. Она была очень хорошая, прелестная, все её любили, и так и говорили: любименькая! Но никто не знал, как её имя. Это была тайна!

-Я знаю эту тайну! - шепнула Оля. - Её звали Оля!

-Как ты угадала? - как бы изумился Фёдор Иванович.

-А вот и угадала! - торжественно прошептала Оля.

-Но это ещё не всё, - таинственно-заговорщицки зашептал Фёдор Иванович. - Самое главное впереди. Дело в том, что эта девочка была чудесная! Всюду, где она появлялось, всё становилось лучше, чем было раньше...

Стучали колёса, качались стены расхристанного вагона, за дырявым простенком в жутком сортире рыгал пьяный человек и страшно всхлипывал:

-Ох, бля!.. Ох... Ох, бля!.. Ох...

Где-то бесконечно далеко существовали жена Елена и тёща Раиса Фёдоровна, настолько далёкие, что не воспринимались как реальность, как не воспринимаются таковыми звезда Венера или какая-нибудь Кассиопея – всё равно они сами по себе, а люди сами по себе...

Брагину казалось, что они с Олей будут ехать в этом купе всегда. Мимо Юрги, мимо Тайги, минуют Красноярск, Иркутск, Читту, Хабаровск, достигнут Владивостока, чудесным образом перенесутся вместе с поездом и рельсами через океан и продолжат путешествие в Америке, потом окажутся в Африке, Австралии с Океанией, заглянут в Индию, тормознутся в Париже...

А родственникам можно слать письма.

Поезд с грохотом нёсся сквозь ночь, рассекая пространство и дробя время, которые вновь смыкались за ним.

-Спи, дитёнышка, - убаюкивал отец дочку. - Ножки устали. И ручки устали, и глазки, и вся любименькая устала... - бормотал он, сам почти засыпая, бормотал долго, боясь спугнуть оливо засыпание. - Все уже спят, и друзья спят, и ночь спит...

Оля давно спала.

1998.

Мамуан

Фельдшера Раису Фёдоровну Батько в посёлке звали Мамуан. И нарёк её так собственный муж, балагур и резонёр Александр Михайлович Батько – начальник единственной в посёлке автобазы. Он был настолько же обходителен с людьми, сколь неуживчива была его жена - рослая, по-лошадиному костистая дама с резким голосом.

А она приняла прозвище как должное, будто нашла в нём подобие почётного звания или партийного псевдонима. А может быть нравилась звучная нездешность клички – Мамуан! – было в этом нечто от «королевы Антуанетты» - особый изыск для индустриального посёлка на берегу Иссык-Куля.

Как супруги Батько ладили между собой дома, людям было неясно, сходились на материалистическом объяснении – « плюс и минус взаимно нейтрализуют друг друга».

Жили Батько хорошо. Богатый двухэтажный дом с усадьбой привлекал внимание ухоженностью. И, чтобы этот дом всегда был полной чашей, работали Батько беззаветно, как пчёлы; и на казённой службе по полной программе выкладывались и собственное хозяйство держали завидное. На зависть были и дети: Игорь, Лена, Сергей хорошо учились и в домашних делах были надёжными помощниками. Мать держала их в строгости почти армейской, взывала за промахи неотвратимо, но от нападок чужаков защищала люто. Только себя считала для них высшим судьёй и исполнителем приговоров, а отца в делах воспитательных числила чем-то вроде адвоката в советском судопроизводстве: юридически положен, фактически не обязателен.

Сыновья в разное время после школы и службы в армии один за другим поступили учиться – Игорь недалеко от родного посёлка во Фрунзенский политехнический институт, Сергей в далёкий Харьковский авиационный, а дочка прямо со школьной скамьи поступила в Томский университет. Огромный родительский дом опустел. Зато каждое лето дети дружно слетались сюда из разных концов Советского Союза, и старались появиться именно все разом. Сердца их замирали, когда автобус сбежал с перевала в Иссык-Кульскую котловину и в обрамлении поднебесных «снежников» открывалась под синим небом изумрудная бесконечность озера – щемящая картина родины. Дорога бежала вдоль берега к родному посёлку, и он показывался за заветным поворотом, и среди садов сразу угадывалась крыша родительского дома...

Мамуан в такие минуты выглядела генералиссимусом, принимающим парад. Празднично одетая, с кружевными эполетами на плечах, с замысловатой причёской из собственных медных волос провололочной фактуры, выходила за ворота к появлению заветного автобуса. Степенно ждала, пока тот остановится, и на родную землю сойдут её такие уже взрослые дети и направятся к ней. Именно к ней сначала, а не к отцу, стоящему обок неё с видом адъютанта её превосходительства. Она торжественно, на глазах соседей, лобызала чад у ворот и

снисходительно принимала ответные знаки внимания, затем допускала к церемонии Александра Михайловича:

-А ты что стоишь, как пень? Хоть бы обнял детей!

Тот обнимал.

И начинался праздник длиною в лето.

Случилось лето, когда общий праздник сломался: не приехал Игорь. Без объяснения причин. Отписал невразумительно в письме, что задержится и приедет позже. Лена с Сергеем по пути домой, как всегда, заезжали во Фрунзе к Игорю, но брата в общаге не было, и никто не знал, где он. Так и собрались под родной крышей в неполном составе.

Игорь периодически присылал письма, в которых продолжал невразумительно темнить насчёт дел неотложных и грозил вот-вот нагряться. И нагрелся - в конце августа, когда уехали Лена и Сергей. Накануне известил телеграммой, что приедет завтра и, возможно, с другом. Но приехал он послезавтра, и один, в дом вошёл тихо, словно лазутчик во вражеский стан. Выглядел не празднично, и даже измученно, как блудный сын с картины средневекового творца.

-Что с тобой? – строго спросила мать после лобызания безответного.

-Да так... - мямлил Игорь. – Суета заела...

-Что за суета? – Потребовала отчёта мать. – Ты чего-то не договариваешь! А!? Что случилось!?

-Ничего. С чего ты взяла...

-Дай парню отдохнуть с дороги, Мамуан, - добродушно проговорил отец, - что ты сразу допрос ему устраиваешь, домой явился, не в партком.

-А тебе слова не давали! – осадила мужа Мамуан. – Ты не видишь, у сына что-то случилось? Тебе дела нет!? Отец называется! А ну, Игорь, рассказывай, что стряслось!..

Сын мялся, мычал какие-то междометия, но Мамуан вцепилась в него и вытрясла чистосердечное признание:

-Ну, ... это... женюсь...

-Что-о-о-о!? – обомлела Раиса Фёдоровна. – Это как это понимать: женюсь? Студенческая свадьба вроде собачей!?

-Ну... так... - оробел Игорь. – Мы с Наташей решили...

-Они с Наташей решили!!! – басом возвестила мать. – Вы слышали, люди добрые!? Они с какой-то Наташей решили!!! Царица небесная!!! Пресвятая мать богородица!.. Отец, ты слышишь!?

-Слышу, - отозвался отец и с улыбкой подмигнул притихшему сыну. – Так о какой Наташе-милаше идёт речь, а, сына?

-Ты что, старый, рехнулся!? – возмутилась Раиса Фёдоровна. – Сын студент жениться задумал не доучившись, а тебе хаханьки!?

-Погоди, дай Игорю сказать...

-Я скажу! Я так скажу, что мало не покажется! – загремела Мамуан. – Ишь, чего удумал!.. Жениться!.. На третьем курсе!.. На какой-то Наташке-парашке!.. Зачесалось у неё, что ли!?

-Мама!.. – отчаянно вскрикнул Игорь. – Не смей!..

-Это ты не смей! – Рявкнула мать. – Отбился от рук там, в своём Фрунзе!..

Остановить Мамуан было невозможно: голос её командирский гремел в комнатах большого дома, во дворе, в саду, перелетал на соседние подворья и нёсся дальше через Иссык-Куль к снежным вершинам горного хребта, окаймляющего котловину.

Мамуан даже не заметила, как Игорь вышел, она солировала, размахивая руками, и призывала в свидетели творящегося безобразия «пресвятую богородицу, царицу небесную, людей добрых, свят-свята, всемилостивейшего господа, отцов-святителей», снова «людей добрых и мать пресвятую...»

-Меня не забудь для кворума. – Подал голос Александр Михайлович.

-А тебе б только в душу плюнуть! – сбилась с пафоса Раиса Фёдоровна. – Сын родной с ума сходит, а тебе и дела нет!..

-Да ни с чего он не сходит! Дело молодое... Да и ты ж толком ничего ещё не знаешь. Ты ж ему рта раскрыть не даёшь. погоди, расскажет сам.

-Расскажет, когда поздно уже будет! Я сейчас из него правду вытрясу!..

И она ринулась из комнаты, но, очевидно, в поисках блудного сына не преуспела, в раскрытые окна доносился её резкий голос:

-Евгения Петровна, ты моего вахлака не видела!?! Игоря!.. Куда это он запропастился!?! Только что тут был!.. Минута как приехал, и уже прочь из дома!.. Что за молодёжь пошла!.. Ну, вернётся, я ему устрою!..

Игорь затаился, как партизан.

Нашёлся он к вечеру у соседа, его одноклассника: парни пили водку. Когда это узрела « по наводке» ворвавшаяся в чужой дом Раиса Фёдоровна, от негодования она на миг застыла на пороге, потом орлицей кинулась на сына и под громкие стенания уволокла его домой. Всколоченный Игорь был посажен посреди залы на стул и аттестован матерью в небывалом качестве:

-Вот, люди добрые! Посмотрите на алкоголика! А!? Каково матери видеть это!?! Да я своими руками его!..

-Бог с тобой, Мамуан! – возроптал Алексей Михайлович. – Отпусти парня!..

-Ты, потатчик, сядь! – Скомандовала Таисия Сидоровна мужу. – Тебе плевать, что сын спивается!..

-Ты с ума-то не сходи!.. – Осерчал невозмутимый обычно отец. – Да отпусти ты его!

Игорь силился оторвать от своей головы материнские клешни, вцепившиеся в его рыжие кудри, громко сопел и шмыгал носом. А мать гремела:

-Смотри! Смотри в глаза!

Батько-старший вдруг рявкнул не своим голосом:

-Отпусти парня, дура!

Мамуан от неожиданности вздрогнула и выпустила жертву из когтей. Игорь кинулся вон. А Мамуан рухнула на диван битой птицей и зарыдала басом:

-Убили!.. Убили мать!.. Убили!.. Ох, убили!.. Царица небесная!..

Игорь не вернулся домой в тот вечер. И ночью тоже. Объявился утром следующего дня, когда родители были на работе. Собрал свои немудрёные вещички и потопал к автобусной остановке.

Тут-то и настиг его отец.

-Ты куда это наострился? – взял он сына за рукав.

-Пора мне... - уклонился от ответа Игорь.

-А ну, пойдём, - потянул его отец в сторону дома, - пойдём, пойдём.

Он привёл угрюмо молчавшего сына домой, усадил за кухонный стол и достал из холодильника бутылку водки. Разлил в два стакана.

-Будем здоровы! – поднял свой стакан и выпил.

Игорь неуверенно взял свой стакан, подержал на весу, тоже выпил.

-Рассказывай, - попросил отец, - кто она, что и как.

Сын вздохнул, помолчал, отрывисто проговорил:

-Сокурсница.

-Откуда?

-Местная.

-Давно вы с ней?..

-С весны...

-Стало быть, беременная...

Игорь кивнул.

-Её родители знают?

-Знают.

-И как?

-Да никак.

-В смысле?

-Мать её умерла давно, отец с другой живёт, ему без разницы. Ищите, говорит, жильё и живите, как хотите.

Помолчали.

-А как с учёбой? – нарушил молчание отец.

-Оформили академические. Оба. Я на работу устроился. Формовщиком в литейке.

Отец удивлённо поднял брови, смотрел недоумённо.

-Платят подходяще... - пояснил Игорь. – Опять же, обещают комнату в рабочей общаге...

-А где же вы до сих пор живёте?

-Ну... Ну... В общем, нигде... Сначала у её знакомых баню снимали... потом на мичуринском домик...там нары есть...

-Что!?! – привстал отец. – С беременной женой на нарах!?!..

Он застыл над столом в полусогнутом положении, потом налил в стаканы ещё водки, чокнул один о другой и выпил. И Игорь выпил.

-В общем так. – По-командирски проговорил отец. – Сейчас идём в гараж готовить жигулёнок в путь, и с утра за Натальей.

-А...

-Бэ! Здесь жить будете. И работа тебе здесь есть. В шахте электрики требуются. И на полупроводниковом заводе. Как раз по твоей специальности.

-А...

-Да что ты заладил «а!» да «а!»? Я зачем этот терем строил!? Своими руками! Чтобы мой сын с невесткой по чужим углам шатались!? Всё! Разговор окончен! Здесь жить будете!

-А...

-А Мамуан я беру на себя. – Неожиданно железобетонно произнёс отец. – Будь тут, я пойду в медпункт.

Что, как, о чём говорил с Мамуан Александр Михайлович – осталось тайной. Вечером она вернулась домой и с порога объявила сыну:

-Чтоб одна нога тут, другая там: завтра же твоя невеста должна быть здесь. С отцом поедете. Ишь, обрюхатил девку и в ус не дуешь!? Тихушник! Родной матери сроду не признается! По чужим углам скитаются, седины наши позорят! У нас что, места в доме мало!? Ни стыда, ни совести! Срам!.. Со стыда сгоришь перед людьми!..

На другой день привезли Наталью: заурядного вида девушка без особых примет не была ни скованной, ни бойкой – Мамуан её приняла благосклонно.

Свадьбу сыграли пышную, гостей было – полдвора. Прилетели Лена из Томска и Сергей из Харькова. Пили, пели, веселились допоздна. Обошлось без эксцессов: Мамуан зорко следила за порядком, и тех, кто позволял себе расслабиться больше положенного, мигом выпроваживали. В посёлке потом долго ещё рассказывали, что в доме Батько умудрились даже посуду и полы перемыть в тот же вечер свадебного дня! То есть, никакого похмелья, никакого продолжения разгула на следующий день заранее не допускали: всё в строгих рамках. Тем более, что Лена и Сергей на другое утро уехали: веселью час, делу время – эта семейная заповедь выполнялась неукоснительно.

Через день разразилась буря. Мамуан проснулась, как всегда, ни свет ни заря, прошла по комнатам и поднялась на второй этаж к молодым. Отворила дверь в их спальню и замерла на пороге: Игорь с Наташей, по тёплому в этих местах времени, спали в обнимку в «чём мама родила»...

-Это что же творится, люди добрые!? – громогласно возвестила Мамуан. – Царица небесная, пресвятая мать богородица!.. Глаза бы мои не глядели на такой срам!.. Тьфу!.. Тьфу!.. Тьфу!..

Оплёванные молодые очнулись, ошарашенно смотрели на Мамуан ничего не понимающими глазами и безуспешно пытались нашарить на постели одеяло. А одеяло валялось на полу и в этом для Мамуан увиделось дополнительное бесстыдство.

-Расшеперились!!! – взревела она. – Нате, мамаша, смотрите, чем мы тут занимаемся над вашей головой!..

Стащил её вниз вовремя прибежавший на шум Александр Михайлович. Мамуан продолжала браниться и в кухне, на второй этаж её крики долетали уже приглушённо.

На первый раз Мамуан молодых простила. С условием, чтобы больше такой «порнографии» в её доме не было.

Наталья с этой поры старалась реже попадаться на глаза свекрови, чем вызвала её очередное неудовольствие:

-Ты что это, девушка, как не родная? Характер показываешь? Смотри у меня... Я этого не люблю. У меня чтоб всё просто было. Ясно?

-Ясно.

-Вот так. Живёшь в моём доме, изволь подчиняться моим правилам.

Наталья и без того подчинялась. Что от неё требовалось сверх того, так и не поняла. Но избегать свекрови стала ещё усерднее. И если что надо было решить по хозяйству, обращалась к свёкру: с тем всё решалось легко и просто.

Мамуан, Алексей Михайлович, Игорь по утрам уходили на работу. На попечении неработающей Натальи оставалось домашнее хозяйство. Сад, огород, корова, козы, свиньи, куры, кролики, пчёлы, кухня - крутиться молодухе в частном секторе приходилось, как заведённой.

Вечером одновременно возвращались с работы труженики госсектора. Раньше всех появлялся Игорь, уже мытый после смены в шахте, но всё еще со следами угольного макияжа на худом лице. Потом являлась Мамуан. Долго квохтала про боли в пояснице, ногах, шее, и начинала делать оздоровительную гимнастику по методу профессора Шмокля: лёжа в зале на ковре, разводила в стороны жилистые руки и ноги, затем быстро соединяла их, снова разъединяла, словно стригла костлявыми конечностями воображаемое нечто, потом брала электро-вибромассажёр и жужжала им, облагораживая свою пупыристую кожу. Позднее всех приходил Александр Михайлович. Семья садилась за стол. Ужинали долго, хотя ели мало.

На столе царил натурализм без изысков. Всё было собственного производства: мясо, сыр, масло, яблоки, виноград, персики, груши, абрикосы, огурцы, помидоры, мёд, сало, колбасы, окорока... Выросшая в аскезе Наталья смотрела на эти натюрморты как на плакатный «рог изобилия», символизирующий коммунизм. А её новые родственники, похоже, давно жили в своём односемейном коммунизме и потребляли по способности: ковырялись в яствах, словно исполняли назойливую необходимость.

Осень на Иссык-Куле кончается в декабре, когда в садах срезают последние георгины. Тогда же созревают домашние вина в подвалах.

К новому году Наталья родила сына. Санёк – так назвали нового представителя рода – был крепок и голосист. Возведённый в дедское достоинство Александр Михайлович воссиял, и в день появления на свет внука устроил на своей автобазе коллективную аморалку: выставил перед коллегами ящик водки и объявил епитимью всякому, кто не причастится...

Вечером в доме Батько причащались близкие к дому люди. Обабившаяся Мамуан принимала царские почести с таким видом, будто совершила очередной подвиг во имя человечества.

Возвращение Натальи с младенцем из родильного дома в дом Батько приравнивалось к возвращению девы Марии с Христом из Вифлиема в родной Назарет. Мамуан лобызала их и громко славилась. И успевала деловито отдавать приказания поглупевшим от волнения Александру Михайловичу и Игорю.

Начались дни и ночи, где главным обстоятельством жизни в доме сделался младенец – плач, крик, пелёнки, кормления, омовения, умиления, огорчения... Семья сплотилась вокруг новой жизни и подчинила ей весь быт.

К весне Санька научился улыбаться беззубым ртом и по-бабуински говорить нечто вроде «еу-еу-еу-еу...».

-Говорит, что летом на ножки встанет! – перевёл санькину «речь» на русский язык дед Батько. – Надоело спину шлифовать об пелёнки.

-Что ты мелешь, старый! – укорила Мамуан. – В полгода разве стоят? Ты забыл, как твои росли? Так загляни в фельдшерский справочник! Там всё написано!

-У нас внучок не книжный! – Ворковал дед. – Верно я говорю, Санёк? Ась?.. О!.. О!.. Слышь, Мамуан, что он глаголет? Говорит, именно этим летом с дедом гулять пойдёт!

В День международной солидарности трудящихся 1 Мая местные власти организовали демонстрацию поселковых трудящихся. Полупьяная колонна под кумачовыми знамёнами и плакатами с песнями прошла от шахтоуправления к Полупроводниковому заводу, выслушала крикливые приветствия, доносящиеся из радиоботала на столбе близ памятника Ленину, покричала «ура!» сама себе и распалась на бесчисленные людские ручейки: трудящиеся подались отмечать праздник далее в теплых, дружественных компаниях.

Игорь с группой товарищей угнездились на лужайке за базарчиком и, как потом было записано в милицейском протоколе, « коллективно распивали спиртные напитки в общественном месте и распевали народные песни, а гражданин Батько Игорь Александрович пел клеветническую песню «...и вот он прямо с корабля пришёл давать стране угля...». Проходивший мимо участковый милиционер Исламов М. С. сделал ему замечание, « чтобы он не делал антисоветскую пропаганду», но вышеупомянутый Батько И.А. оказал сопротивление сотруднику милиции пением клеветнических измышлений до конца после чего был доставлен в изолятор временного содержания...»

Утром Игоря выпустили из клетки, посулили возмездие за «антисоветчину».

Мамуан была вне себя.

-Алкаш! – набросилась она на сына. – Докатился до позора!.. Нецензурщину орал на людях!

-Какую нецензурщину? – огрызнулся Игорь, - это песня Высоцкого...

-По-твоему, оклеветал тебя участковый!? Не ври! Участковый зря не скажет!

-Да он пном-пень, твой участковый! Наши ему не налили, он и решил показать власть!..

-И что теперь будет!?

-А что должно быть?

-Так ведь дело шить на тебя участковый грозился!

-На него самого надо дело шить!

Уголовное дело об антисоветской пропаганде на Игоря шить не стали, оштрафовали «за нарушение общественного порядка» и направили материалы на место работы. Приказом директора шахты электрика Батько И.А. лишили месячной премии, «тринадцатой зарплаты» и льготного отоваривания в «столе заказов». Это-то и добило Мамуан. Вечером она влетела на второй этаж к молодым и высказала сыну всё, что о нём думает:

-Вот до чего пьянка доводит! Алкаш позорный! На весь посёлок прославил! Как теперь жить!? Как глядеть людям в глаза!?! Ты только о своей глотке думаешь!.. А чем семью кормить, не думаешь!?

-Причем кормить? – не понял Игорь.

-Знаешь на сколько тебя премий лишили!?

-Ну и что?

-Ах, тебе «ну и что»? Вон оно как!.. Привык сидеть на материнской шее, так тебя не волнует, сколько денег на работе недополучишь!? Вырастила сына на свою шею!.. Сел и ноги свесил! Да ещё не один - с довеском!

-Да ты что... - растерялся Игорь. – Ты о чём говоришь?

-О том! Долго твоя Наталья думает дома прохладиться?

-В каком смысле? – Нахмурился Игорь.

-Не пора ли работать, как все?

-Так она... разве не работает?

-Дома-то? Да тут молодой бабе дел на два часа в день! Остальное время – с Санькой играть, да на диване валяться?!.. Могла бы во вторую смену на заводе работать! Мы ж все дома вечером! А ты вообще в три часа дня уже дома! Она что, приехала сюда на диване лежать? Я вот с ней поговорю!

-Не надо говорить, - вышла из другой комнаты Наталья, - я уже всё слышала.

-А слышала, так и хорошо! – обрадовалась Мамуан. – Я всё понятно сказала?

-Понятно, - кивнула Наталья.

-Тогда – с богом!

На другой день, пока старшие Батько были на работе, Игорь с Натальей собрали пожитки, прихватили Саньку и исчезли из родительского дома.

Обосновались они на другом краю посёлка в заброшенном бараке, где некогда жили условно освобождённые из концлагерей «химики».

В тот вечер Александр Михайлович впервые за свою семейную жизнь поднял руку на жену: замахнулся... и опустил.

-Какая же ты стерва... - вздохнул он нервно и ушёл в гараж. Достал из заначки бутылку водки, сел в жигулёнок и выпил из горла тёплой, противной водки. И закурил, чего не делал уже давно.

Прошла неделя. Две. Три. В посёлке живо обсуждали жизнь семейства Батько. Сведения поступали, как боевые донесения: вот дед Батько пришёл к молодым и звал их вернуться... вот бабка Батько подходила к бараку и издали разглядывала прибежище своих строптивцев... а вот Игорь с Натальей и Санькой ездили на выходные во Фрунзе... вот снова Батько-старший пришёл к молодым, и снова, явно уговаривает вернуться ... Знатоки рассуждали о скором приезде в отчий дом Лены и Сергея Батько на каникулы, то-то удивятся обстановке в доме...

Знатоки попали в «десятку»: от мысли, что скоро приедут младшие дети и узнают о бегстве Игоря с семьёй из родного дома в барак, у Александра Михайловича начинало останавливаться сердце.

А Мамуан держалась молодцом. Она даже помолодела года на полтора-два. Гордый орлиный взор очей её клинком пронзал

пространство перед собой, и находиться в поле её зрения было неуютно даже знакомым. Долгими ночами она сочиняла письма детям: Лене в Томск и Сергею в Харьков – отписывала, сколько горя принёс ей Игорь со своей Натальей, как спивается, оскорбляет родителей...

-Не суетись! – утешала она мужа. – Намаются, сами приползут!

Молодые не приползали. Они не появились даже на пятидесятилетие отца, когда в батьковском доме собрались родные и близкие. Праздновали юбилей совсем не празднично.

В начале июня с Александром Михайловичем случился инфаркт. Прямо на рабочем месте, в кабинете, где он вёл планёрку. Сами коллеги и доставили его в больницу, не тратя времени на вызов «скорой» – тем и спасли. Весть о чепе мигом облетела посёлок. Игорь примчался в больницу плохо отмытый от шахтной черноты, увидел возле реанимационной палаты мать, отвернулся и молча прошёл в дверь. Разговаривать было не с кем: отец был без сознания, от рук его отходили какие-то прозрачные трубки...

На исходе дня в барак на краю посёлка пришла Мамуан, бухнулась перед молодыми на колени и заголосила:

-Ой, да на кого ж вы меня покинули!.. Срамота-то какая!.. Отец не виживет, если вы не вернётесь домой!.. Господи милостивый, царица небесная, да за что ж мне такая кара!.. Если сейчас не вернётесь домой, я повешусь!.. Всё!..

Молодые вернулись. Атмосфера в доме установилась, как после гражданской войны. Лене и Сергею написали, что отец прихворнул, но не стали тревожить подробностями, чтоб не сбивать их сессионную сосредоточенность. И они прибыли домой на каникулы в неведении относительно реального положения вещей. Узнали и притихли. Поняли, насколько Игорь своими выходками допёк и мать и отца...

Холодок возник в отношениях между Игорем и Сергеем с Леной.

Александр Михайлович долго не мог подняться. Ему оформили инвалидность, по прогнозам медиков с работой было покончено навсегда.

И тут обнаружилось, что без участия отца «захромало» домашнее хозяйство. Роль Александра Михайловича раньше как-то не особо выделялась: в свободное время с пчёлами возится, улики чинит-ладит, там доски привёз какие-то, там дровишки, комбикорм, сено... то, сё... - всё как-то между делом, незаметно. Но когда слёг, выяснилось, что это «то, сё...» и было основой, на которой всё держалось. Игорь был прирождённо ведомым, умел только исполнять порученное. Младшие дети могли участвовать в делах лишь наездом. Командиром всегда была Мамуан, но теперь выяснилось и другое: в хозяйстве требовался не командир, а хозяин. Мамуанские крики-понукания теперь приносили в дела только раздор, бестолочь, нервотрёпку. Всё делалось не так. Лена и Сергей на этот раз уехали раньше обычного, без них в доме стало совсем безрадостно. В этом году выдался отменный урожай фруктов:

вишни, абрикосов, яблок, груш, винограда, персиков уродилось столько, что надо было работать с утра до вечера, чтобы управиться с этойкой прорвой флоры, не упустив и хрюкающую-мычающую-кудахчущую фауну. А всё шло как-то «через пень-колоду». Даже Санька перестал «еу-евкать» радостно.

Поэтому все с облегчением вздохнули, когда Александр Михайлович окреп настолько, что стал выходить из дома. Он не мог ещё ничего делать по хозяйству, только ходил, смотрел и изредка давал указания, звонил кому-то, что-то обсуждал, о чём-то договаривался... и непостижимым образом чёртовы круги неладов стали раскручиваться в обратную сторону, жизнь возвращалась в прежнюю колею. В чём-то стало даже лучше: Алексей Михайлович теперь не пропадал на работе от зари до зари, и его постоянное присутствие в доме создавало постоянное поле доброты.

А поздней осенью пришло письмо из Томска от Лены: просила благословения на брак с сокурсником...

Мамуан впала в истерику и закричала, что не допустит, чтобы её единственная дочь ломала свою жизнь скороспелым замужеством, что она сейчас же вылетает в Томск и остановит безумие...

Два дня Александр Михайлович убеждал Мамуан остановиться вовремя и встать на правильный путь. У Мамуан случилось ещё несколько истерик, потом она сдалась и поставила условие: молодые приезжают гулять свадьбу здесь, Мамуан подумает и окончательно решит – расписываться им или нет.

-Тогда, может быть, сначала пусть прилетят сюда на смотрины? – предложил Александр Михайлович. – А потом решим и со свадьбой.

-Два раза им туда-сюда мотаться, что ли!? – Возмутилась Мамуан. – Деньги девать некуда, что ли!? Всё надо делать разом! Кроме расписывания! Зачем им здесь расписываться, в нашей дыре? В Томске распишутся, если дам добро! Надо посмотреть сначала!..

Александр Михайлович намекнул было, что после того, как отгуляют свадьбу, вопрос о расписывании уже, вроде бы, и не подлежит обсуждению, но Мамуан его не слышала:

-Царица небесная, пресвятая мать богородица!.. – Завела она свою коронную арию.

И Алексей Михайлович махнул рукой. Принялись сочинять письма детям. Между прочим Мамуан приписала, как низко пали Игорь и Наталья: стали попивать уже вместе, Саньку совсем забросили, растёт ребёнок при живых родителях сирота-сиротой, и если б не дед с бабкой, так и с голоду помер бы...

Мамуан перечитала написанное и после знака «ПЭЭС» приписала: « Вот так, доченька, живём мы тут, старые и оскорблённые...»

Отправили письма и стали готовиться к свадьбе. Игорю и Наталье приходилось крутиться: надо было и за винами хорошими во Фрунзе съездить, и платье свадебное Лене подготовить, и кабана завалить и сразу разделать-закоптить, и... дел набиралось столько, что к ночи все падали «без задних ног».

Успели.

Все вовремя съехались, всё вовремя сделалось.

И очередная свадьба «пела и плясала» в большом доме Батько. Леночкин муж Виктор, рослый симпатичный очкарик, производил впечатление мягкого, интеллигентного человека с хорошими перспективами: был из хорошей семьи, подавал надежды и уже сейчас ему обещали место при кафедре, аспирантуру. Это подтверждала и приехавшая с молодыми вдовствующая сватья Валентина Ивановна, преподаватель университета: всё будет хорошо, молодые будут жить в её большой квартире и она создаст им все условия для успешного завершения учёбы и дальнейшей научной работы...

Мамуан всплакнула и по-свойски облабызала сватью:

-Господи милостивый, берегите моё сокровище!

Все разъехались вовремя, совершив всё вовремя.

Через полгода пришло письмо из Харькова от Сергея: извещал о намерении жениться, что всё уже решено, он давно живёт в семье невесты, пора расписаться и сыграть свадьбу. В Харькове. Это Сергей отметил особо, заранее отвергая возможность обсуждения вопроса о месте ритуала. Просил родителей приехать на свадьбу в Харьков. А времени до той свадьбы оставалось ровно неделя.

Мамуан взрыднула:

-Господи, царица небесная!.. Да он мать в грош не ставит!.. Ему плевать на мать!.. Не мог дождаться окончания учёбы!.. И кто их гонит!?!.. На кого меня оставляют!?! Они что – сговорились!?

Последовали бурные, продолжительные истерики, переходящие в протрации. Александр Михайлович поил Мамуан валерьянкой и убеждал, убеждал, убеждал...

Убедил.

Стали соображать, что делать: отец слаб для путешествия за тыщи вёрст, матери одной ехать – ни то, ни сё...

Сделали проще: отправили Сергею денег и в письме строго наказали приехать летом с женой в родительский дом на всё лето. Как всегда, Мамуан сделала приписку о том, как измучили их Игорь и Наталья: хамят, оскорбляют, пьют, орут, до рукоприкладства опускаются...

В доме снова воцарился мир. Подросший Санька как хвостик ходил за окрепшим мало-мальски дедом и был беспременным участником всех его дел: ездили в жигулёнке, ходили на почту и в магазины, чинили улики... и вообще неразлучны были.

Ждали скорого приезда Лены и Сергея со своими «половинами».

В начале июня Игорь вознамерился ехать с товарищами-шахтёрами на рыбалку: к приезду гостей собирался наловить и навялить рыбы. Да и просто отдохнуть от повседневных сует. Ехать собрались далеко и надолго – на Балхаш на целую неделю. Оформили кто отгулы, кто отпуск. Потому и собирались основательно: чтобы ничего не забыть, заранее составили длинный список всего, что предполагалось взять и

сделать, и, по мере выполнения, «открывали» пункт за пунктом. Особой строкой в ведомости стояло: «ящик водки»...

Секретным список не считался, его не прятали, лежал на столе в комнате Игоря и Натальи. Мамуан его заметила и прочитала...

Она отбросила бумагу, строевым шагом вышла на крылечко, возле которого Игорь с Натальей разбирали сети, и закричала:

-Так вы с собутыльниками водку жрать собрались!!!.. То-то, гляжу, забегали твои алкаши к нашему дому!.. Почуяли!.. Никуда не поедешь! Ясно!? А ну, брось свои сети!.. Или я спалю их к чёртовой матери!..

-Ты что вызверилась? – Угрюмо спросил Игорь.

-Ты как с матерью разговариваешь, хам!?

-Сама не хама.

-Что-о-о!?!.. – обомлела Мамуан. – Ты со мной так раз-го-ва-ри-ва-ешь!?!.. – она задохнулась, лицо её лошадиное покраснело, и пронзительный вопль огласил сонное царство посёлка, - Мерзавец!!!!.. Подонок!!!!.. Родную мать!!!!.. Люди добрые!!!!.. Царица небесная!!!!.. Чтoб ноги твоей в моём доме не было!!!!.. И спиногрызов своих забирай!!!!..

Когда Александр Михайлович с Санькой приехали с пасеки, Игоря с Натальей в доме уже не было. В зале на диване лежала Мамуан и хрипло рыдала:

-Выкормила выродка на свою голову... Царица небесная, за что же мне такое наказание... Выродки... Выродки...

Александр Михайлович всё понял и без особых толкований. Игоря с Натальей он нашёл неподалёку - у бывшего игорева одноклассника Женьки Строева.

Домой молодые возвращаться отказались наотрез. Сказали, что завтра, когда мать уйдёт в свой медпункт, придут забрать вещи. Жить будут первое время здесь, у Женьки, и одновременно подыщут себе постоянное жильё.

Отец выслушал сказанное, как приговор, сгорбился и ушёл.

В большом доме Батько стало тихо. Мамуан ожесточённо впряглась в домашнюю работу, на подворье слышались её бесконечные сетования: «... опять свиньи забор подрыли и некому исправить!.. Что за работнички, ети их мать!.. Руки бы оторвала!.. Господи, царица небесная!..»

Домашней работы почему-то не убывало, а только прибывало: то одно вылазило, то другое. Доставала из погреба окорок, и заметила, что он слегка подпортился: белесоватая плёнка образовалась на ядрёной поверхности прокопчёной свинины. И тут же отметила, что совсем не убывает домашней выделки тушёнка: как с осени затоварили полную полку банок, так почти нетронутой и стоит. И скоро новую варить. А куда старую девать?.. А в кладовке набралось столько сухофруктов, что придётся скормить их свиньям, не выкидывать же... И мёду тонны полторы неизвестно куда девать, покупают плохо, везти некуда, и новый скоро пойдёт...

Да и кому есть?.. – невесело озарилась Мамуан. – Вот, Игорь с Натальей, опять же, бросили родительский дом... Неблагодарные... Всё для них делали, всё для них старались, и оказалось – зря...

Она опять писала Лене и Сергею о том, как подло поступил с матерью и отцом Игорь, как горько больным старикам сознавать свою ненужность и брошенность...

Приехали Лена с Виктором и Сергей с Валентиной, узнали о обстановке в доме и посочувствовали Мамуан: уж она ли не лелеяла Игоря...

Гости уехали и в доме стало опять пустынно.

И тут судьба преподнесла Мамуан очередной сюрприз: шахтоуправление предоставило Игорю Батько квартиру – это был старый четырёхкомнатный «финский» дом прямо... за штакетным забором усадьбы Батько-старших...

Мать круглыми глазами смотрела с крылечка, как сын и невестка, словно не замечая её, вносят в дом узлы... и не знала, что сказать.

-А где Санька? – сказала она.

Ей не ответили. И тут Мамуан прорвало:

-Царица небесная!.. Пресвятая мать богородица!.. Смотрите, люди добрые, как сын с родной матерью обращается!..

Так и стали жить бок о бок. Постепенно страсти поутихли, отношения притупились, наладилось минимальное общение. А когда у Игоря с Натальей родилась дочь Таня, дед с бабкой на радостях подарили молодым свой жигулёнок.

Подарок, по социалистическим меркам, был царским.

-А как же вы... - насторожился Игорь. – Отцу без машины никак.

-Поднатужимся, другую купим, - успокоила мать.

Отец подмигнул сыну заговорщицки:

-Дают: бери, бьют: беги. Тебе с двумя малыши без машины тоже никак. А мы с матерью что-нибудь ещё сгношим, какие наши годы.

Поднапряглись Батько-старшие и сгношили новую «шестёрку», смотреть на которую сбежалось полпосёлка: выдающийся аппарат! Дед первым делом загрузил в машину внуков и прокатился с ними до Иссык-Куля и назад. Маленькая Таня от впечатлений описалась, обозначив на новом сиденье пятно, напоминающее очертаниями Австралию, каковой её рисуют на глобусе.

-Молодец! – Одобрил дед. – Теперь можно считать машину освящённой! Дитё окропит – это тебе не поп мокрым веником махнёт! Святое дело.

Шли годы. Старшие старились, молодые мужали, дети подрастали. У Сергея родился сын, и на присланной фотографии видно было, что порода батьковская в нём уже угадывается.

-Нашего полку прибыло! – Радовался дед. – Летом приедут, отпразднуем все вместе как следует!

-Зато у Лены за столько лет никого... - плеснула «ложку дёгтя» в «бочку мёда» Мамуан. – Это Витька неполноценный, точно! У нас в породе сроду бездетных не водилось!.. Господи, царица небесная, нашла же Леночка себе муженька... Он сразу показался мне каким-то

недоделанным!.. Да ещё курит, как паровоз! А пьёт, как я погляжу, с большой охотой!.. Вот потому всё у него и отравлено...

Горбачёвская перестройка не внесла сумятицы в патриархальную дремоту посёлка, здесь даже не поняли, чего хотел новый генсек: жили и так, как у Христа за пазухой, ни о каких диссидентах и слыхом не слыхивали, а газеты читать не во всяком доме и принято было. Если чего и ожидали от перемен, так только улучшения. «Политически подкованная» Мамуан даже высказала предположение:

-Может теперь вернут имущество моей маме! Раскулачили их, разорили в тридцать третьем, дом отдали под сельсовет, так он и теперь стоит в свинсовхозе, как новый! На века дед строил! Если по-справедливости, так обязаны вернуть! Вон и в телевизоре про это говорят!

Мать Раисы Фёдоровны, восьмидесятилетняя Мария Ивановна, жила со своим «приёмным дедом» Иваном Фроловичем, отчимом Раисы Фёдоровны, в том же свинсовхозе возле Фрунзе, где стоял и отобранный у неё дом. Жили старики в другом доме, построенном уже после войны. И два тех дома были полной противоположностью: добротный, просторный терем с громадной усадьбой «старорежимных» времён, и наспех сколоченный из чего попало «хауз» времён победившего социализма.

Никакого имущества никто никому не возвращал. Наоборот непонятным образом стало разворовываться общественное имущество. В соседнем с посёлком колхозе имени 22-партсъезда куда-то исчезли многотысячные отары овец, а в самом посёлке остановился Полупроводниковый завод: с охраняемой территории в одночасье «ушли» все применяемые в производстве драгметаллы и редкоземельные элементы.

И в семейных делах вместо улучшений полосой пошли ухудшения. Начались нелады у Лены с мужем, семья их стала медленно и некрасиво распадаться. И распалась. Следом то же самое началось у Сергея в Харькове.

Мамуан читала письма из Томска и Харькова, сокрушалась и подолгу плакала с причитаниями, проклинала день и час, когда отпустила своих чад в далёкие края, кричала, что лучше бы необразованными жили при отце и матери, и половинки свои здесь нашли бы ещё и лучше...

Очередное письмо от дочери озадачило. В первых строках Лена сообщала, что разошлась с Виктором, а в последних – о том, что выходит замуж за какого-то Брагина, который много старше её и тоже разведенец...

-Господи, пресвятая мать богородица!.. – возроптала Мамуан. – Час от часу не легче! Сменила шило на мыло!..

Она долго плакала, бранила кого-то нехорошими словами и периодически произносила длинные монологи в защиту женщин вообще и Лены в частности.

Александр Михайлович потихоньку ушёл к Игорю, отец и сын засели в кухне за бутылкой водки и несуетно обговорили невесёлое известие.

Сошлись во мнении, что чему быть, того не миновать, и надо ждать лета: приедет Лена и всё станет ясно, а если приедет с новым мужем, то и по давню.

Лена приехала одна, была немногословна, но заветное слово в её сказаниях всё же прозвучало:

-Беременна...

Тут уж всплакнула не только мать, но и отец сподобился:

-Наконец-то!

Лена стала домашним божеством. Мамуан было не узнать: всё у неё спорилось, она не ходила, а носилась, приказанья отдавала зычнее обычного, и при малейшем подозрении на утомление Лены, укладывала её в постель и пичкала разными снадобьями, уверяя, что здоровье будущего ребёнка закладывается именно в эти дни. Ей не перечили. Отец втихаря поучал дочку:

-Ты не очень-то налегай на лекарства, выкидывай незаметно. Знаешь же нашу Мамуан: залечит, дай только волю. У нас тут своя аптека во дворе, и фрукты и мёд, вот на них и налегай...

Лена уехала и вслед за ней прикатил в отпуск Сергей: исхудавший, подавленный, молчаливый. Под причитания Мамуан так и промолчал до самого отъезда, будто обет дал. Хотя и так всё было ясно – развод не пошёл парню на пользу, и явно не от него зависел.

Потом в Москве совершился какой-то путч по названию ГКЧП, потом этот путч иссяк и телевидение долго растолковывало ничего не понимающим посельчанам о том, как здоровые силы одолели мракобесов-путчистов и теперь в стране начнётся светлая демократическая эра процветания.

Вместо светлой эры демократии и процветания из пустых магазинов исчезли последние товары.

И стремительно рассыпался «Союз нерушимый республик свободных, сплочённых навеки могучей Русью...» Было это так неожиданно и непонятно, что у впечатлительной Мамуан случился психоз:

-Это что же, я теперь буду не советская гражданка, а подданная какого-нибудь эмира киргизского!?!.. А дети мои – иностранцы!?!.. А меня эти перестройщики спросили – хочу ли я смены строя!?!.. Это всё Горбачёв, поганец, устроил для западных буржуев!.. Это видано ли дело, чтоб не было Советского Союза!.. Царица небесная, пресвятая мать богородица...

Одна радость произошла в те мрачные годы: Лена родила дочку Оленьку. Когда летом бабушка Мамуан увидела уже полугодовалую внучку, восторгал её не было предела:

-Наша!.. Наша, батьковская порода!.. Дед, ты посмотри только на неё!.. Это ж вылитая я в молодости!

-Да уж скорее я, чем ты, - возразил дед. – Твоего тут ничего ровным счётом и нет.

-Да что ты несёшь, пень берёзовый! Ты разуй глаза!..

Эта радость так и осталась единственной на все последующие годы. Дальше всё шло под уклон. Хворал Александр Михайлович. Всё дальше отчуждался Игорь. Множились нелады в хозяйстве. Пришло печальное известие из свинсовхоза от престарелой матушки Марии Ивановны: умер Иван Фролыч. Раиса Фёдоровна с Александром Михайловичем поехали на своём жигулёнке на похороны. Трёхсоткилометровый путь Александр Михайлович одолел с трудом, несколько раз ему становилось совсем плохо, останавливались, Раиса Фёдоровна колола его лекарствами, он отдышивался и снова трогались в путь. Успели. И тут же встал вопрос – что делать одной Марии Ивановне в осиротевшем доме? Стали звать её на жительство к себе, но старушка никак не хотела съезжать из насиженного гнезда и уехали без неё. А когда с полуживым Александром Михайловичем прибыли домой, настиг телефонный звонок из свинсовхоза: соседка Марии Ивановны сообщила, что та свалилась с сердечным приступом и её увезли в больницу...

Мамуан казалось, что она сойдёт с ума, разрываясь перед необходимостью выбирать между умирающим мужем и оказавшейся в таком же положении матерью. Она кинулась к Игорю с просьбой съездить в свинсовхоз и побыть у бабушки, пока та не поправится, но Игоря не было дома: оказывается, его давно уволили с шахты по сокращению и он уехал вахтовать куда-то на другой край Киргизии.

Как она сама пережила эти дни, знала только она.

Оживила её сама матушка: позвонила и сообщила, что отпустили из больницы домой, чувствует себя сносно...

Неутомимыми хлопотами Мамуан оклемался и Александр Михайлович, стал вставать с постели и даже выходить во двор. А когда ещё раздышался, сам стал торопить Мамуан:

-Собирайся, едем за матушкой. Если я снова свалюсь, некому будет вывезти её сюда.

-Её ещё уговорить надо на переезд.

-Уговорим. Не помирать же в одиночку...

Переезд Марии Ивановны из свинсовхоза в Чуйской долине в посёлок Сай на Иссык-Куле был самым драматическим событием всего рода Батько за всю его историю. Старушка сопротивлялась до последнего. Добил её только очередной сердечный приступ у Александра Михайловича: прямо посреди разговора он сник и медленно сполз со стула на пол...

-Господи, на всё воля твоя... - пробормотала Мария Ивановна и стала собираться в дорогу.

После завершения эпопеи переезда в доме Батько установилась атмосфера лазарета, Мамуан пришлось обихаживать слегших мужа и мать.

Мария Ивановна поднялась первой, быстро окрепла и для своих почти девяноста держалась вполне хорошо. А Александр Михайлович медленно выкарабкивался из недужной пропасти.

Мамуан отписала Сергею в Харьков слёзное письмо: «Возвращайся домой, мы тут все уже стали старые и хворые, некому хозяйством

заняться, Игорю плевать на отца и мать, всё в упадок приходит, а в Харькове тебя ничего уже не держит...»

Сергей прислал ещё более отчаянное письмо, из которого явствовало, что он сожалеет, всей душой и сердцем с ними, но переселиться в отчий дом никак не может...

Мамуан написала о том же самом Лене в Томск. Ответ был удручающим: Лена почти повторила слова Сергея...

На Мамуан легли все заботы. Она бросила работу в медпункте и оформила пенсию, размер которой равнялся цене хлеба: ровно тридцать буханок можно было купить на месячную киргизскую пенсию. Но и это в случае выдаче пенсии, а выдавать её новые киргизские власти не спешили, дистанция в полгода считалась нормой. И Мамуан вновь возропнула:

-Сорок пять лет отмантулила, и даже подачку надо ещё выпрашивать! Господи, пресвятая мать богородица, до какого же позора довели!.. Да подавитесь вы моей пенсией! Чтоб она колом вам встала!..

Домашнее хозяйство давно отучило её полагаться только на деньги от властей: собственный достаток всегда зиждился только на собственном хозяйстве. Вот только управиться с ним одной никак толком не получалось.

Это раздражало, выматывало морально и физически.

-Господи!.. - взывала она. – Да что за дети мне достались!.. Ни помощи, ни понимания!.. Лишь бы прочь от родного дома!..

Александр Михайлович умер в разгаре лета, когда в саду наливались благодатью плоды благословенной земли.

Похоронили на кладбище за посёлком среди поднебесных «снежников».

Отметили девять дней, сороковины.

Время пошло, стоя на месте.

Из дома будто ушла душа.

Через полгода Раиса Фёдоровна Батько, она же Мамуан, выкрасила седые букли в исконно медный цвет и вышла замуж. Её избранник, вдовый пенсионер Иван Дмитриевич, был родом из этого же посёлка, и даже в молодости ухаживал за Раисой Фёдоровной, но то было давно, и он давно уже жил на другом берегу Иссык-Куля в курортном городке Чолпон-Ата – в хорошую погоду из дома Батько хорошо виделись строения городка. Как они высмотрели друг друга за семьдесят вёрст прямой видимости, знали только они. И сошлись пожилые «молодые» уже не для достижения вечных идеалов, а чтобы как-то скоротать оставшиеся дни не в одиночестве.

С первых дней у них пошла одна и та же тяжба. Иван Дмитриевич предлагал Мамуан продать всё её хозяйство и перебраться жить к нему в Чолпон-Ату. Мамуан требовала от него полной ликвидации дел в Чолпон-Ате и окончательном переселении в её дом. Иначе получалось накладно: Иван Дмитриевич периодически уезжал на тот берег для ревизии брошенного хозяйства – там были большая квартира в пятиэтажке, гараж с окаменевшей «волгой», дачный дом с садом-огородом...

Взаимные вопросы «а как я жить стану, если с тобой что случится?» обоих ставили в тупик: а и правда – как? У обоих были дети-наследники. И если «что случится» то один из стариков неминуемо оказывался в полной зависимости от ничем ему не обязанных наследников. А в случае Мамуан ещё и с древней матушкой...

В промежутках между дискуссиями старики обихаживали большое хозяйство, работали в саду, качали мёды, убирали урожай. А по вечерам у телевизора ужасались творящемуся в мире: войны, катаклизмы, несчастия неисчислимы... В такие минуты дом казался единственным надёжным прибежищем души и тела, где можно было забыть на время об ужасах бытия.

Мамуан прижималась плечом к Ивану Дмитриевичу и чувствовала, как утишается тревога в сердце.

А днём в трудах забывались тревоги и на подворье привычно звучали мамуанские меморандумы:

-Митрич!.. Да ети ж твою мать!.. Долго ты, старый хрен, тащиться будешь?!.. Свины жрать хотят, а ты чешешься!..

-Щас, щас... - нехотя басил Митрич и, попыхивая папиросой, продолжал неторопливый свой ход с ведром отрубей в одной руке и клюшкой в другой – ноги у старого побаливали.

Степенный он был мужчина.

Приехала Лена, привезла на всё лето дочку Оленьку и сама скоро уехала: неотложные дела были у неё в Томске. Мамуан рада была внучке и тому, что Лена одобрительно отнеслась к её замужеству. Осенью за Олей должен был приехать невиданный доселе зять Фёдор, заодно и по хозяйству помочь. И у Мамуан потеплело на душе: не забыли всё же о ней родные люди. Но скоро и огорчилось. Неожиданно сломался жигулёнок. Он всегда ломался неожиданно. От Митрича толку в этом деле не было, пришлось идти к Игорю, просить наладить. Игорь пришёл, поковырялся в автопотрохах и вынес приговор:

-Стартер накрылся. Менять надо.

-Ну, так поменяй!

-Новый надо покупать...

-Ну и купи!

Игорь помялся, пробормотал:

-Нет денег.

-Как нет? - Удивилась мать. – Ты ж вахтуешь на золотом прииске!

-Ну и что? – Покраснел Игорь. – Там зарплату тоже платят, когда захотят и сколько захотят! Могут вообще ничего не платить полгода...

-Так за каким чёртом ты там работаешь!?

-А что мне делать? – стал раздражаться Игорь. - Лапу сосать?

-А на водку деньги находишь! – уела мать. – Вчера опять пил!

-Да пошла ты!.. – психанул Игорь и ушёл.

Машина так и осталась стоять бездвиженной.

Урожай снова вызрел отменный, и снова некуда было девать такую прорву плодов. Пришлось скармливать свиньям-корове-крлоликам-курам яблоки, груши, абрикосы... Потом закололи одну свинью и сварили очередную тушонку, которую некуда было девать: весь погреб был забит

стеклянными банками с еще не съеденной старой... И мёду нынче было взято уже больше тонны, а прежние тонны ещё дубели во флягах в подвале... Часть добра удалось продать, но покупали хило: обеднело население до невозможности, да и от населения-то осталось одно название, кто мог, уехал отсюда, обезлюдевал посёлок...

Долго молчавший Сергей прислал наконец-то первое за последние годы неотчаянное письмо: снова женился на такой же, как и он, разведённой женщине с ребёнком, живут у неё в какой-то «малосемейке».

Мамуан прослезилась: рухнула её заветная мечта перетащить Сергея из Харькова на малую киргизскую родину.

В августе приехал зять Фёдор Иванович Брагин.

Был он невысок ростом и широк, как шкаф.

«Нашла Леночка уroda... - отметила про себя Мамуан. – Витёк-то у неё вон какой красавец был..»

Брагин бежал из посёлка через тридцать четыре часа. Вместе с Олей.

Мамуан при этом не присутствовала, занята была на пасеке, с которой она и шуганула бестолкового зятя, с ходу высказав ему всё, что о нём думает. А когда уже дома обнаружила пропажу, разразилась очередным меморандумом:

-Скатертью дорога!.. Нашла себе Леночка уroda!.. Господи, милостивый, пресвятая мать богородица, да откуда же такие выродки берутся!.. У него ж руки из ж.. растут!.. Пятьдесят лет мужику, а ума – ни на грош!.. Есть же такие жертвы неудавшегося аборта!.. Да как же можно было рожать от такого!?!.. Да как же можно доверить такому болвану везти шестилетнюю дочку через полстраны!?

Она немедленно позвонила Лене в Томск и повторила ей то же самое. Лена выслушала молча.

-Ну, что ты молчишь!? – Возмутилась мать. – Тебя это не трогает, что ли!?

-Трогает.

-Ну, и что теперь!?

-Ничего. Приедут, позвоню тебе.

-Ты думаешь они приедут!?

-А куда они денутся? – Удивилась Лена. – Олю с Фёдором я не боюсь отпустить хоть куда. Дома они вообще неразлучны...

-Дура!!! – Взорвалась мать. – Он же хам из хамов! Скотина!.. Как ты могла с таким связаться!?!..

-Мама!.. – Пискнула протестующе Лена. – Как можно!..

-Можно! Даже нужно! Если я тебя носом не ткну в это дерьмо, ты так и не научишься отличать его от золота!.. На кого ты сменяла Витьку!?

-Мама, не смей!.. – отчаянно крикнула Лена.

-Нет уж, это ты не смей!.. Выслушай всё, что я думаю о твоём муженьке!..

Лена бросила трубку.

Мамуан шмякнула свою прерывисто загудевшую трубку об аппарат, выскочила во двор. Возле летней кухни согбенная Мария Ивановна

медленно месила в тазу отруби, которые струёй сыпал из мешка Иван Дмитриевич. Толика корма просыпалась наземь.

-Руки как крюки!.. – Закричала Мамуан. – Помощники, называется!..Чтоб у вас руки отсохли!.. Одни убытки от вас!.. Ничего делать по-человечески не можете!..

За штaketным забором в соседнем дворе увидела сына Игоря и дружка его Евгения Строева. Мужики сидели на скамье под яблоней и пили водку: на дощатом столике перед ними стояла початая бутылка, стаканы, горка яблок – весь компромат как на ладони.

-Совсем обнаглел! – Прокричала Мамуан с крылечка. – Вы поглядите, люди добрые! Сорок пять лет мужику, а ни стыда ни совести!.. Ему бы только нажраться до зелёных соплей!.. Нет бы матери помочь!.. Сколько просила в свинарнике крышу перекрыть – всё ему некогда! А водку жрать есть когда!..

Игорь обернулся на крик, посмотрел на мать, как браконьер на рыбнадзора.

Отвернулся и разлил в стаканы.

-ТЬфу! – плюнула в его сторону Мамуан и ринулась в курятник: оттуда доннеслись бурные кукареканья.

Зима на Иссык-Куле начинается в январе, когда ночами температура опускается до минусовой и порою даже снег выпадает, который держится чуть не до полудня. Холодно стало и скучно, печь приходилось топить почти каждый день: топливо убывало.

У Ивана Дмитриевича совсем разболелись ноги, еле таскал их. Мамуан уже раскаялась, что связалась с ним: толку ноль, а суеты добавилось от такого сожителя: обстирай его, обиходи, а он только лежит на диване, да телевизор посматривает. И с матерью маета: из ума выживать стала, всё забывает, теряет; давеча включила электроподогрев в бане зачем-то с утра пораньше и забыла про него, вода из бака вся выкипела, тэн едва не сгорел. А стала выговаривать старой, она только головой трясёт и смотрит непонимающими глазами...

К весне пришло письмо от Лены: тяжело заболел Фёдор, его оперировали, были осложнения, снова оперировали, снова осложнения, и неизвестно, когда теперь встанет и встанет ли вообще... Летом домой приехать не удастся.

Мамуан не поверила. Темнит Лена, просто мужик ей теперь дороже матери, вот и ищет отговорки. А шкафу её сделаться ничего не может, на нём пахать можно! А если и появилась болячка, так у кого их нет? Нашёл причину, чтобы бабу связать по рукам по ногам...

Она представила свою стройную, нежную Леночку рядом с отвратительным Шкафом, и содрогнулась: царица небесная, за что такая кара доченьке...

Так и не приехали этим летом Лена с Олей.

И на следующий год не приехали.

Мамуан писала отчаянные письма: Мария Ивановна совсем из ума выжила, всё наоборот делает, одна морока с ней... да Иван Дмитриевич ходит всё хуже, с клюшкой не расстанется, помощи от него по хозяйству, как от козла молока, приходится всё самой делать... а об Игоре и

говорить тошно, совсем озверел, как напьётся, так выходит на крыльцо и материт мать родную, хоть из дома не высывайся, Наталья вообще не разговаривает с ней никогда, и детей своих настроили против бабушки родной, Саньке уж двадцать, Тане восемнадцать и ничего не допросишься сделать, наплевать им на бабушку, забыли её доброту и ласку, выросли и не нужна стала...

Всё чаще Мамуан сердилась на мать, разменявшую десятый десяток: всё у ней валилось из рук. Однажды Мамуан увидела, как Мария Ивановна вешала выполосканное бельё на низко натянутую дворовую верёвку: не сумев выпрямить согбенную спину и нормально руками дотянуться, взяла палку и стала снизу подпихивать мокрую простынь, не желавшую правильно расправиться. Простынь упала на землю. Мать, не ополоснув её вновь, вымазанную в грязи, принялась снова напяливать с помощью палки на верёвку, и снова уронила.

-Совсем с ума спятила! – Возмутилась Мамуан. – Да разве ж так можно!?! Да ты подставь скамейку! Вон же, на тебя смотрит!..

Мать вздрогнула, застыла в полусогнутой позе, опустив чуть не до земли морщинистые, узловатые руки и смотрела снизу вверх на дочь испуганными, слезящимися глазами, неловко повернулась и опрокинула наземь таз с бельём.

-Господи, царица небесная! – Возопила Мамуан. – Что за бестолочь! Никакого толка!.. Только жрать да с...ь!

В сентябре с Мамуан случился инсульт.

Как всегда, рано утром она попыталась встать с постели, но не получилось. Не сразу поняла, в чём дело и повторила попытку. И снова. И снова...

Тут и осенила страшная догадка.

Инсульт был «левосторонний»: отнялась левая сторона тела, речь сохранилась.

Она разбудила криками Ивана Дмитриевича. Тот стал вызванивать «скорую» из райцентра (больницу в посёлке давно закрыли) и дозвонился, узнал, что «скорая» не ездит «в связи с отсутствием бензина» и следует обратиться к своему участковому врачу. Дмитриевич стал вызванивать врача, не вызвонил, выругался и похромал к Игорю за помощью. Пока Игорь бегал за врачом, Наталья позвонила в Томск, затем в Харьков и сообщила о случившемся Лене и Сергею.

Днём заглянула участковый врач, в недавнем прошлом Анастасия Ивановна, а ныне Асыл Ибрагимовна – старая знакомая Мамуан. Врач в полторы минуты поставила диагноз, выписала рецепты и ушла.

И началась лежачая жизнь во всех её проявлениях.

Ухаживали за больной Мария Ивановна, Иван Дмитриевич и Наталья. Даже Игорь стал заходить, когда требовалась его помощь при переносе хворой матери в баню.

Но всё делалось не так, как хотела Мамуан, и это её сильно раздражало, она кричала о том, что никого ничего не допросишься сделать толком, у всех руки, как крюки, про господа милостивого и непременно царицу небесную...

-Мать живьём готовы в гроб вогнать!.. – Нёсся из дома её скрипучий, резкий голос. – Убили!.. Ох, убили!..

Домашние так и не научились обращаться с её бездвиженным телом достойно. Особенно донимало её ежедневное мытьё и перепелёнывание: пока обиходят, всю измучают.

-Лучше убейте сразу!.. – вопила Мамуан. – О, господи, да что вы тянете простынь не в ту сторону!.. Царица небесная, умереть лучше!..

Заходившие проведать соседи ей сочувствовали: чем так жить, лучше и впрямь помереть.

-Скоро... Скоро... - обещала им Мамуан. – Одной ногой уже в могиле, недолго маяться осталось... затолкают в гроб родные детки...

На другой день всё повторялось, менялись только комментарии Мамуан.

-Тогда пусть царица небесная тебе пелёнки меняет! – Сгрубил однажды Игорь. – А у меня, конечно, руки не такие ловкие, как у небожителей!

-Хам!.. – Зарыдала мать. – Родила сыночка на свою голову...

Мамуан позвонила Лене, со слезами поведала о своей доле проклятой, довела до слёз и дочку, и они уже вдвоём с разных сторон вплакивали в многотысячекилометровый телефонный провод каждая свою боль и отчаяние. Лена оправдывалась, что не может приехать ухаживать за матерью потому что Фёдор Иванович всё ещё болеет (!), с работы его давно сократили, кормилицей осталась одна Лена и приехать нет ни сил, ни возможностей...

Мамуан от такого ответа запрочитала:

-Господи, царица небесная!.. Родная доченька!.. Единственная!.. Не хочет спасти мать от беды!.. Я совсем пропадаю тут!.. Не кормят и воды подать некому!.. Только на тебя и надежда!.. Меня тут заживо в могилу вгоняют!..

Лена плакала, но приехать не обещала.

Мамуан становилось всё горше и горше, чувствовала она себя несчастной, всеми покинутой и непонятой. Жизнь воспринималась как сплошная мука.

К зиме, однако, появились признаки улучшения: парализованная часть тела стала обретать чувствительность, рука нога – подвижность... Мамуан стала присаживаться в постели, а после Нового года и вставать. Это было чудо.

Силы прибывали. И когда в заветный день Мамуан сумела выползти на крыльцо, к ней вернулась и бывшая уверенность:

-Господи, царица небесная!.. – Взвился над подворьем её ослабленный хворью скрипучий голос. – Развели бардак!.. Какой дурак собаке корм навалил в салатницу!? Руки бы оторвать за такое дело!..

Пёс Амур удивлённо посмотрел на восставшую с одра хозяйку, попрядал ушами и продолжил трапезу.

-Ещё б в хрустальную вазу навалили!.. – Воззвала Мамуан. – Работнички, ети вашу мать!..

Из сеней дома напротив выглянула соседка, порассматривала статуей стоящую Мамуан и сказала:

-О! Одыбалась покойница! Привет, Мамуан! Как оно там, на том свете-то!?

К весне Мамуан уже вполне бодро маршировала по подворью с огромной суковатой палкой-посохом, звучно долбя им при каждом шаге о каменистую твердь, как Иван Грозный по гранитам кремлёвским. Вообще-то нужды в посохе как в опоре не было, но без посоха ей чего-то не доставало, он был будто знаком её отличия, символом веры, напоминанием окружающим о её страданиях и несчастьях и одновременно избранности. Иногда она забывала про посох и без него нарезала круги по усадьбе, но спохватывалась, спешила уцепиться за его занозистую фактуру и обрести утвердившийся образ.

Весна на Иссык-Куле начинается в феврале. Народ ковыряет огороды, готовит грядки и семена.

Мамуан заставила Митрича загодя выкинуть из чердачных кладовок скопившиеся там за годы невостребованные сухофрукты, чтобы к новому урожаю было куда складировать свежие.

-Куда их девать? – Ворчал Митрич. – Зачем сушить столько, если никому они не нужны?

-Стало быть надо! – Грозно осекла его Мамуан. – Сказано: выполняй! Корове унеси, свиньям! Кролики пусть гложут! Не пропадать же добру!

Митрич приступил к исполнению. Долго кряхтел, взбираясь на второй этаж, долго возился в закутах, перекуривал, снова шебуршел чем-то...

-Митрич, ты там живой!? – Вспомнила о нём Мамуан, успевшая совершить хадж на почту за пенсией.

Вместо ответа с балкона свалился сетчатый мешок с сухофруктами и шмякнулся о землю.

-Их!.. – взвизгнула Мамуан. – Царица небесная!..

На балконе появился Митрич и скинул вниз ещё мешок.

-Сдурел!.. – Взвизгнула Мамуан. – Ты что творишь!?

-Что приказано.

-Я не приказывала кидать! Ты что, не можешь по-человечески снести мешки по лестнице!?

-Я себя еле ношу. А если по лестнице мешки таскать, как раз к осени управлюсь. Здесь их прорва... Вы их тут всю жизнь копили, что ли? Рехнуться можно...

-Поговори! – Застрожилась Мамуан. – Это ты, стрикулист, одним днём живёшь! Я привыкла с запасом жить!

-Не до такой же степени... Там в нижних сетках окаменел уже твой компот! Пожалей скотину – она ж зубья сломает об них!..

-А ты размочи!

- Тьфу!.. – Плюнул несдержанный Митрич и исчез в дебрях второго этажа.

Вечером случилась очередная напасть: Мария Ивановна сослепу шагнула мимо крыльца, упала и зашиблась. Пришла врач Асыл Ибрагимовна, потыкала пальцем в разные участки тела старушки и вынесла диагноз:

-Ушиб конечностей. Постельный режим. Через неделю приду. Пока – массаж и лекарства...

Выписала рецепт и ушла.

-Врач называется! – Саркастически хмыкнула Мамуан. - Купили ей родители диплом за стадо баранов! Насмотрелась я тут на таких национальных кадров! Не зря сами киргизы боятся к ним обращаться...

Мария Ивановна прохворала больше месяца, заметно ослабела. Ходила она совсем согнувшись и еле волочила ноги. Стала совсем молчаливой, всё думала о чем-то в оцепенении. А скоро и снова захворала. Мёрзла постоянно. Мамуан установила в её комнате электрический нагреватель, и в комнате стало совсем тепло, жарко даже. Но Мария Ивановна всё равно мёрзла. Мамуан стала на ночь пододвигать обогреватель ближе к постели матери, но и это, похоже мало помогало, стурюшка просила укутать её ещё теплее, и в конце-концов пришлось одеть её в тёплую одежду с ног до головы и сверху укутать горой пуховых одеял.

Беда случилась ночью. Мария Ивановна встала зачем-то с постели, запнулась о включённый электронагреватель и рухнула вместе с ним. Встать ей не удавалось, не хватало сил, она барахталась беспомощно в темноте, а на ней уже горела подождённая от раскалённой спирали многослойная одежда. Старушка кричала, но слабый голос её не слышен был в дальних комнатах большого дома. Только когда запах дыма распространился всюду, забеспокоились не спавшие ещё Мамуан и Митрич...

Похоронили Марию Ивановну в тёплый апрельский день рядом с могилой любимого её зятя Александра Михайловича Батько. Они и в жизни ладили.

В тот же вечер Игорь напился и высказал матери страшную укоризну:

-Уханькала ты бабушку... И отца уханькала...

-Что!?! – Округлились глаза у Мамуан. – Что ты мелешь, щенок!? Да я тебя!..

-И меня... - согласно кивнул Игорь. – И Лёну... И Серёгу... И семьи наши... Всех уханькаешь, дай тебе волю...

-Вон!!! Вон из моего дома!!! – Страшно закричала Мамуан.

-Из отцовского. – Уточнил Игорь.

-Во-о-о-он!!!

Игорь ушёл. Мамуан припала к телефону и на полпенсии наговорила Сергею и Лёне о том, как жалко ей матушку, как горько видеть выжившего из ума Игоря и его семейство, как тяготит её бестолковый Митрич и как раскаивается она, что связалась с ним...

Странная жизнь пошла в доме. Митрич всё чаще уезжал на другой берег Иссык-Куля и подолгу жил там, а когда возвращался, то, предваряя попреки Мамуан озабоченно сетовал на то, что в его пустующей квартире пора чинить подтекающие батареи, перекрывать крышу на даче и гудронить на гараже и всё никак не доходят руки...

-Может тебе не ездить больше сюда... - как-то между прочим сказала Мамуан.

-Может... - степенно кивнул Митрич с такой готовностью, будто только огласил давно уже принятое решение.

Эта его готовность взорвала Мамуан:

-Альфонс! – Вскричала она. – Попользовался мной и в кусты!?! Поотъелся, отмылся!?! И доволен!?! Катись! На все четыре стороны!..

Она кричала и кричала и докричалась до полуобморока, упала на диван и жалобно постанывала.

-Поехал я, что ли? – напомнил о себе Митрич.

-Скатертью дорога...

Митрич уехал.

Мамуан осталась одна в доме.

Первые дни она пыталась заполнить пустоту существования усиленными трудовыми подвигами на ниве домашнего хозяйства. Потом усомнилась: а для кого всё это?..

Ответа не находилось.

Она бродила по пустым комнатам, из которых неожиданно быстро иссяк жилой дух, трогала безжизненные вещи, из которых давно ушло тепло родимых рук, выходила во двор и тут находила то же странное безжизнье.

Тоска навалилась такая, что Мамуан занедужила и слегла. Она лежала одна в большом тёмном доме и с ужасом думала о том, что так можно умереть незаметно и никто не узнает об этом, пока... дальше ей не хотелось даже додумывать, что это за «пока»... Из оцепенения её вывел нечеловеческий рёв: дала о себе знать некормленная, непоеная скотина. Пришлось вставать и идти на зов жизни.

Так прошла неделя. Никто не приходил ни в гости, ни по делу, никто не звонил, не писал.

Жизнь остановилась. Мамуан бестолково топталась по усадьбе, механически выполняя повседневные нужды.

Ещё через неделю Мамуан позвонила дочери:

-Доченька... - рыдала она. – Забери меня к себе!.. Пропадаю тут... Все меня бросили, воды подать некому...

-Что случилось?..

-Бросили!.. Все меня бросили... - рыдала Мамуан, - одна осталась... холодная, голодная... Лежу больная и умираю... Господи, царица небесная, пресвятая мать богородица... кто похоронит меня...

-Мама!!! – страшно вскричала тихоголосая обычно Лена. – Да что там случилось!?

-Ох, забери меня...ох, забери... погибаю... - рыдала Мамуан. – Приезжай скорее, может живой застанешь...забери меня, доченька...спаси, родненькая... Приезжай срочно, продадим всё, что есть и уедем к тебе... Приезжай, я уже нашла покупателей на дом и машину, остальное с тобой продадим... Российское гражданство мне уже начали оформлять знакомые в Бишкеке, ты будешь там, доформишь!.. Я ведь уже почти не хожу и не встаю!.. Руки-ноги опять отнялись...

Она с ужасом выслушала сбивчивые слова дочери о том, что она никак не может приехать, да и не женское это дело, организовывать такой переезд, но срочно пришлёт Фёдора, ему надо впрягаться в это дело...

-Только без этого хама! – неожиданно по-командирски рявкнула Мамуан.

-Какой хам, мама!.. – Огорчилась Лена. – Ты просто его не знаешь!.. Он сам вызвался перевезти тебя к нам, когда узнал о твоём положении!..

Ни о чём не договорились.

Через день повторились те же переговоры. На этот раз Мамуан голос не повышала, только умоляла, умоляла, умоляла забрать её к себе. Лена плакала и заверяла, что мать не бросит, но и сквозь слёзы твёрдо стояла на своём: надо поручить это дело Фёдору...

Мамуан вспылила и бросила трубку.

А на другой день позвонила и начала всё сначала...

И ещё.

И ещё...

В переговорном процессе настал миг, когда Мамуан сдалась:

-Ладно, пусть приезжает Фёдор. Только поскорее... Погибаю, доченька... - и мать заплакала тихо и безнадежно.

Фёдор Иванович Брагин приехал с Олей. Три, года, прошедших со времени их бегства из посёлка, сильно их изменили. Девятилетняя Оля смотрелась совсем взрослой девочкой. Фёдор осунулся после длительной болезни и поседел ещё больше, но Мамуан не могла сдержаться от невольного взгласа при взгляде на него:

-Какой же ты здоровый!

-Конечно, - без улыбки подтвердил Фёдор, - всё лишнее внутри отрезали, сразу поздоровел.

Мамуан поджала губы. Ей не нравилось в зяте всё: крестьянская внешность, не соответствующая солидному возрасту несерьёзность, и даже привязанность к нему Оли...

А Фёдор прошёлся по двору, поразглядывал большое хозяйство. Перешагнул через заборчик и подошёл к дому Игоря, постучал.

Вышел Игорь. Следом Наталья. Стали пить чай на веранде.

-За Мамуан приехал. – Огласил Фёдор цель приезда.

-Сочувствуем. – Вздохнул Игорь.

Через четверть часа донёсся резкий, скрипучий, как несмазанное колесо, голос Мамуан:

-Фёдор! Ужинать! Тебе особое приглашение!?

-Пошёл. – Поднялся Фёдор.

-Крепись. – Напутствовал Игорь.

После ужина приступили к обсуждению переселения. Фёдор изложил свои тезисы:

-Надо уложиться примерно в две-три недели, дольше дела не позволяют. Я выяснил, что российское гражданство лучше всего оформить в Томске – вы член нашей семьи, препятствий не

предвидится. Надо только выписаться и взять необходимые бумаги. Затем распродаём всё, что надо продать, остальные вещи отправляем контейнером – сейчас это свободно, я узнавал. И поехали сами поездом.

Тёща слушала зятя насупленно, и по мере его говорения взгляд её ожесточался, и к концу говорения окаменел.

-Теперь слушай, что я скажу. – Отчеканила она. – Российское гражданство оформлю здесь. Возмёшь документы, поедешь в Бишкек и оформишь. Дом и машину продам, когда дадут хорошую цену. И мебель. Скотину. Надо ещё привести в порядок сад, огород, усадьбу, дом подремонтировать – тогда и цену хорошую можно взять. Потом надо собрать урожай и продать – не бросать же всё халявщикам...

Когда она закончила, окаменело лицо у Фёдора.

-Так и до зимы не выбраться отсюда, - пробормотал он.

-Сколько потребуется, столько и будешь здесь! – пресекала Мамуан возражения.

-Но я не могу...

-В моём доме ты обязан подчиняться мне!

Фёдор посмотрел на неё как Савелий Крамаров, в которого плюнул верблюд из «Джентльменов удачи».

-Вот так. – Подытожила тёща. – Завтра приступишь к прополке моркови, потом малину проредишь...

-Тогда уж лучше сначала отвезти документы на оформление гражданства, и делать всё остальное, пока оформляют.

-Сначала ты сделаешь то, что скажу я,

Фёдор Иванович поскукнел.

-А сейчас иди в гараж и принеси оттуда в мою комнату железную кровать, собери её.

-Зачем? - не понял зять.

-Для Оли. Будет спать рядом со мной. А ты будешь спать на втором этаже.

Фёдор Иванович выполнил приказ.

Наутро они с Олей пропалывали морковь. Непривыкший к аграрным делам Фёдор Иванович, ободрав пальцы, выдрал из Земного шара несколько бодыльев и возроптал:

-Так мы до второго пришествия будем тут колупаться...

-Тише! – Шикнула на него Оля. – Бабушка услышит.

-Ну и пусть...

-Папаня! – Строго сказала Оля. – Прекрати.

Отец с дочерью на карачках ползали вокруг грядок и малоуспешно тщились выполнить урок.

-С меня хватит. – Поднялся Фёдор Иванович. – Это идиотизм какой-то...

-Папа! – Укоризненно посмотрела на него снизу вверх Оля. – Работай.

-Это не работа, а издевательство!.. – Вспыхнул отец. – Артель «Напрасный труд». И мы с тобой, два дурака, героествуем тут!.. Я приехал сюда делом заниматься, а не героизм демонстрировать!..

-Папа! – Ещё строже сказала Оля. – Работай.

-Да кому она нужна эта работа!? Тебе нужна!?

-Нет. Но мне мама наказала руководить тобой и следить, чтоб ты слушался во всём бабушку. И помогать тебе. Папа, я тебя прошу: работай и молчи. Не спорь с бабушкой.

Отец с дочерью ещё некоторое время молча поковырялись в земле. И тут отец взревел:

-О-о-о!..

Огромная заноза торчала у Фёдора Ивановича из-под ногтя. Он вырвал её, потекла кровь.

-С меня хватит. – Мрачно сказал он. – Всё, доня, идём отсюда. Или мы будем делом заниматься, из-за которого сюда приехали, или уезжаем.

-Ты что!? – Построжела Оля. – Мама велела без бабушки не уезжать.

-А как уехать с ней!? Силой? Связать её по рукам и ногам, заткнуть рот и в мешке вывезти!?

-Зачем? Сама поедет. Всё, что нужно сделаем тут и поедем.

-Так мы не делаем то, что нужно! Мы занимаемся чёрт-те чем, только не тем, чем нужно! Ты понимаешь, что так мы до зимы отсюда не выберемся! А у меня дела!

-Папа!.. – Шёпотом взмолилась Оля. – Я обещала маме следить, чтобы ты слушался бабушку!.. А ты?..

Отец и дочь с грядок не ушли, но работу бросили. Сидели в обнимку на траве и смотрели на Иссык-Куль, раскинувшийся вольно среди фантастических красок высокогорья.

-Если нырнуть в озеро, то можно вынырнуть в Америке. – Сказал отец.

-Врёшь. – Сказала Оля.

-Гадом буду. Иссык-Куль же насквозь Земной шар проходит. Я нырял.

-И что?

-Ничего. Вынырнул у Манхэттена, выпил пива и назад. Пиво дрянь там.

Оля повертела головой вокруг, нашла самый высокий «снежник» в горной гряде и указала на него пальчиком:

-А мы с мамой во-о-н с той горки на санках катались!

-Ух ты! – Уважительно покачал головой отец. – Даже я так не сумел бы!

-Куда тебе! – Подтвердила дочка.

-Зато я люблю тебя сильнее всех в мире!

-Мама ещё сильнее!

-Сильнее меня невозможно.

-Ну, ладно, - согласилась Оля. – Ты сильнее по-папски, мама по-мамски.

Тут-то и застучала саботажников Мамуан. Если б у неё был наган, она бы грохнула зятя на месте. В связи с отсутствием нагана убила морально:

-Господи!.. Царица небесная!.. Пресвятая мать богородица!.. Да что ж это такое!.. Посмотрите на этого уroda, люди добрые!..

Если бы не Оля, Фёдор Иванович уехал бы в Томск прямо сейчас. Какими словами уговаривала она отца, знали только они. Фёдор Иванович остался. Но на другое утро он скомандовал теще:

-Документы. Поеду в Бишкек оформлять вам гражданство.

Скомандовал так, что теща онемела и документы сдала без боя. Фёдор уехал. Вернулся на другой день к вечеру и вручил Мамуан какой-то листок бумаги:

-Через неделю вот с этим придёте лично в миграционную службу для получения российского паспорта. Теперь приступим к ликвидации дел здесь...

До ликвидации дел не дошло дело. После ужина Фёдор Иванович с Олей поднялись на второй этаж и стали играть в домино, устроившись на диване среди подушек. Теща подкралась к лестнице, послушала некоторое время доносящиеся сверху мужские и детские возгласы: «... А мы баяном!... Рыба!.. Дуплет!.. Ха-ха-ха!.. Козёл!.. Считай бабки, кикиморесса!.. А ты тундра!..» и осторожно вознеслась вверх по ступеням, прищипнула левым глазом к дверной щели. Так и есть! Фёдор сидел в одних трусах, выставив напоказ волосатые ноги, и руки с шварцнеггеровскими банками, а напротив него животом вниз лежала на диване полуголая Оля, и перебирала в ладошках костяшки домино...

Мамуан резко распахнула дверь.

Внимания на неё не обратили. Отец и дочь, увлечённые «козловой» перспективой, поочередно шлёпали по дивану пластмассовыми костяшками:

-Три-один, мэ! – Провозглашал отец. – Изволите на базар, или сразу руки вверх?

-Ах, оставьте, папуан! – Парировала Оля. – Три-три! Вам не дурно?

-Отнюдь, графиня! Благоволите сесть в галошу: шесть-три!

-Садитесь сами: шесть-пусто!

-Пусто-два!

-Хо-хо, папуанций! Напугал кота сметаной! А пусто-пусто не хотите ли?

-Па-а-думаешь! – С французским прононсом прогундосил отец. – На ваши наглые происки у нас всегда готов ответ: пусто-пять! У вас рога не чешутся, баронесса?

-Полноте, сир! Скажите лучше: бе-е-е-е!.. Пять-четыре!..

-И долго будет продолжаться эта порнография!? – Возопила Мамуан.

Игроки обернулись к ней.

-Оля, быстро спать! – Распорядился Мамуан. – Шагом, марш отсюда!

-Бог с вами, - нахмурился Фёдор Иванович. – Рано ещё.

-А я ска-за-ла - спать! – Зараздувала ноздри Мамуан.

Оля потерянно посмотрела на отца, на бабушку, снова на отца... в глазах её набухли слёзы.

-Оле рано спать. – Одеревеневшим голосом сказал Фёдор Михайлович. – Мы ещё поиграем.

-Знаю я ваши игры!!! – Возопила Мамуан. – Насмотрелась я на таких папаш!.. Что ты вцепился в девчонку!?!.. Тебе надо, чтобы она тебя развлекала!?!.. Пошляк бесстыжий!.. Подонок!..

-Да вы что себе позволяете!.. – обомлел Фёдор Иванович. – Прекратите!..

-Это ты прекрати!.. Затащил ребёнка к себе в постель!.. Извращенец!.. Не позволю в моём доме!.. Я сейчас милицию вызову!.. Сейчас!.. Сейчас!.. – С воплями на устах Мамуан понеслась вниз по лестнице, схватила телефонную трубку, затеребила диск аппарата:

-Милиция!?!.. Милиция!?!.. Пожарная!?!.. Какая пожарная, я звоню в милицию!.. Положите трубку!.. Алё!.. Милиция!?!.. Это Мамуан!.. То есть, нет, это Батко Раиса Фёдоровна!.. Вы меня узнали, говорите!?!.. А-а!.. Это лейтенант Исмаилов! Помню-помню... Записывайте!.. У меня в доме преступление!.. Зять свою дочку насилует!.. Ребёнка!.. На моих глазах!.. Да, прямо сейчас!.. Что!?!.. Перегрелась? Кто!?!.. Я!?!.. Это ты перегрелся, болван!.. Щас я до твоего начальника дозвонюсь!.. Он с тебя шкуру снимет!..

Мамуан остервенело крутила диск, алёкала, снова крутила... Не докрутилась до того, кого выкручивала, швырнула трубку. Взвилась вверх и закричала:

-Если ты, подонок, сейчас же не отпустишь ребёнка, я тебя посажу!!! Оля, пойдём! Пойдём отсюда, внученька!..

Оля побелела, прильнула к отцу и со страхом смотрела на бабушку.

-Пойдём, пойдём, моё золотко!.. – Мамуан подскочила к дивану и протянула руки к Оле.

-Не надо!.. Не надо!.. – Взвизнула Оля. – Я не пойду!.. Папа!.. Папочка!..

У Фёдора тоже побелело лицо, он шагнул навстречу Мамуан, выставив вперёд руки по-медвежьи.

-Прочь отсюда, - прохрипел он не своим, вмиг осипшим голосом.

Мамуан попятилась, глаза её, казалось, вот-вот вылетят из орбит как жиканы и наповал уложат зятя на месте преступления. Она судорожно вздохнула несколько раз и закричала истошным голосом:

-Вон!!!.. Вон из моего дома, подонок!.. Вон немедленно!.. Или я тебя сгною!..

Вид её был ужасен: вытаращенные глаза, растрёпанные космы, нелепо растопыренная рослая костлявая фигура...

-Чтоб через минуту вони твоей тут не было!!! – Взвизнула Мамуан и загрохотала пятками вниз по лестнице.

Оля рыдала. Фёдор Иванович взял её на руки, прижал к груди и ходил по комнате покачивая, бормотал:

-Тихо, донюшка, тихо... Сейчас соберёмся и поедём. Домой. К маме... И к Буське – она и котята тоже соскучились по тебе... Ты ведь тоже по ним соскучилась?

-Да... - всхлипнула Оля.

-И Малец. – Напомнил отец.

-И Малец, - улыбнулась сквозь слёзы Оля, вспомнив главного персонажа бесконечных сказок, придумываемых отцом для неё неустанно в течение всей её сознательной жизни.

-И Квау –Клио! – напомнил отец ещё одного героя самодельных сказок.

-И Квау-Клио... - всхлипнула Оля.

-А Ру-Тю-Тю? Он что, лысый, что ли? – как бы озарился отец.

-И Ру-Тю-Тю. - Кивнула Оля, и, успокоившись немного, перечислила других сказочных персонажей, всхлипывая после каждого имени - И Макареэна-Вау... Птица Мымра... Птица Какаду... Коля Кашалот... Я по всем соскучилась.

-Значит пора. Выезжаем первой лошадей, как говаривал унтерштурмбанфюрер Малец Линь-Бяоич фон Лю-Шао-Цы!

-Ибн Сина... - прошептала Оля. - И оглы.

-Точно! Унтерштурмбанфюрер Малец Линь-Бяоич фон Лю-Шао-Цы ибн Сина Мустафа оглы. – Назвал Фёдор Иванович главного персонажа полным именем, которое, впрочем, тоже было неполным, ибо, кочуя из одной сказки в другую, неугомонный Малец без конца прибавлял к своему основному неизменному имени бесконечные «непищевые добавки»...

Когда Оля успокоилась, они быстро собрались и вышли в темень двора.

-Куда, пап? – Спросила Оля.

-К дяде Игорю.

Когда они постучались в дом напротив, там не удивились.

-Ждали, - усмехнулся Игорь.

-И так долго загостились, - Понимающе кивнула Наталья.

Утром Брагины уехали первым автобусом.

Мамуан уже позвонила в Томск Лене и доложила, что натворил Фёдор. Лена приняла известие молча и никак его не комментировала, чем огорчила мать.

-И ты родную мать бросила! – кинула трубку Мамуан.

Она позвонила в Харьков Сергею и повторила меморандум. Сергей огорчился, обещал при случае «набить Федьке хамскую морду» и просил мать не расстраиваться, подождать его отпуска, он приедет и они всё решат на месте...

Мамуан прослезилась и успокоилась: младший её, любимый Серёнька-последыш, один лишь и утешал её измученное сердце. Вот только сильно далеко он забрался и очень редко бывает дома... но теперь вот обещал беспрерывно приехать. Наконец-то...

И она стала готовиться к встрече.

Сергей не приехал. Позвонил, что никак не удаётся вырваться с работы, а если уволится, то останется вообще без средств к существованию и неизвестно когда найдёт другую работу, где платят хоть какие-то деньги... Надо подождать ещё немного, и он приедет осенью...

Мамуан ждала осени. От Сергея изредка приходили утешительные письма, (ибо у Сергея не было ни телефона, ни денег на переговоры) из коих явствовало, что приехать всё никак не складывается. Прошла осень

и настала зима. Потом весна. И снова лето. Вдруг позвонил Сергей и поведал, что сменил работу и Мамуан может звонить теперь ей на служебный телефон. Изредка, чтобы не засекло новое начальство. И снова просил подождать его приезда...

Мамуан впала в отчаяние. Тоска, старость, хвори, недовольство обстоятельствами жизни и прочьи беды собранные воедино образовали смесь такой скрытой силы, что когда их масса достигла критического уровня, Мамуан взорвалась:

-Всё!!! Пропади всё пропадом!!! И царица небесная, и бог с боженятами!!!..

Она выплеснула во все концы вселенной протуберанцы психической энергии, разрядилась и впала в транс. Потом позвонила Сергею и излила на него поток рыданий:

-Сыночек, забери меня скорее к себе, умираю я одна в доме... уже не встаю, хожу под себя...и ни души рядом... до телефона кое-как дотянулась и набрала твой номер... если ты не спасёшь меня, умру от голода в испражнениях...

-Мама!.. – взрыдал от отчаяния Сергей. – Всё!.. Всё брошу и приеду!.. Продержись несколько дней, приеду за тобой!..

И приехал. Бросил все дела и работу, с которой его так и не отпустили в отпуск без содержания, и через три дня появился у родного порога. Успел. Застал мать живой. Даже на ногах : со стонами ковыляла, опираясь на громадный посох, сумела даже в доме прибраться к его приезду.

И стали ликвидировать дела. Дом с усадьбой, за которые несколько лет назад предлагали тысячу долларов, теперь давали четыреста. За полуживой жигулёнок давали триста баксов. За пасеку о тридцати ульях – двести. За корову сто. И далее по нисходящей за прочье имущество... Мамуан погнала Сергея с тазами-ведрами на базарчик, наказала, чтоб взял цену поприличнее. Сергей просидел на базаре день со своим скарбом, ничего не высидел, но просёк от скуки своим умом инженера-компьютерщика что почём и вечером обнародовал результат:

-Или мы продадим всё за любые деньги, или мы не уедем отсюда никогда.

Он угадал: через неделю за имущество предложили ещё меньше.

Мамуан повозмущалась повадками «сволочей-халявщиков», намеренно ничего не покупающих у отъезжающих, чтобы в последний миг скупить всё за бесценок, и сдалась:

-Делай, сынок, как знаешь.

И Сергей стал «продавать родину» за то, что давали. Дело пошло на удивление весело. За добро, наживаемое полвека, выручили восемьсот баксов. Через две недели они посидели «на дорожку» на скамье у чужого теперь дома, затолкали узлы и чемоданы в попутный микроавтобус и отбыли. Забыв мамуанский посох у калитки.

Дорогу Мамуан перенесла хорошо. В Харькове они прямо от поезда поехали на такси к кирпичной «пятихатке», где жил Сергей с семьёй, выгрузились у подъезда.

-Вон наше окно! – показал Сергей вверх.

-Это ж которое? – насторожилась Мамуан.

-Во-он в пятом этаже, рама без одного стекла! Видишь?

-Вижу.

-Покарауль тут вещи, а я перетаскаю.

Мамуан дождалась, когда Сергей перетащил узлы-чемоданы, вернулся за ней. И вдвоём двинулись вверх по лестнице, ведущей в её новую жизнь. Достичь её оказалось трудно. Мамуан обнаружила, что за всю свою семидесятилетнюю жизнь не взбиралась по лестницам выше второго этажа. Уже на третьем ей стало плохо.

-Это что же, вы так и ходите каждый день? – прерывисто дыша, обернулась она к идущему сзади сыну.

-По несколько раз в день.

-С ума сойти...

Одолели ещё виток бетонных ступеней.

И ещё.

Достигли.

В «десятиквдратной» комнате Мамуан встретили её новые родственники: простоватая женщина средних лет и подросток с грустными глазами.

-Знакомьтесь, - представил всех Сергей. – Это моя мама Раиса Фёдоровна. А это моя жена Таня и её сын Коля.

-Очень приятно. - Сказала Татьяна.

-Очень приятно. - Сказал Коля.

-Очень приятно. - Сказала Мамуан, которой не было приятно.

Раньше Мамуан читала в книгах о психологической совместимости или несовместимости людей, вынужденных жить в тесном пространстве. Но сведения эти как-то не укладывались в её представления о жизни и не задерживались в сознании – «просвистывали мимо», как очень многое, чему нет применения и подтверждения в повседневности. Теперь, когда её раскладушка ставилась на ночь в узком проходе между диван-кроватью Сергея с Татьяной и раскладушкой Коли, а с утра все начинали тусоваться на полутора метрах «свободного» пространства, Мамуан стало хуже, чем когда она восходила на эту пятиэтажную Голгофу в день приезда.

Днём, когда Коля уходил в школу, а Сергей и Таня на работу, Мамуан окоченевала на табуретке и пыталась сообразить, как она оказалась на этой табуретке за тыщи вёрст от своей милой родины, и что вообще могло затащить её в эту дыру...

Где-то за окном был город Харьков, там шла какая-то жизнь, роились и гомонили люди, сновали автомобили, автобусы, троллейбусы, пестрели плакаты рекламы, происходили какие-то события... Всё это не имело ровным счётом никакого отношения к Мамуан и она к этому тоже не имела никакого отношения, её словно не было.

В десятиметровке ничего не происходило. Чтобы как-то обозначить жизнь, Мамуан затевала обед. Для себя одной, потому-что остальные дома не обедали и вообще появлялись только поздно вечером: Коля после уроков в школе шёл в какой-то клуб, где подрабатывал

помощником киномеханика, Сергей и Лена после работы посещали попеременно то курсы повышения квалификации, то сборища общества «Сознание Кришны» - домой являлись, фактически только переночевать и совершить минимальные бытовые надобности. К тому же все трое были вегетарианцами, только для Мамуан покупали скоромное: мясо, колбасу, яйца... Мамуан не понимала, как можно жить на одной траве, и варила себе суп или жарила яичницу, нехотя ела, потом пила чай и опять надолго окоченевала, не зная, чем занять привыкшие к труду и заботам руки и голову. Да и негде было занять руки и голову: замкнутое пространство давило на тело, психику, душу.

Выхода не просматривалось. Мамуан попробовала ходить гулять. Снисходила с пятого этажа и попадала в суматошный мир большого города, где ей не было места, где все куда-то спешили, толкались, и вообще... это было не гулянье, а кошмар. Мамуан возвращалась в десятиметровку и вновь оказывалась на табуретке... И сами собой лезли мысли, которые она гнала прочь, но которые возвращались, о том, как хорошо и вольно жилось ей в родном посёлке, как содержательна и независима была жизнь. И как нелепа здесь. От сознания, что всё ушло необратимо, хотелось выть.

В воскресенье семья собралась, наконец, вся вместе. Таня затеяла стирку, и оказалось, что другим в комнате нет места.

-Мама, вы легли бы пока на диван, полежали. – Сказала Таня.

-С чего это мне лежать? – Не поняла Мамуан. – Я не устала.

-Мама, нам надо стирать, места мало, мешать будешь, – пояснил Сергей. – Мы и Колю сейчас отправим погулять, пусть на базар сходит за картошкой.

-Значит, мать помешала, - напряглась Мамуан, - много места занимает.

-Ну, что вы, мама... - Растерялась Татьяна. – В тесноте, да не в обиде...

-А зачем вы живёте в такой тесноте? Неужели за столько лет квартиру не могли заработать?

Таня покраснела.

-Мама, ты не соображаешь, о чём говоришь. – Укорил Сергей.

-А ты соображаешь, какие условия создал родной матери?

В жилище стало тихо.

Мамуан нервически оделась и ушла.

Татьяна и Сергей посмотрели друг на друга. Сергей стал краснеть.

-Свыкнется, - сказала Татьяна. – Так резко менять в её возрасте...

-Да... - пробормотал Сергей. – Возрастные особенности...

Ещё через несколько дней на десятиметровом пространстве произошло полное расстройство жизни.

Мамуан строчила письма дочери Лене: «... Доченька, родненькая, заberi меня к себе!.. У Сергея жизни мне нет, все меня тут ненавидят! Не кормят, не поят! Все уходят утром из дома, и бросают меня одну на произвол судьбы, не оставив еды ни крошки... Медленно умираю с голода... давеча собралась в магазин купить себе хоть хлебушка, упала на лестнице и потеряла сознание от голода... Стучусь к соседям, прошу

корочку, спасибо людям добрым не отказывают... Господи милостивый, царица небесная, пресвятая мать богородица!.. Выростила деток!.. Старости голову преклонить некуда... Я б назад уехала в посёлок, да денег нет, и не к кому... Может в дом престарелых тут пристроюсь, да прописки нет, и пенсию никак не могу оформить... Леночка, золотко, возьми к себе меня, тише воды буду, ниже травы, слово Фёдору не скажу, только б взяли меня сирую...»

Лена получала эти письма в далёком Томске, плакала, и не знала, как, в каких словах рассказать всё Фёдору. Оказалось, что не надо ему ничего и рассказывать, он прочитал письма и обречённо вздохнул:

-Езжай. Перевози её к нам.

Лена засуетилась, стала звонить в авиакомпанию, узнавать как и когда можно улететь в Харьков. А когда услышала «цену вопроса», растерялась: столько денег было не набрать и не занять... Решила ехать поездом.

И тут позвонил Сергей. Голос его, всегда внятный, почему-то срывался, он заикался и говорил отрывками:

-Лена... Лена... Т-т-т-т-т такое дело... Мать с ума сошла... Сорвала меня из Харькова в посёлок, я с примчался, думал она умирает... А она как к-к-к-конь... Продали всё за бесценок и взял её к себе в Харьков... И т-т-т-т-т...И она т-т-т-т-т...т-т-т-т-т...

Сергей заклинил на «т» и никак не мог расклиниться.

-Серёжа, не волнуйся, говори, как можешь! – Взмолилась Лена. – Я всё пойму! Я уже догадываюсь!

-П-п-правильно... - Прорвало Сергея. – Так и есть... Я п-п-п-просто не знал своей матери... М-м-мы с тобой уехали после школы и остались с р-р-р-романтическими представлениями о ней... А это вампир!.. Кровопийца!.. Она нас всех обескровила... Мы всё для неё делаем... Мы купили домик на окраине с подворьем, я там ремонт начал...Весной переехали бы... Да вот остановился: руку сломал...

-Как!? – Встревожилась Лена.

-Мамаша довела...- Сергей снова заволновался. – П-п-понимаешь... К-к-короче, довела до истерики, я и стукнул по двери рукой... Сам не знаю как... В гипсе теперь...

-А мне мама пишет, что с голода умирает... - всхлипнула Лена.

-Это мы умираем от неё! Она нас ест!.. Живьём! Загрызает!.. – Взвился Сергей. – Она приехала нас уничтожить!.. Уже уничтожает!.. Я сначала не понял, почему соседи от нас стали отворачиваться, не здороваются... Потом узнал: она всем уже рассказала, что мы над ней издеваемся и морим голодом... Боже мой, каким же дураком я был... Как свято верил: мама, это единственный человек в мире... - Сергей взрыднул, затих и зачастил, - это ведьма!.. Она Игоря загрызла! Наталью! Детей их! Отца! Бабушку! Ивана Дмитрича! Фёдора!.. Теперь и нас... Одна ты осталась, но будь уверена: дойдёт очередь и до тебя...

-Уже дошла... - тихо произнесла Лена.

-Она тебе написала?

-Да.

-Тогда поздравляю. Если хочешь повторения моей дурости, приезжай за ней. Недавно и я точно так же мчался на зов умирающей матери...

-Что же делать?

-Не знаю. Сейчас срочно подыскиваю ей квартиру, пусть живёт отдельно. И ещё не оформил ей прописку, украинское гражданство... Скорее бы всё это кончилось и разъехаться... Буду ухаживать, обеспечивать всем, но только бы не жить вместе... Это ужас. Это ужас, которого ты даже представить не можешь... это нельзя представить, не испытыв...

Лена после этого разговора не спала всю ночь. Картины детства проплывали перед внутренним взором, и главное место в них занимала мать. И отец тоже, но сначала мать – высшее существо, вокруг которого вращались все и всё. Потом Лена вспомнила, что, уехав из родного посёлка учиться в сибирский город Томск, скучала почему-то не по матери, а по отцу. Это ещё тогда удивляло её. И когда её в те годы зажимали какие-нибудь тяжкие обстоятельства, и неоткуда было ждать поддержки, ей стоило лишь позвонить отцу: на другой день он прилетал и всё улаживал. Он вообще всегда всё улаживал. Вокруг него словно поле умиротворяющее устанавливалось: утихали конфликты, принимались разумные решения, сами собой устранялись проблемы, и вообще всё становилось простым и понятным. И при этом он не совершал ничего героического, все делал легко, походя, с прибаутками...

И до неприятного остро вспомнились сцены материнского героизма: крикливо, чтобы все видели и слышали, мать выполняла обычные домашние дела, проклиная «лодырей и бездельников», хваталась за всё с усердием и работала, как проклятая, вразнос, до упада, до дурноты, хотя в этом не было никакой нужды...

Раньше Лена над этим не задумывалась. Или запрещала себе задумываться из-за боязни разрушить образ матери, хранимый как святыня.

Похоже, что и Сергей тоже: мать он любил трепетно.

Так и дожили до седин при своих иллюзиях.

И стало стыдно за свою многолетнюю холодность и демонстративную укоризну к Игорю и его семье...

На другой день позвонила Мамуан. Выпалила скороговоркой:

-Звоню от соседки, запиши номер телефона и сама немедленно позвони!

Лена записала. И тут же набрала номер.

-Ой, доченька!.. – Раздался громкий материнский голос. – Погибаю, родная!..

-Что случилось? – Неожиданно для себя без волнения ответила Лена.

-Сергей!.. – Мамуан взрыднула. – Совсем с ума сошёл!.. На мать руку поднял!..

-Ударил?!

-Почти! – Всхлипнула мать.

-Так ударил или нет?

-Считай, ударил!

-Нет, мама, погоди! - Неожиданно для себя Лена говорила с бухгалтерской въедливостью в голосе. – Сергей тебя ударил?

-Ударил в меня... - пыталась уйти в неопределённость Мамуан. – Но я увернулась и упала на диван. А он кулаком попал в дверь! Руку сломал! Это бог его наказал тут же!..

-У вас диван к двери приставлен?

-Почему? – Не поняла Мамуан. – У окна в углу.

-Так как же он мог ударить в сторону окна, а попасть в противоположную сторону – в дверь!?

В телефоне зависла пауза. Потом Мамуан в голос завывала:

-Ой, доченька, забери меня к себе!.. Голодом сижу! Если б соседи не подкармливали, уже б живых не было! Корочку выпрошу – тем и жива!..

-Что!!!??? – Взвилась уже Лена, взвилась так впервые в жизни, и даже далёкая Мамуан это почувствовала.

-Ну, прошу иногда соседей сходить в магазин... - снизила пафос она. – Сергея не допросишься...

-Нет, подожди, мама! – Голос у Лены стал железным. – Вы просите милостыню?

-Да ты что... - заюлила мать.

-Но ты только что сказала, что просишь корку у соседей!

-Ну, это я так...

-Как!? – Голос Лены звенел. – Как ты просишь корку у соседей?!

-Да никак! – Психанула Мамуан. – Что ты к словам придираешься!..

-Значит всё, на что ты жаловалась – всего лишь слова?

-Почему слова?... Почему слова?.. Мне здесь жизни нет!.. Я помру здесь, если ты не возьмёшь меня к себе!..

-И здесь повторится то же самое, что у Сергея. – Утвердительно сказала Лена.

-Доченька, я буду тише травы, ниже воды!.. – Заумоляла Мамуан. – Мне ничего не надо, только бы быть рядом с тобой!.. А Сергей – бог ему судия, а я его прощаю!..

-А он тебя?

-То есть?

-А ты у Сергея прощенья просила?

-Я!?!.. – с придыханьем переспросила Мамуан. – Я!?!.. Прощенья!?!.. У собственного сына!?!.. Да я никогда ни перед кем в жизни прощенья не просила!

-А теперь вот попроси у Сергея прощенья и помирись с ним. – Жёстко сказала Лена. – Если ты хочешь жить в мире с ним и его семьёй.

-Я буду жить с тобой!

-Ты не будешь жить со мной.

-Почему?.. – растерялась Мамуан, совершенно не ожидавшая такого поворота событий.

-Потому-что я знаю Фёдора.

-А причём тут Фёдор?

-При том, что он уйдёт из дома после первого твоего скандала. И больше не вернётся.

-И скатертью дорога! – Встрепенулась Мамуан. – Без него проживём!

-Ты – да. Я – нет. – Осадила её паренье Лена.

-Сильно нужен тебе этот тюфяк!

-Сильно.

-Ты что же, родную мать на мужика променяла?..

Лена медлила с ответом. В трубке слышались редкие приглушённые пощёлкивания, слабые шорохи, потом разом всё стихло, и раздались частые гудки.

Мамуан ждала, что Лена сейчас перезвонит, но пауза затягивалась, а телефон молчал. Соседка-пенсионерка поглядывала на гостью сначала с любопытством, потом со скукой, потом «с подтекстом» поинтересовалась:

-Конец, что ль?

-А? – словно очнулась Мамуан. – Да... Конец...

Она вышла, остановилась на лестничной площадке и замерла, глядя в тёмный провал между лестничными маршами. Где-то внизу был выход, но отсюда его не было видно, можно было только угадать его по тусклому отсвету на бетонном полу первого этажа...

2002.

Дембель

Рядовой Фёдор Угаров имел репутацию недоделанного: тяжелоатлетического сложения парень был рассеян и задумчив, как романтическая дива. Призванный в армию по принципу «не можешь – научим, не хочешь – заставим», воин томился на службе, как сонная муха на оконном стекле. Всё в нём раздражало командиров: степенная походка, несовместимая с хождением в строю, равнодушие к армейским традициям, непонимание уставов, техническая бездарность. Раздражала командиров даже федыкина манера говорить.

Когда в карантине у него украли шапку, на вопрос старшины о головном уборе он спокойно ответил:

-Похитили.

Это «похитили» взорвало суровую старшинску душу.

-Похитили!!!.. – вскричал старый воин. – У других вещи пи...т, а у него, видите ли, хитят!.. С казеином шапку напялю на твою тыкву, чтоб больше не пи... не хитили!

В другой раз у него украли ремень. Угаров в строю дотопал до столовой, отобедал, а когда выходил, столкнулся на крыльце с командиром дивизии и командиром полка. Федька посторонился, чтобы пропустить их, но генерал заметил неуставной вид солдата:

-А это что за бардак!? Почему без ремня, рядовой!? Ты воин, или баба базарная!?! А!?! Отвечай, когда спрашивают!.. Х... молчишь?.. Язык проглотил!?

- Ничего нет, ваше превосходительство, – брякнул воин.

Генерал чуть не упал от такого изыска. А полковник Хижный открыл рот и так застыл, забыв, что хотел сказать.

-Фамилия!? – опомнился генерал.

-Угаров.

-Десять суток ареста!

-Есть.

-Полковник, проследите, чтоб рядовому Угарову служба мёдом не показалась!

-Есть, товарищ генерал!

-Развели бардак, ... вашу мать!

В учебке Фёдора выучили на радиста и перепихнули по назначению – в роту связи. Назначили зачем-то радиомехаником приёмного радицентра радиотехнического полка дивизии противовоздушной обороны. Тут не играли в войну, а реально стерегли от супостата родное небо над родной землёй, даже если эти земля и небо слыли казахскими. Именно этот полк проворонил когда-то пролёт здесь американского самолёта-шпиона, пилотируемого плохим парнем Пауэрсом. С тех былинных времён всем новобранцам с гордостью рассказывали про это, и о том, сколько командирских голов и погон слетело...

Когда взводный Кропачев, носящий кличку Укроп, подвёл новоиспечённого кадра к огромному армейскому радиоприёмнику Р-154-2-М и стал знакомить с его внутренним содержанием, воин удивился:

-У-у... сколько там проволоки...

Укроп от такой увертюры сомлел. «Кадры решают всё...» – вспомнился старлею постулат, упоминаемый на политзанятиях едва ли не через фразу. Внутренним чутьём он усёк: такого спеца допускать к технике можно только в наручниках. И перевёл Федьку в радисты чистого толка.

Радист из Фёдора получился ограниченно годный: принимал только радиодонесения, передаваемые со скоростью не выше восьмидесяти знаков в минуту – норматив радиста третьего класса. Если морзянка шла с большей скоростью, Федька её не воспринимал. Когда он пропустил несколько донесений, Укроп перевёл его из слухачей на ключ: у рядового была удивительно чёткая, чистая передача. Но и тут скоро вызрел кризис жанра: дубовая федькина рука «титакала» ключом с одной скоростью во всех случаях, без замедлений и ускорений. И если обстановка требовала ускорения радиопередачи, то радиста Угарова приходилось экстренно заменять другим радистом.

-Не надо штангу таскать! - злился старлей на солдата.- Зачем такие ручищи радисту? Нашёл занятие!

-Не занимаюсь я штангой! - огрызался воин. - Я только разминаюсь ею иногда. Я ж не лошадь, чтоб большие тяжести таскать. Гантели предпочитаю.

-А банки конские от чего!? Я что, не видел, как ты центнер жал по несколько раз!?

И перевёл его в дикторы: считывать информацию, принимаемую радистами приёмного радиопункта, на командный пункт полка.

В новой роли рядовой Угаров заблестал, как алмаз, очищенный от грязи: прекрасная дикция при негромком голосе хорошего тембра пленили планшетистов и штурманов наведения – работать с таким диктором было легко и надёжно. Смены три. Или четыре. Потом начались очередные учебно-тренировочные полёты истребителей-перехватчиков и радиодонесения категории «воздух» пошли с такой интенсивностью, что говорить дикторам требовалось со скоростью пулемёта. Чего Угаров делать не умел.

Вызрел очередной кризис жанра.

-Ума не приложу, куда его деть...- затосковал Укроп.- В каптёры, что ли?

-Не нужен мне этот тюфяк! - запротестовал старшина Дэнк. - Ни украсть, ни покараулить!

-Матрас он и есть матрас, как его ни назови, - подтвердил командир роты капитан Ковешников. - С такими воинами ходить мне с одним просветом на погонах до самой лысины.

Личный состав имел более радикальные мнения.

-В пятак мало получал, вот и остался недоделанным этот Недоделанный, - утверждали ротные старики.

Тонкий циник с глазами несостоявшегося гения Лёха Сизиков одиноко возражал:

-Зря вы так, кореша...Чем-то отмечен господом этот малахольный...

-Пыльным мешком он отмечен!- непоколебимо стояли на своих позициях

старики-деды-дембеля. - Пыльным мешком из-за угла по темени! Противоядие одно: в пятак чаще ему двигать!

Но не двигали. В роте помнили, как года полтора назад четверо дембелей пытались отвесить тогда ещё салажонку Угарову «банки» ремёнными бляхами по заднему месту, как и всем новобранцам: так было принято. Вместо традиционных «банок» вышла некрасивая сеча: салага оказал сопротивление и его стали рубить бляхами, как капусту сечкой. Окровавленный Федька, не умеющий даже драться по-человечески, несобранно, по-дилетантски сломал об дембелей табурет. То, что осталось от табурета, воосстановлению не подлежало, а то, что осталось от дембелей, уволокли в санчасть, Федьку водворили на «губу»...

Командование долго заминало инцидент: невозможно было спрятать увечья, причинённые безумным салагой четверым старослужащим, и невозможно было бы спрятать подоплеку события, если бы дело было пущено по обычному руслу «арест-дознание-следствие-трибунал».

С той поры Федька и получил прозвище Недоделанный. И от него отстали. Списали со счетов: недоделанный и есть недоделанный.

Так полтора года и проболтался воин в неопределённой роли, попеременно исполняя функции то радиста, то диктора, то просто не у дел будучи. По армейской табели о рангах сам уже стал стариком, но на нём это никак не отразилось: был не от войска сего, таковым и остался. Похоже, единственное, что его интересовало, были книги: их он словно не читал, а пил запоем. Но и тут его пристрастия были странными: Радищев, Карамзин, Пушкин, ещё какие-то давно жившие страцы с их преданиями старины седой. Из того загробного мира Федька возвращался в реальность не сразу, поэтапно, выдерживая паузы, как водолаз при возвращении из глубин на свет божий.

Федька считал дни до дембеля далёкого и рисовал в своей недоделанной голове картины расставания со службой: вот он получает дембельские ксивы, вот снимает постылые доспехи...

Ротный, так и не дождавшийся при Федьке второго просвета на погонах, тоже считал дни до угаровского дембеля, но картин не рисовал. Будь его воля, он в три минуты дембельнул бы Недоделанного, собственноручно запихал бы его в первый же проходящий поезд и еще б для надёжности гранату вдогонку кинул.

Взводный, напротив, считал, что Федьку надо бы приписать к полку навечно: тогда уж он сумел бы переделать Недоделенного... Старший лейтенант Кропачев-Укроп как личное оскорбление переживал сам факт недрессируемости рядового Угарова и искренне скорбел о том, что скоро выйдет из-под его контроля этот тюфяк в том же виде, в каком прибыл. И, чтоб оставшиеся месяцы службы Федьке действительно мёдом не показались, стал Укроп ежедневно назначать его на боевые дежурства радистом - исключительно в ночные смены и только на самое бойкое направление: вздремнуть за такой «конторой» было невозможно. Укроп знал, что тюфяк Угаров не воспользуется неписанным правом старослужащего усадить на бойкое направление салагу, а самому мирно отдохнуть у «конторы» малоактивной. Никакого стариковского достоинства у Федьки так и не возникло.

Через неделю неусыпных бдений рядовой Угаров стал засыпать на ходу. Ночами он геройствовал у радиоприёмника: принимал донесения и сам считывал их на командный пункт. Днём ночной смене полагался

трёхчасовой сон, но это теоретически. Практически из этих трёх часов на отдых не всегда оставался и час.

И Недоделанный возрптал. Он отловил Укропа в ротной канцелярии и хорошим дикторским голосом возвестил:

-В ночные смены ходить больше не могу. Отоспаться надо.

Укроп плотоядно посмотрел на солдата, доверительно попенял:

-Пойдёшь, голубь сизокрылый. Сегодня. И завтра. И послезавтра. До посинения родине служить будешь по ночам. Форштейн?

-Усну за приёмником, донесение пропущу.

-Не пропустишь! - голос командира металлизировался. - А пропустишь – на этот раз я тебе дисбат гарантирую!

-Усну, - заверил воин. - Лучше не идти на смену.

-Пойдёшь! Даже побежишь! Скачками! А я ночью приду и проверю, как ты службу несёшь! Увижу спящим – пристрелю!

При слове «пристрелю» Угаров вздрогнул. Он странно посмотрел на командира долгим тяжёлым взглядом с сумашедшинкой, потом повернулся и молча вышел. Дотопал до спортплощадки, сел на гимнастического коня и оцепенел.

Несколько молодых солдатиков нескладно выгибались на спортснарядах под взбадривающие матерки сержанта. Июньское солнце нещадно пекло их стриженные головы, казармы военного городка, ангары авиаполка поодаль, серебристые «миги» и «сухари» у взлётно-посадочной полосы и саму полосу, степь, строения зенитчиков у горизонта и сам горизонт...

Подошёл Ванька Аминяков, в местных войсках известный под именем Купа Купыч Гениальный за свою схожесть с одноимённым персонажем кинофильма «Республика ШКИД». Сел рядом с Федькой, проокал:

-Слышал, как ты с Укропом щас говорил.

Фёдор молчал. Гениальный поёрзал на спортснаряде, продолжил зуд:

-А ведь кокнет. Ударит моча в голову товарищу страшному лейтенанту, схватится за шпалер...

Купа сунул руку в расстёгнутый ворот своей грязной гимнастёрки, почесал осалившуюся грудь.

-Кстати, о птичках... - задумчиво произнёс он, глядя на ретивого сержанта при новобранцах, - и почему так всегда бывает - чем меньше знаки на погонах, тем больше вони?

Из здания штаба вышел командир полка полковник Хижный, он же Папа, закурил.

При виде Папы сержант утсроил рвение и страшно закричал на неловкого салажонка:

-Делай! Я сказал: делай! Болтаешься, как куль с дерьмом!

Салага тщетно пытался осуществить на турнике «выход силой», с него струился пот с такой интенсивностью, что штаны в поясе были мокрыми.

-Силой!.. Силой!.. - ярился сержант. - Ну!.. - он подпрыгнул и пнул неумельца в зад. Воин упал.

-Встать! - взревел сержант. - К снаряду!

Папа-Хижный докурил папиросу и зычно крикнул:

-Сержант!

Сержант обернулся.

-Трое суток гауптвахты! - без комментариев бросил ему полковник.

-Есть!

- Веди своё войско в казарму!

-Есть!

Вселенную вспорол рёв истребителя, серебристой стрелой скользнувшего со взлётно-посадочной полосы в бесцветное семипалатинское небо. За ним – другой. Следом третий. И ещё. И ещё...

Через малое время у горизонта гроыхнуло: перехватчики ушли за звуковой барьер.

-Укроп канает, - сказал Купа.

Командир радиовзвода «страшный лейтенант» Кропачев, он же Укроп, прямой и негиббемый, как калёный лом, шагал от казармы к штабу. Пока он обменивался приветствиями с Папой, Купа Гениальный спрыгнул с лошади и сымитировал шествие командира: прошёлся туда-сюда перед Федькой не сгибая колен и поднимая руки-ноги синхронно, по системе «левая нога – левая рука, правая нога – правая рука»...

Сценка получилась такая шкoдная, что угрюмый Федька улыбнулся. Гениальный остановился перед ним и укроповским голосом провозгласил:

-Последним смеётся тот, кто стреляет первым! Ясно, герр зольдат?

Улыбка сошла с рязанского лица Фёдора.

-Скоро ужин, пора животы массировать, - перешёл на человеческий тон Гениальный. - Поканали в казарму.

Посреди казармы между двумя рядами двухъярусных коек стоял на табуретке Лёха Сизиков в окружении зевак. Стоял истуканом, вперив стеклянный взор в громадный портрет Ленина на стене. Толпа выжидательно внимала. Лёха вдруг резко бросил свою левую ладонь себе на темя так, что пальцы свесились на правый глаз, как чёлка, а два пальца правой руки вертикально приложил к верхней губе – получились как бы усики...

-Унзере зольдатен!!! - взвизгнул Лёха. - Их бин унзере фюрер!!!

Солдаты хохотнули.

Лёха пошевелил длинным носом, окинул аудиторию безумным взглядом, и завизжал так страшно, словно его кастрировали без наркоза:

-Унзере зольдатен!.. Дранг нах остен!.. Форверст!.. Форверст!.. Форверст!..

Из «ленинской» комнаты высунулась голова замполита Гуршпона. Лёха мгновенно убрал руки за спину и генсековским голосом невнятно забормотал:

-Да, товарищи. В нашей. Истории. Были. Отдельные. Негативные. Моменты. Но. Товарищи. Не будем. Акцентировать. На них. Внимание.

-Сизиков! - застрожилась голова замполита. - Ты кому тут мозги ...?

-Трщ страшный летнант! – Полудебильно забормотал Лёха. - Првожу! С личным составом! Разъяснительную рботу!

-Хватит трепаться! И вообще, сколько времени? - он глянул на часы и возвестил в никуда, - старшина! Строй роту на ужин!

-Есть! - вякнул невидимый за койками старшина, не вставший, однако, с постели, на которой лежал в сапогах.

Воинство загалдело и неорганизованно потянулось к выходу. Дембеля остались лежать одетыми на заправленных постелях: ходить в

столовую им было запаadlo, в обязанность салаг входила и доставка дембельских порций к их постелям.

В столовой Фёдор и Купа сидели рядом. Длинные столы на десять «рыл» и пятиместные скамьи вдоль них плотно заполняли огромный зал. Старослужащие воины привычно разделили почти всю еду между собой и дембелями, оставив салагам символические ошметки варева на дне алюминиевых лоханей. Фёдор был старослужащим, но так и не привыкнув к армейским порядкам, в делёжку не вступал. Взял у хлебореза кирпич хлеба – этот продукт тут был в изобилии – сел за стол с края и стал жевать хлеб, запивая кипятком. Салаги последовали его примеру.

Гениальный урвал черпак каши и кайфовал. Доел, облизал ложку и привычно попенял Фёдору:

- Чужого нам не надо, но своего не отдадим. Дурак ты, Федька, отощaeшь с гордыни.

После ужина Укроп выстроил радиовзвод перед казармой и стал зачитывать список смены, заступающей на ночное дежурство:

-Дежурный по связи – старшина Гусар. Старший смены – сержант Олейник ... Электромеханик – Аминяков. Радисты – Сизиков, Потеряев, Угаров...

Дальше Федька не слушал.

-...на охрану и оборону воздушных границ союза советских социалистических республик приказываю заступить! - закончил Укроп.

Два десятка радиотехнических душ стадом побрели через степь к радиоцентру, сиротчащему неподалеку от здания гражданского аэровокзала.

На полпути поперек тропы валялась ржавая труба с навеки прикипевшим к ней унитазным бачком. Лёха Сизиков патетически возвестил:

-Это всё, что осталось от американского бомбардировщика Б-52, вторгшегося в воздушные просторы нашей горячо любимой родины! Наши доблестные лётчики остановили агрессора на дальних подступах к сердцу родины! А зенитчики доби́ли гада!

-Ура, товарищи! - хрюкнул Купа. - Только это был не Б-52, а Б-58! Ибо на Б-52 многоочковый сортир! А тут – обычная персоналка!

-Герр зольдат!!! - вскричал Лёха. - Ду бис руссиш швайн! Дас ист кригсмаши́нен, абер ни́хт паравоз!

-Я – свинья?! - Возмутился Купа и кинулся на оскорбителя, заломил ему руку за спину.

- Отпусти, козёл!.. - взвыл Лёха.

-Так от какого боинга деталь?- домогался Купа.

-От бэ полста восьмого! Я обознался!.. А-а-а!..

Купа принял раскаянье и отпустил фальсификатора истории.

Низкий длинный барак приёмного радиоцентра торчал среди антенного поля, как паук в тенётах. На крыльце стоял дежурный по связи дневной смены старшина Паталах и сосредоточенно мочился, норовя не промахнуться струёй мимо горлышка зиждящейся на земле бутылки.

-Привет стрелку-радисту! - издали крикнул ему старшина Гусар. - Ты смену сдавать мне должен или мочу!?

-Ползёте, как мандовошки! - лениво парировал Паталах. - Теперь из-за вас на рубон нас столовские прокинут!

-Ты жрать сюда за тыщи вёрст приехал?

Пока командиры перекидывались ритуальными остротами, смены поменялись местами.

-Угаров! - крикнул старшина Гусар. - Сегодня твоя очередь караулить! Бери ствол и – кыш отселева!

Фёдор взял из оружейной пирамиды свой карабин, получил у старшины Гусара четыре обоймы с патронами, одну загнал в магазин карабина, три сунул в подсумок.

-Пошёл, - доложил старшине.

-Вали, - напутствовал тот, - только не в штаны.

Фёдор вышел из здания, повесил оружие на тополиный сук и лёг на скамью под ним. По-южному быстро смеркалось. В городе зажигались фонари, в степи накапливался мрак. Томная благодать летней ночи снизошла на окружающую среду, укрыв унылые пейзажи и кучи бытовой дряни между аэровокзалом и железнодорожным вокзалом Жана-Семей.

Фёдор поднялся, включил фонарь над входом в здание. Прошёлся вдоль тополей. Спать хотелось – «как из ружья». Он начал соображать, сколько времени ему надо для приличия пофланировать тут, а затем угнездиться на незаслуженный отдых в торчащей неподалеку будке электромеханика. К охране своего объекта и самих себя воины относились философски: кому мы на ... нужны? До заварухи в Чехославакии радицентр вообще никакой охраны не имел, зайти сюда могли все, кому не лень. А после заварухи радистам приказали охранять себя самим в порядке «живой очереди». Так и охраняли. Атмосфера проходного двора на радицентре сохранилась незыблемо.

Фёдор снова сел на скамью и с неудовлетворением ощутил, как сонная истома влечёт его вниз... вниз... вниз...

Встрепенулся и заставил себя встать. Подошёл к турнику, подтянулся два раза на правой руке, раз – на левой. Взялся за перекладину обеими руками, качнулся и с ходу крутанул «солнце». Спрыгнул. Сонливость отступила.

Из дизельной выполз Купа, удивлённо сказал:

-Я тебе раскладушку приготовил, а ты чешешься! Мир хижинам, война дворцам! Кончай геройствовать, айда вздремнём...

-Побдю еще маленько.

-Родина тебя не забудет, - предрёк Ванька. И ушёл дрыхнуть: его дизеля предназначались для автономного питания радицентра в случае атомной войны, в которую никто не верил.

Фёдор поупражнялся еще и с самодельной штангой, подышал поконски. Снял с тополя карабин, сел на скамью и скоро опять ощутил тяжкий навал сонливости. Со стороны аэровокзала доносился голос авиадиспетчера из радиоботала, что-то сообщавшего пассажирам, доносились невнятные голоса самих пассажиров, слонявшихся в ночи.

Фёдор засыпал. Он периодически распахивал очи, когда на взлётно-посадочной полосе взрёмывала самолётная турбина – в авиаполку начались ночные полёты – бессмысленным взором провожал уходящий в небо огненный клинышек сзади невидимого в ночи истребителя, снова ронял голову на грудь. И снова

наваливалась смертельная сонливость, мир вокруг стал расплываться и терять очертания, в голове возник тяжёлый вакуум, затем исчезло вообще всё...

Укроп появился из тьмы, как тень забытого предка. Его силуэт в свете фонаря становился всё чётче, чётче. В ватной голове Фёдора из мочалки извилин вылезло смутное воспоминание о том, что командир обещал пристрелить его нынешней ночью, потом это воспоминание заслонилось вдруг всплывшими картинками детства, завертевшись перед внутренним взором: маленький Федька нёсся по огромному лугу... потом вдруг оказался перед первой своей школой... а вот дед Яков протягивает ему свистульку... И вдруг!!! Что!?!.. Что это!?!.. Укроп!?!.. Вынимает пистолет!?!.. Но ведь это же!.. Хочет проделать отверстие в нём, Фёдоре!.. Зачем!?!.. Не надо!.. Не надо!..

Как в замедленном кино Фёдор взял карабин, передёрнул затвор, и, держа оружие одной рукой, поднял ствол на уровень командирской груди.

-Стой! - крикнул он. - Стрелять буду!

Взводный продолжал шагать ему навстречу и тоже передёрнул затвор своего пистолета, держа его дулом вверх.

-Стреляю! - крикнул Фёдор.

Он видел, как ушла в сторону левая рука Укропа, а правая с пистолетом пошла на снижение в сторону Фёдора...

Фёдор нажал на спусковой крючок первым. Непостижимым образом он физически ощутил, как обмеднённая пуля калибра 7,62 под диким давлением пороховых газов крутанулась в нарезках ствола и пошла от дульного среза со скоростью семьсот метров в секунду к командирской груди, вошла в неё, высверлив аккуратное отверстие на входе, и, разрывая в сумашедшей прецессии живые ткани, ушла в никуда, оставив на выходе огромную дыру в том, что называлось ещё старшим лейтенантом Кропачевым, но фактически было уже ничем.

Фёдор уронил карабин.

И проснулся.

Со стороны окраинных пятиэтажек к приёмному радиоцентру шёл Укроп. Свет фонаря доставал его на излёте, но Фёдор узнал командира. Узнал, несмотря на то, что вместо форменной одежды на том были сейчас белая распашонка, джинсы и шлёпанцы. С каждым шагом силуэт старлея становился всё чётче, чётче...

Фёдор передёрнул затвор карабина, и, держа оружие в одной руке, поднял ствол на уровень командирской груди.

-Стой. - Приказал.

Взводный продолжал шагать.

-Стрелять буду.

Укроп остановился. Поразглядывал солдата, отрывисто приказал:

-Убери оружие.

-Назад. - Приказал Фёдор.

-Кому сказал: убери оружие! - повысил голос Укроп.

-Назад. Повернулся и пошёл назад. - Приказал Фёдор.

-Ну, ты меня достал!.. Сейчас я тебе покажу... - начал и не закончил фразу Укроп: обмеднённая пуля калибра 7,62 под диким давлением пороховых газов крутанулась в нарезках ствола фёдорова карабина и

ушла в сторону старлея, так взывнув у его правого уха, что голова дёрнулась.

- Назад. Бегом. Марш. - Негромко приказал Фёдор.

Укроп ошарашенно смотрел на него и не шевелился. Фёдор вновь открыл огонь. Вторая пуля взывнула у левого уха старлея. Третья – над теменем. Четвёртая – левее...

Фёдор стоял, держа карабин в одной руке, и стрелял, пока не выпустил всю обойму, продырявив в ночи над головой Укропа венчик из десяти прострелов. Отдача в руку была, как от удара кувалдой в рельс.

И только когда всё стихло, Укроп побежал. Иссяк в ночи.

На крыльце образовался старшина Гусар, поинтересовался:

-Ты что ль палил?

-Я.

-В кого?

-В Укропа.

-Убил?

-Нет.

-Дурак. Теперь начнётся...

Через час рядовой Угаров был взят под стражу и водворён в одиночную камеру полковой «губы». Он немедленно уснул, вытянувшись на полу по диагонали: одиночка имела размеры, приближающиеся к шифоньерным.

Среди ночи его растормошил ротный. Фёдор с мукой растворил очи, увидел в дверном проёме капитана и стал соображать ватными мозгами – где он?

-Встать! Выходи! - Приказал Ковешников.

Он завёл солдата в камору начальника гауптвахты, сел за стол и стал сверлить суровым взглядом Недоделанного, стоящего у двери растрёпанной бабой: измызганная гимнастёрка без ремня лопнула на тугих плечах, полы её сарафанились в стороны, на дурно стриженной голове топорзились всколоченные волосёнки...

Сбоку от ротного на скамье истуканами сидели старшина Дэнк, замполит Гуршпон и взводный Укроп. По их неестественно протокольным лицам и позам, а также по доносившимся с их стороны ароматам Фёдор понял, что командиры «принявши».

-Ну что, военный? - начал ротный. - Значит, начал в командиров постреливать? Та-а-ак...

Троица на скамье напряглась. Старшина Дэнк снял часы с браслетом и спрятал их в карман. Ротный встал.

-Та-а-ак...- вновь протянул он. - Значит, надоели тебе командиры...

Фёдор понял, что сейчас его будут бить. Сердце нехорошо заныло, смятение наполнило руки-ноги тяжестью.

-А случись война, ты нам в спины стрелять будешь!? - накалялся капитан. - А, военный?

Истуканы на скамье дружно кивнули головами, три чёрных околыша на фуражках траурно мотнулись вверх-вниз, придавая происходящему в караулке особую значимость.

И вдруг, в диссонанс этой торжественности, ненормальное федыкино воображение, словно перевёрнутый бинокль, выдало иные масштабы и

суть происходящего; Фёдор увидел в своих командирах не суровых воинов, а просто пьяных мужиков, собравшихся по случаю отдубасить вахлака, испортившего им застолье. Впечатление было столь неожиданным, что Фёдор хмыкнул.

-Что? - не понял ротный.

-Восемь. - Ответил Фёдор.

-Что – восемь? - еще более непонимающе спросил Ковешников.

-А что – «что?» - вопросом на вопрос ответил Фёдор.

Ротный настороженно посмотрел на него, покачал головой:

-Крыша поехала...Точно недоделанный...

А Фёдора охватило восхитительное чувство свободы. Лёгкость и одновременно упругое ощущение силы пришли на смену короткому смятению. Эти пыжащиеся пьяные мужики в армейских спецурах стали вдруг не только не страшны, но даже забавны: неужели они не соображают, что не они его, а он их сейчас начнёт размазывать об стены каморки, из которой им не вырваться?

Фёдор шагнул к скамье. Зависла зловещая пауза, в течение которой капитан дозрел до понимания, что в случае возникновения драки получить от командиров фингалы этому недоделанному - будет вроде знаков боевого отличия, а командирам фингалы от солдата – вроде язв прокажённого...

-Ты чо? Очумел? - забубнил ротный. - А ну, остынь! Остынь, говорю! Всё, кончен базар! Шагай в камеру!.. Эй, караульный! Караульный, мать твою!.. Уведи этого долбо...

Фёдор вновь уснул на цементном полу камеры-одиночки. Ему ничего не снилось. Казахский аллах вызвездил небо над «губой». Спал пыльный Семипалатинск, раскинувшийся по обе стороны Иртыша среди бескрайней степи. В караульном помещении гауптвахты семнадцатого радиотехнического полка ПВО командир роты связи капитан Ковешников хватил стакан водки местного разлива, занюхал рукавом и пропитым басом высказал своим соратникам:

-Это чепе нам уже не замаять. Но стрелки перевести на правильный путь ещё можно. Значит так: мы все давно замечали, что у рядового Угарова кукушка клинит.

-Фактически, - кивнул старшина Дэнк.

-Недоделанный он и есть недоделанный, - подтвердил Укроп.

Замполит Гуршпон, ещё не пришедший в себя от только-что заглоченной лошадиной дозы водки, покивал кепкой в знак солидарности.

-Я иду к Папе, - подбил итоги ротный. – Гуршпон, буди начмеда, рисуй ему обстановку. Кропачев и Дэнк – технические детали. Всё. Приступили.

Утром Федьку разбудил знакомый голос:

-Кончай ночевать!

В дверях камеры стоял Генка Шестопапов с «калашом» на плече.

-Сколько времени? - зевнул Федька.

-Солнце вышло из-за ели, время ..., а мы не ели. Девять уже! Давай, в сортир и назад.

Вышли на обнесённую колючкой площадку перед «губой».

Здесь был весь штатный соцукультбыт: сортир у забора, умывальник, сделанный из подвесного топливного бака истребителя СУ-7-Б, помост с ржавой штангой, турник и грубо намалёванные плакаты с изображениями советских воинов: яркая, без морщин, форма, румяные перекормленные лица с бессмысленными глазами, и литые сапожищи на суперногах...

Растрёпанный Федька, которого перед водворением на губу переодели в рваную подменку, выглядел на фоне рисованных молодцев бичом магаданским.

Он окропил угол сортира, поплескался под жидкими струями из умывальника, обернулся к Генке:

-Пошевелюсь с железякой?

-Валяй.

Арестант нацепил на гриф все наличные стальные блины, напыжился, страшно хрюкнул и рывком поднял снаряд на грудь. Стоял, сосредоточивался для поднятия веса на вытянутые руки. Напрягся, и...

-Смотри, не обмарайся, - сварливо проворчал Генка.

Федька выронил снаряд. Грохот железа и помоста разнёсся на всю округу, с помойки за столовой к облакам взвились тучи ворон.

-Спугнул, гад... - подсадовал Федька, - а я хотел установить рекорд мира и окрестностей.

-Назло буржуазной Европе?

С внешней стороны к колючке подкатил «уазик» с красными крестами на фюзеляже, из него шариком выкатился начальник медслужбы майор Полухин.

-Военный! - крикнул майор непонятно кому, но Генка понял, поднялся с чурки и подошёл к ограждению.

-Зови начальника караула! – потребовал майор. - Забираю у вас вон того стрелка-радиста! - кивнул он в сторону Федьки.

Через несколько минут Федька трясся в «уазе» к казарме роты связи.

-Сменишь свою рвань на нормальную форму! –инструктировал майор Полухин. - Две минуты на сборы! И едем дальше!

-Куда?

-Тащить кобылу из пруда. Выполняй.

Пока Федька передевался в каптёрке из ремков в новое хебе, пожертвованное старшиной Дэнком «на общее благо», набежали приятели, заквахтали:

-Упекут тебя эти козлы, Федька!.. Не ссы, больше дисбата не дадут!...Надо было завалить Укропа, не зря страдал бы!..

Майор не сообщил, куда едут. Уаз проскочил шалманы левобережья, перепрыгнул колдобины моста через Иртыш, понёсся дальше...

Остановились у психиатрической больницы. Полухин оставил Федьку в коридоре, сам шмыгнул в какую-то дверь и надолго затаился за ней. Когда вышел, кивнул солдату:

-Заходи.

Хозяин кабинета, главный врач психбольницы, был краток и неувертлив:

-Рассказали мне про ваши похождения. Теперь хочу послушать вас. Рассказывайте, что случилось.

Фёдор рассказал. Психиатр усмехнулся и долго молчал, разглядывая посетителя.

-История...- вздохнул он. - Можно, конечно, написать диагноз, по которому вас освободят от всего. Но это скажется на вашей дальнейшей жизни, ведь вам ещё учиться, работать...

Снова умолк.

-Идите пока, - нарушил паузу врач. - И пусть снова зайдет майор.

О чём толковали два врача, Фёдор так и не узнал никогда. Полухин вышел с непроницаемым лицом, приказав следовать за ним и привёз Угарова... в свою санчасть, расположенную на полпути между казармами и приёмным радиоцентром.

К удивлению Фёдора, его переодели и уложили на белые простыни. И он мгновенно уснул, компенсируя недосыпы проклятого прошлого. Сосед по палате, авиамеханик Вовка Рязанов, еле разбудил его к ужину:

-Ну, ты дрыхнуть! Днём к обеду всей палатой тормозили тебя: ни гу-гу.

Сейчас тоже кагалом тормозили: только мычал! Все ушли. Шевелись, пока не прокинули на пайку!

Получумелый Фёдор поплёлся вслед за Вовкой в столовую. Там за длиннейшим столом уже собралось всё немногочисленное население санчасти: двадцать одна душа из разных полков одной дивизии.

Верховодил тощий дембель из авиаполка. Фёдор знал его: у этого парня был фантастически прекрасный голос и на гарнизонных концертах его сольные номера до нервных мурашек пробирали задубелые шкуры советских воинов. Не верилось, что в зачуханной казарме могут проявляться такие таланты.

Теперь этот гений вокала по-дембельски лихо делил масло, лежащее перед ним на блюде бесформенным комом. По норме, больным полагалась удвоенная пайка масла – сорок граммов «на рыло». Дембель-вокалист оковырял ножом двадцать маслянных заусенцев не более одного грамма каждый и расположил их по окружности блюда – это были недембельские пайки. Оставшийся после такой делёжки огромный кус масла дембель переложил на свою тарелку. А блюдо с заусенцами выдвинул на середину стола и весело распорядился:

-Налетай!

Едоки разобрали крохи. Всё было по законам советского воинства: никто не мог сказать, что ему не дали масла – это было бы ложью.

Фёдор поднялся, обошёл стол, вилкой снял с блюда полагающийся ему заусенец и соскобил его на тарелку дембеля. Затем насадил на ту же вилку дембельскую глыбу масла и вернулся с трофеем на свое место.

Воинство перестало жевать. Фёдор под ошеломлёнными взглядами порезал масло ножом на двадцать примерно равных доз, взял одну и стал размазывать её по куску хлеба.

-Берите, что смотрите, - кивнул он застолью.

Дембель пришёл в себя и встал.

-Ты, коз-зёл! - тихо начал он. - Салабон!.. На дембеля!?! - его дивный голос взвивался всё выше и выше, пока не перешёл на визг, - Пидор!.. Да я!.. Тебя!.. Да ты живым отсюда не выползешь!.. Да тебя, всем хором!.. сегодня же!..

Воинство безмолствовало. Только двое авиастариков покивали в знак согласия с почётным соратником. Солист проорался и твёрдо пообещал устроить расправу над вольнодумцем не позднее сегодняшнего вечера.

Ужин продолжился. Отнятый Фёдором у дембеля кус масла размазали по краяхам хлеба. Вовка Рязанов громко сказал:

-Если такой кус одному разом схавать, жопа слипнется!

Дембель насторожился.

-Точно, - согласился Витёк Катомочкин. - Слипнется так, что хором раздирать придётся...

Он повернулся к дембелю и сострадательно попенял:

-Ты б поберёг себя, корешок. Излишество вредит. Не приведи господь!.. У нас в деревне, когда корова клевером обожрётся, её кольями гоняют, пока не пронесёт. Иначе – гибель. Жаль, конечно, скотину. Но приходится воспитывать и дубьём, коль человеческого языка не понимает.

Дембель побледнел. Его соратники тоже.

-Ну, что, военные, поможем ближнему?

-Какой базар! – воодушевились едоки, - сразу после ужина и начнём!..

Разборка не вышла: после ужина вокалист исчез, его соратники примолкли.

Вечер не принёс свежести. Жара поутихла, но кирпичное здание санчасти, раскалённое за день неутомимым казахским солнцем, продолжало источать тепло, как перегретая русская печь. Больные расселись перед входом на брошенных тут строителями бетонных блоках, покуривали. Витька Катомочкин размотал бинт на ноге, пошевелил коричневой от йода ступнёй.

-Вот же мудак, - сказал он, - не мог промахнуться.

-Кто? - спросил Славка Титиевский.

-Пахом!

-А-а...

Пахом прострелил Витьке ступню из пистолета при обстоятельствах, о которых позднее ничего не могли сообщить ни стрелок, ни жертва. Дознателям они смогли изложить лишь начало действия: как взяли первую бутылку «москванын», потом вторую, третью...

Сколько всего было «москванынов», воины не помнили. Они не помнили и того, как один оказался в санчасти, а другой на «губе».

-Херово сейчас Пахому, - посочувствовал Витька.

Он замотал ногу бинтом и, приседая на одну сторону, проковылял туда-сюда.

-Дырявил бы уж обе, - подосадовал он, - походка б ровная была.

На пыльной дороге образовалась Тома Геббельс – дебильная деваха лет четырнадцати, выглядевшая на пару пятилеток старше: крупная, дебелая, с невероятными бёдрами и задницей. Она была боса и почти трезва.

-Тома! - заблажил Вовка Рязанов. - Вали к нам!

Тома остановилась, с открытым ртом уставилась большими добрыми глазами на пареньков, заулыбалась.

-К летунам иду! - доложила она.

-Зачем? Мы-то уже вот они! - возразил Вовка. - Айда на чердак! Там матрасов куча!

-Сколько вас? - улыбалась Тома.

-Все перед тобой!

Тома стала считать «штыки», тыча пальцем в их сторону:

-Раз! Два! Три!..

Досчитала до десяти и покачала кудрявой головой:

-Мало. У летунов в караулке больше.

-Так тут не все! - заверил Вовка. - Вон ещё пять харь на крыше загорают! Да в палатах!..

-Не! - хранила верность избранникам Тома. - Я летунам обещала.

-Потом им дашь!

-Не! У них шоколадки есть!

И она продолжила путь, напевая что-то сама себе.

Хворое воинство заскучало. Со стороны военного городка показалась толпа.

-Ночная смена на приёмный ползёт, - смекнул Витька.

Через малое время можно было разглядеть лица шествующих. Впереди ковылял босиком Ванька Аминяков, он же Купа Гениальный, нёс кирзачи на палке. За ним плёлся Лёха Сизиков. Сзади них растянулась цепочка бойцов невидимого фронта, каждый из которых шёл сам по себе вне дороги: так получалось менее пыльно. Орава приблизилась к санчасти, остановилась на привал. Федьку обступили.

-Ну, чо? - спросил Купа.

-Ничо.

- Ну и лежи, - подбодрил Вовка Олейник. - Я б тоже не прочь на недельку тут поселиться.

-Стрельни в Укропа, - посоветовал Лёха.

-Неметкий, промахнусь.

Радиоорава двинулась дальше, к маячившему неподалеку радиоцентру.

-Я зайду попозже, - пообещал Купа, - надо обкашлять одно дельце...

Он появился в санчасти в сумерках. Вызвал из палаты в вестибюль Федьку, заговорщицки бормотнул:

- Где тут поукромней?

Сели на лавку у окна. Купа вынул из-за пазухи бутылку водки, свернул ей голову и протянул визави:

-Тяни.

Фёдор осадил уровень на четверть. Купа повторил трюк.

-Слушай, - зашептал Купа, - тут у меня кукен-квакен подкрался...

-Что случилось?

-Ночью, когда тебя повязали, мы с Вовкой Олейником пошли за водкой в кабак. Взяли. Идём назад. А у вокзала – патруль! Вовка – в кусты, а я за столбом спрятался, и влип. Взяли.

-Ну и что такого?

-Дык я ушёл.

-Тем более.

-Дык бутылка-то разбил.

-Ну и чо?

-Через плечо! - осерчал Ванька. - Об майора разбил!

Воины помолчали, переживая драматизм происшедшего.

-Пока майор очухивался, я ноги сделал, - вздохнул Ванька.

-Тем более!

-Тундра! Сегодня утром тот майор со своими орёликами в нашей части были, на опознании. Батальон смотрели. Сам Папа их водил вдоль строя. Завтра роту обслуживания смотреть будут. А за ними – нас?

-Темно ж было, - усомнился Фёдор, - что они запомнить могли?

-Фонари горели. Опять же, отпечатки пальцев на осколках бутылочных остались...

-Кто бы их смотрел.

Кто их знает. Как бы не загреметь вслед за тобой.

Приятель смолкли. Допили водку. Со стены за ними вёл неусыпное наблюдение плакатный человек с обнажёнными внутренностями, сквозь которые от рта к заднему проходу схематичными стрелками были показаны этапы большого пути превращения пищи...

-Занываться бы где-то на время, - сказал Купа.

На противоположной стене советский воин при помощи палки и верёвки деловито передавливал кровавую ногу другому советскому воину; оба они были в противогазах, отчего смахивали на чудовищ.

-В санчасть занываться, - осенился Фёдор, в котором водка разбудила обычно дремлющую сообразительность.

Гениальный с укоризной глянул на приятеля. Румяный здоровяк Купа Купыч никогда не пользовался доверием медиков, и за полтора года службы так и не изловчился закосить ни одну болячку.

-В войсках дизентерия бродит, - пояснил Фёдка. - Съешь слабительное и все дела...

-Не возьмёт, - опечалился Купа, - я в столовке вместо обеда тазик грязных огурцов без соли сожрал и кружкой растительного масла запил.

-И что?

-Ничего. До сих пор, как видишь. Может к утру пронесёт...

Расстались. Наутро смена радистов ковыляла мимо санчасти назад в казарму. Купа отстал от оравы, вновь зашел к Фёдору.

-Ну, как? - спросил тот.

-Глухо, - вздохнул Купа. - Солярки хватить, что ли.

Они перебрали несколько вариантов неотложного устранения Ваньки от близящегося знакомства со злосчастным майором, но ничего толкового не вырисовывалось.

Помощь пришла сама в образе телефониста Ванды: воин-дизентерийщик после курса лечения следовал по длинному коридору от изолятора в направлении врачебного кабинета. Он увидел друзей и радостно заулыбался, но те пресекли неуместный оптимизм, с ходу атаковали вопросами: «что делать?» и «с чего начать?»

Ванда мигом усёк суть и тут же выдал единственно верный ответ на мучительные вопросы бытия:

-Ты, Купа, шагай к врачу, излагай свои поносные домыслы. И он сразу пошлёт тебя в сортир, чтоб ты делом подтвердил свою дизентерию.

-Нечем подтверждать! - скорбил Купа. - Кайлом крушить можно!

-Отупел ты возле своих дизелей, - укорил Ванда. – Тебе сказано: дуй к врачу! А я в это время наворочу тебе такую пробу!..

-А-а, - дошло до Ваньки. – Полетел!

Через полчаса рядовой Аминяков Иван Алексеевич был водворен в изолятор медсанчасти с диагнозом «дизентерия» и мог общаться с внешним миром только через форточку, в которую его голова не пролазила.

Фёдор Угаров за дни пребывания в санчасти отоспался и загорел, словно на черноморском курорте сезон отбыл. Чем дольше он отлёживался, тем мрачнее прогнозы выдавали приятели, шмыгающие мимо санчасти туда-сюда между казармой и приёмным.

-Капитальную поганку тебе готовят, - вещал Вовка Олейник.-Не меньше дисбата!

-Труба делам, - вторил Лёха Сизиков. - Не зря тебя на психу возили. Это к трибуналу. Значит скоро в камеру...

Две ночи подряд после их прогнозов Фёдор видел один и тот же сон. Он стоял на крутом береговом откосе у огромной реки и пытался выкарабкаться наверх. Но его сносило вниз, в быстро несущийся мрачный поток: река была жутко-свинцового цвета и текла страшно молча, немо, безжизненно. Голая река между голых берегов, без малейших признаков жизни. И в эту реку Фёдор упал-таки. Мёртвая вода приняла его как ничто и понесла в себе в никуда. Фёдор пытался выгрести к берегу, но неумолимый поток нёс и нёс его всё дальше и дальше от берега, при этом другой берег не приближался, а отдалялся, и река становилась всё шире скорость течения нарастала. Фёдор понял, что ему не выгрести, что его уже нет, он списан со счетов бытия и обречён. Но грёб и грёб к берегу, чувствуя под собой уже не речную глубину, но бездну бездонную с мёртвой водой. И ужас леденящий охватил обреченную душу, она застонала. Фёдор невероятным усилием воли заставил её замолчать, продолжал бороться с потоком, и вдруг медленно стал приближаться к стремительно летящему мимо него берегу. Схватился за какую-то осклизлую кочку!.. Она вырывалась из рук, но руки вцепились в неё мёртво, они тащили и тащили обессиленное водой туловище из потока, и вот уже до пояса Фёдор выбрался на жутко крутой и скользкий голый берег. Вода тянула ноги вниз, но по мере выплзания из воды наливались силой освобождённые из мёртвой воды части тела, Фёдор полз и полз вверх по круче. Он еще не был спасён, но он уже не был обречён. Надо было только не делать резких движений, чтобы снова не сорваться вниз. Вверху была жизнь. Внизу – гибель. Посередине – выживание. Фёдор отдышался и осторожно пополз вверх...

Он проснулся с сердцебиением и одышкой, усталость была такая, будто и вправду всё произошло наяву. Долго лежал, пытаясь не думать о зловещем сне, но тот упорно не уходил из памяти.

А на другую ночь приснилось то же самое. Фёдор даже во сне понимал, что всё это он уже видел, протестовал против повтора, но неведомая сила неумолимо тащила его в тот же мёртвый поток, немо несущийся меж голых мёртвых берегов.

Он снова лежал в ночи с открытыми глазами и устало думал о том, о чём думал всегда, сколько себя помнил: зачем он в этом мире, если в этом мире его места нет, а есть места чужие, ему ненужные и неинтересные.

Предсказания доброжелателей не сбылись: в камеру Фёдора не отправили. В середине июня начмед Полухин объявил стрелку-радисту:

-На тебя пришёл вызов из новосибирского госпиталя. Собирайся, поедешь туда, ты теперь не наш клиент.

В его голосе чувствовалось облегчение, будто больной зуб вырвали.

-Зачем в госпиталь? - задал глупый вопрос Фёдор.

-Затем, что приходится другим расхлёбывать кашу, которую ты заварил. Лежать будешь, если не хочешь сидеть. Ясно?

-Яволь, герр майор!

-Что-о-о!? - округлил глаза Полухин.

-Ясно. - Протокольно буркнул воин.

Ехал Федька не один: его сопровождал до Новосибирска сержант Мишка Колосов, назначенный «для надзора за психически больным рядовым Угаровым». На вокзале сослуживцы «раздавили» пару пузырей «настойки рябины черноплодной», еще четыре взяли с собой «на ход ноги», и, не оформляя билетов, вломились в общий вагон проходящего с юга на север первого попавшегося поезда.

-Куда прёте!? - пытался воспрепятствовать экспансии пузатый проводник.

Боевой сержант выхватил из кармана бутылку настойки, замахнулся и рывкнул:

-Ложись!

Проводник отпрянул. Воины взяли вагон, Мишка крикнул в сторону тамбура:

-Слышь, чуркестан! Стаканы – живо! - и попенял сокрушённо, - оборзел личный

состав, никакого почтения к старикам!

Он отвернул головы двум очередным бутылкам, чокнул их одну о другую:

-Со свиданьем!

По мере приближения к бутылочным донышкам жизнь становилась всё прекраснее. За Семипалатинском на песчаных холмах промельтешили рукотворные сосновые рожицы, снова потянулись поля. Пролетел полустанок с облезлым верблюдом и ободраным бараклом. Локомотив гуднул и надал, словно старался поскорее проскочить это унылое место.

Перед Рубцовском осушили тару. Мишка объявил немногочисленному окружению, что Казахстан кончился вместе с настойкой, началась Россия, пора переходить на водку...

К Барнаулу силы покинули воинов и они пали на голые полки.

Новосибирский окружной военный госпиталь № 333 был главным медучреждением Сибирского военного округа, простиравшегося от советско-китайской границы на юге до Ледовитого океана на севере, и от Урала на западе до Чукотки на востоке. Фёдор ужаснулся масштабам заведения: в его дебрях можно было положить дивизию.

В шестикоечной палате номер семь урологического отделения с водворением туда рядового Угарова образовался полный комплект болящих. Фёдор лёг поверх одеяла на свою койку и задумался. С соседней койки его окликнул рыжий человек:

-Слышь, кореш?

Фёдор меланхолично посмотрел на вопросителя.

-Гнилой народ тут, - пожаловался тот. - Выпить не с кем. Как ты к этому делу?

Фёдор пожал плечами. Рыжий расценил жест как знак понимания и солидарности: достал из тумбочки графин с чернилами и две мензурки.

-За мной, - кивнул Фёдору. - Тут нельзя, хай поднимут...

По пожарной лестнице они вознеслись на чердак, уселись на бревнах и рыжий налил в склянки чернил.

-Что за пойло? - поинтересовался Фёдор.

-Денатурат.

-Разве его пьют?

-А ты совсем зелёный...- понимающе покачал головой рыжий воин и залпом выпил дозу. Содрогнулся и сипло доложил, - будем знакомы: Мишель!

-Фердинанд, - в тон ему представился Фёдор.

-Ух, ты!.. - просипел Мишель.

В пыльной духоте чердака два советских воина степенно осадили графин денатурата до половины и пришли к полному взаимопониманию и доверительности. Мишель изложил диспозицию:

-В палате пять рыл, из них настоящий больной один – Серёга Семенихин: корчится от болячки в мочевом пузыре. Остальные – косят под больных, по обстоятельствам сюда залетели. Шура Кашин в подпитии въехал на танке в штаб полка, теперь спасается тут от дисбата. Стройбатовец Витька Загородский поставил на уши свой самосвал, сам цел, сидевший рядом ротный всмятку, Витьке ничего не оставалось, как сюда тикать...Авиамеханик Жора Кайдалов стукнул гаечным ключом по голове инженера полка...

Сам Мишка Корнев пропил две переносных радиостанции Р-109, на чём и погорел.

-Энурез косим, - уточнил Мишка, - ночное недержание мочи. Ссыкуны по-русски! В армию их брать не положено, а взяли, дык комиссовать надо.

Приняли ещё.

-А ты с чем? – спросил Мишка.

-Понятия не имею, - пожал плечами Фёдор.

-На чём залетел?

-По взводному стрельнул.

-Поздравляю!

-Служу Советскому Союзу!

-Считай, отслужил. – Заверил Мишка. - Теперь вся надежда на энурез. Верное дело! Ни доказать, ни опровергнуть, как говорит наш уролог Требко! - Он поднял мензурку. - За энурез!

Ночью проинструктированный сопалатниками Фёдор плеснул в каждую постель воды из графина, не забыл и себя. Лёг на край постели мимо лужи и заснул. Под утро дежурная медсестра деловито обошла отделение, заглянула к «мокрушникам», проверила, кто обмочился и сделала соответствующую отметку в журнале.

На утреннем обходе начальник урологического отделения полковник медицинской службы Требко отворил дверь палаты номер семь и зычно изрёк:

-Здравствуйте, товарищи симулянты!

-Здр жл трщ пквник, - неохотно отозвался один Мишель.

Медсестра сунула урологу журнал, тот полистал, заметил:

-Мда. Льётся из вас. Ну, что ж, лечить будем. Трудотерапией – лучшее средство от энуреза, смею вас заверить... Загородский!

-Я... - уныло протянул Виталька.

-На картошку! Шагай к сестре-хозяйке, она обмундирует тебя для овощехранилища...Кайдалов!

-Ну, - прохрипел недовольно Жора.

-Баранку загну. На уголь... Кашин!

-Ну! - отозвался Шурик.

-К сантехникам траншею копать.

-Корнев!

-Я! - вякнул Мишка.

- В траншею.

Требко обвёл палату суровым взглядом, ободряюще кивнул корчащемуся в муках Сергею Семенихину:

- Сейчас тебя на рентген повезут.

Он как на пустое место посмотрел на Фёдора Угарова, поразмышлял вслух:

-А куда тебя деть сегодня, и не соображу...Ладно, отдыхай пока, подумаем, на какие подвиги тебя кинуть.

-И-и-и есь, трщ командир! - непроизвольно вырвалось у Федьки ответствие, вынесенное им из традиций роты связи: нарочито гнусавым, дебильным тоном там принято было отзываться на командирские остроумия.

Требко пристально посмотрел на солдата, отечески сообщил:

-Сейчас, дружок, мы тебе эндоскопию сделаем. Зайди-ка через полчаса в процедурный кабинет.

Через полчаса голый рядовой Угаров был надёжно прикован к специальному станку: лежащее на спине туловище могучим ремнём прижато к ложу, поднятые вперёд и вверх ноги разведены в стороны и зажаты в стальных ухватах, руки заблокированы в каких-то проушинах...

Для чего всё это, неискушённый Угаров не понимал.

-Сейчас укольчик сделаем...- умильно ворковал Требко, - введём контрастное вещество!.. Та-а-ак...- и он воткнул в вену пациента громадную иглу.

-О-о-о!!!.. - взвыл Фёдор.

-Что за мужик! Потерпеть не можешь? - ворковал уролог, - а это только цветочки. Сейчас ягодки будут...

Требко сел на рослый табурет промеж растопыренных ног солдатика, в левую руку взял его съёжившийся от ужаса половой член и...вонзил в его отверстие стальную кочергу с мизинец толщиной.

Боец взревел, как насаженный на рогатину медведь.

-Нестойкий воин, несто-о-о-йкий...- ворковал врач, прикинув правым глазом к окуляру на внешнем конце воткнутого в солдата эндоскопа, при

этом деловито вращал прибор, - та-а-к, что мы в тебе видим...а ничего мы в тебе не видим, здоровый мочевого пузырь и никакого энуреза...Нехорошо, брат, поступаешь, нехорошо...ну, да бог тебе судия...

-А-а-а!!!.. - Ревел Фёдор и тщетно бился в силках. - Убери!...Вынь, гад!.. О-о-о, б..! Убью!!!...Палач!..

Когда наконец уролог отвязал его от пыточного станка, вместо убиения врача-палача воин нараскоряку засеменял вон, ввалился в сортир и стал неудержимо мочиться ...чернилами. Резь в «канале ствола» при этом была такая, что из очей текли слёзы...

На очередном обходе полковник Требко заявил:

-Угаров, хватит валяться на койке! Сейчас отведу тебя в операционную, будешь помогать там, на подхвате, санитарить, вобщем... Трудотерапия, трудотерапия и ещё раз трудотерапия!

-Как говорил товарищ Ленин. - Буркнул Фёдор.

-Как говорю я. - Бетонно глянул на солдата уролог. - А таким умникам, как ты, лучше не выступать. Скажи спасибо, что ты здесь, а не там, куда Макар телят не гоняет. За мной! Переоденешься и – работать!

Облачённый в белую хирургическую одежду, замордованный марлевой повязкой, Фёдор вступил в неведомый ему мир человеческой изнанки. В двух просторных залах огромной операционной, разделённых предоперационным помещением, на четырёх столах одновременно четыре хирургических бригады копошились во внутреннем содержании четырёх советских воинов. Фёдор вытаращив глаза понаблюдал, как из окровавленной ноги какого-то бедолаги с помощью длинной проволоки чулком выдрали варикозную вену, и стал бледнеть.

-Это с непривычки, - заметил наблюдательный Требко. - Пройдёт. Смотри! Осваивайся!

Фёдор кивнул и тут же стал заваливаться, как подгнивший столб.

-Стоять! - Шикнул уролог и удержал солдатика от падения. - Стоять!

Окружающая среда перестала плыть перед Фёдором и он утвердился в вертикальном положении.

-А-а-а-а-а!!!.. - страшно закричал пациент со второго стола.

-Аппендикс удаляют под местной анестезией, - пояснил Требко. - Подходи ближе, смотри, привыкай.

-Потом...потом... - забормотал Фёдор. - Потом, трц полковник...

-Зови меня Андреем Ивановичем, мы не на параде, - проворчал уролог. - А потом, это суп с котом. Работать сейчас надо, а не потом. Смотри, девчонки-медсёстры работают как, а они вдвоём меньше тебя одного.

Две девицы в белом деловито сновали от стола к столу, как заведённые.

-Здесь нечего бояться, - сказал Требко. - Здесь спасают, а не губят. Бояться надо вас, оборотов...

Фёдор твёрдо знал, что он сбежит сейчас отсюда безвозвратно, только улучит подходящий момент. Это укрепило его дух и он уже с обузданным ужасом смотрел, как на третьем столе слесарной ножовкой отпиливали кому-то руку, а за четвёртым хирург-рукодельник махал

молотком, выдалбливая что-то долотом в безмолвном теле привязанного к столу человека...

Не хотелось верить, что всё это наяву. Будничные реплики персонала, спокойное поведение казались кощунственными перед растерзанной плотью человеческой и её страданиями, среди кровищи...

Фёдору снова стало плохо.

Сбежать ему не позволило недомогание. Он долго сидел на стуле в предоперационной, боялся глянуть в распахнутые двери и снова увидеть жуткую обыденность госпитальной жизни. Подошла медсестра и попросила сходить с ней в автоклавную, помочь принести ещё несколько бикс со стерильным материалом. Фёдор поднялся и деревянными ногами завывал вслед за девушкой, на ходу пытаясь сообразить, что такое автоклавная и биксы. Автоклавная оказалась помещением, где в огромных ёмкостях пропаривалось бельё, а биксы – ведёрными жестянками, в которых стерильное бельё доставлялось в операционную. Фёдор поднял громадную охапку этих жестянок и поволок. Потом неуместно привлекательная медсестра, с роскошными формами медсестра Люба повела его в хирургическое отделение, где Фёдору пришлось поднять с койки на руки лежащего больного, затем возложить его на каталку.

Покатили в операционную. Фёдор переложил страдальца с каталки на операционный стол, и тут же его снова «запрягли»: надо было снять со стола другого больного и увезти в отделение. Когда вернулся, его определили мыть использованные комплекты хирургических инструментов, потом их надо было кипятить в стерилизаторе, потом отмывать от крови освободившийся операционный стол – всё это было ужасно, Фёдор долго боялся прикоснуться к окровавленным предметам, подступала дурнота, но бессердечный Требко, как сыч следил за его действиями и шпынял, шпынял, шпынял...

Не будь рядом молоденьких медсестриц, Фёдор давно бы послал Требко подальше и свалил с этой живодёрни. А коварный уролог явно понимал Фёдку, как облупленного, и упивался его смятением:

-Ты, Угаров, ещё молодцом держишься! Всего лишь до обмороков доходишь! А перед тобой тут один такой же трудотерапевец увидел кровь и обмочился! Энурез-то у него настоящий оказался! Не то что у некоторых! Представляешь? А?

Фёдор готов был убить разговорчивого полковничка. Но всего лишь краснел и старался не глядеть на Любу. Хотя глаза норовили сами всякий раз поворачиваться в сторону девушки. А ясновидец Требко, оказывается, и это заметил, и немедленно придал пытке особо изощрённые формы:

-Вот, Люба, смотри, какие мужчины пошли нынче! Ни родину защитить, ни раненого товарища обиходить: крови они, видите ли боятся! Эх, защитнички... Ты, Любынька, с солдатами не связывайся, ищи настоящего мужчину!..

Операционный день оказался бесконечным. Только к ночи закончились плановые операции, хирурги «размылись», разбрелись. Медсестрицы Люба и Надя остались приводить в порядок комплекты инструментов. Фёдор, переменяя себя, замывал кровищу, которой были залиты столы, пол, оборудование. Глубокой ночью пробрался в свою

палату и долго лежал с открытыми глазами. А когда уснул, пришли кошмары...

Следующий день был обычным. Фёдора позвали в операционную ближе к обеду, когда поступил экстренный больной: солдатик с «аппендицитом». Потом было затишье часа на три, затем стали поступать воины с увечьями, как с поля боя, хотя время было мирное.

И другой день выдался таким же.

Потом снова был день плановых операций и работа в операционной пошла с утра сплошным потоком. Слегка уже «обстрелянный» Фёдор порхал туда-сюда, выполняя поручения персонала.

-Ты у нас как Фигаро, - пошутила Люба. - Зачем тут санитарки, когда есть ты.

-А где санитарки? - не понял юмора Фёдор. - В отпусках?

-В отпусках, - засмеялась Люба. - Разбежались, до сих пор собрать не можем. Какой дурак за семьдесят рэ на эту каторгу добровольно пойдёт?

-А-а-а... - дошло до тугодумного Фёдора.

Сам он свою нынешнюю работу не воспринимал как каторгу. Его как подменили: всегда словно заторможенный, полусонный рядовой Угаров по кличке Недоделанный, обнаружил вдруг ловкость, сноровку и расторопность, наличие которых в нём не подозревал никто и никогда, в том числе и он сам. И когда хирурги сдержанно хвалили его за усердие, он настораживался: шутят? Сколько он себя помнил, он всегда делал не то и не так. В родительском доме за бестолковость он был всё детство зван Тюфяком. В школе долго пытались втемяшить в его «бестолковку» простейшие понятия, но безуспешно: в четвёртом классе его официально признали умственно отсталым и перевели обратно в третий класс с тем, чтобы следом оформить в спецшколу для дебилов. Но что-то у педагогов не задалось с оформлением и Федьку дотащили за «волосья» сквозь второгодничества и «осенние задания» до выпускного класса и вытолкали с облегчением вон. Чтоб в Красной Армии ему с ходу присвоили звание Недоделанного. А из Красной Армии чтоб выгнали в госпиталь...

Скоро Фёдору стало казаться, будто он был здесь всегда. Он и не вспоминал красноармейство, словно оно стёрлось из памяти. А если вспоминал, то со смутным недоумением: зачем ему та служба и зачем он ей?

Здесь было всё иначе. Фёдор каким-то чутьём угадывал, чего от него ждут, с полупамёка усекал суть. Да и не было у врачей и сестёр времени долго разъяснять что-либо в атмосфере напряжённой работы.

Здесь Фёдоу нравилось всё.

И ещё здесь была Люба. Голова Фёдора, как подсолнух за светилом, самопроизвольно норовила повернуться туда, где в данный момент находилась Люба. Её ладная маленькая фигурка была столь притягательной, что Фёдор ничего не мог с собой поделать...

На этот раз Фёдор и не заметил, как день на вторую половину повернул. И про обед не вспомнил. В столовую ринулся, когда там заканчивалась уборка. Возник в раздаточном проёме, как персонаж собственных кошмаров:

-Дайте чего-нибудь укусить!

«Поварёшки» оглянулись на крик, лица их как по команде окаменели.
-Иди!.. Иди отсюда!.. - нестройным хором загалдели они. - Пошёл вон! Ужас!..

-Хоть хлеба киньте! - вякнул Фёдор.

Пожилая поломойка махнула в его сторону тряпкой:

-Ты на кого похож, чучело!? Ты в крови купался, что лы!? Зявился, страшилище! Изыди! Осподи, спаси и сохрани... Чистый вурдалак!

Фёдор не замечал, что весь он, с ног до головы, был в ошмётках засохшей крови, в крови по локти были торчащие из распашонки руки, и сама окровавленная распашонка присохла к животу и топорщилась ломанными складками. Даже лицо с марлевой повязкой было залито свежей кровью: окатило из почки оперируемого больного, когда сунулся невовремя к столу...

-Операционный день же... - растерянно сказал он. - Дали б чо-нибудь...

-Сколько вас там? - спросила сдобная, как торт, повариха.

-Четыре бригады, по четыре человека... Вы б кинули, что осталось, без разбору...

Повара накидали в мятую алюминиевую кастрюлю остатки артельной трапезы: кашу, котлеты, рыбу, картошку, оладьи...

-Плесните сверху чем-нибудь, чтоб не подавились, - попросил Фёдор.

Повариха вылила в кастрюлю остатки щей.

-Пойдёт?

-Ещё как! - Заверил Фёдор.

-Ну, и чеши отсюда! Не пугай!

Фёдор воткнул в кастрюлю несколько ложек-вилок и понёсся назад, на ходу бросая куски еды в рот, как паровозный кочегар уголь в топку.

Оголодавших врачей он поочерёдно кормил в предоперационной методом тыка: стерильным зажимом поднимал марлевые повязки на их ликах и совал ложку с едой. Жевали, стоя с поднятыми руками. Затем Фёдор поил их водой по потребности.

-Молодец ты, Федя, - похвалил главный хирург госпиталя полковник Гринёв. - С тобой не пропадёшь. Ещё б закурить, и можно ещё столько же пластаться.

Некурящий Фёдор взял с подоконника початую пачку беломора, раскурил папиросу, укрепил её в длинном зажиме и сунул мундштук под приподнятую повязку на лице Гринёва. Тот жадно затянулся. И ещё. И ещё...

А пациентов не убывало. У первого стола молодой хирург капитан Огарь третий час подряд оперировал солдата с переломанной ключицей, и всё никак не мог соединить стальным штифтом смещённые обломки.

На втором столе Фёдор увидел соседа по палате Серёгу Семенихина. Тот тоже узнал Фёдора и попытался улыбнуться, но вместо улыбки вышла гримасса. Лицо его дрожало, пот и слёзы одновременно катились по нему. Облачённый в хирургическую робу уролог Требко утешил страдальца:

-Потерпи, брат, сейчас уберём твою болячку. Сейчас...

Ассистировавший ему молодой хирург уже обкалывал новокаином серёгин живот, в который Требко изготовился воткнуть скальпель.

-Федя! - позвали из соседнего зала. Фёдор поспешил туда.

Медсестра Люба и врач анестезиолог безуспешно пытались переложить с каталки на стол грузного пациента. Фёдор отстранил их, подsunул под больного свои руки и поднял его. Понятливая Люба быстро выдернула из-под «груза» каталку и Фёдор опустил тело на стол.

-Тебе надо было не в войсках служить, а здесь, - сказала анестезиолог.

-Родина знает, куда бросать своих героев, - буркнул Фёдор.

Возле четвёртого операционного стола вызревал скандал. Уже уложенный на стол солдат с гангренозными ногами в последний миг взбунтовался и тоскливо завывал:

-Не дам!.. Не дам ноги резать!.. Не да-а-а-м!..

Из воспалённых глаз паренька на стерильную простынь капали слёзы. Он сидел на столе, обхватив свои страшные, сизо-чёрные ноги, покачивался и завывал:

-Не да-а-ам! Не да-а-а-м...

Рядом в растерянности стояла с поднятыми руками хирургическая бригада: ведущий хирург Гринёв, ассистирующий хирург Жданов, анестезиолог Зацепина, операционные сестры Зоя и Римма Васильевна. Гринёв устало увещевал:

-Всё, Женя, время ушло! Теперь надо или жить без ног, или умереть с ногами. Ложись, ложись, брат, надо успевать...

Солдат смолк, медленно повернул к Гринёву своё не по возрасту старое лицо с безумными глазами, какое-то время смотрел на врача, словно выискивал что-то сокровенное, не выискал и вновь зарыдал:

-Не хочу-у-у! Не хочу-у-у...

-Быстро сюда начальника госпиталя! - Распорядился Гринёв. - Фёдор! Одна нога тут, другая там!

Фёдор пулей вылетел вон.

Начальник окружного госпиталя полковник Наушкин попытался сломить сопротивление обезумевшего солдата натиском:

-Женя, ты что это?- напустился он на воющего страдальца. - А ну, ложись! Ложись! Мы договорились! На фронте ребятам еще похлеще переделки выпадали! И терпели! А Ты!? Ну что ты воешь!? Отставить! Отставить, я сказал!

-О-о-о!!!.. - страшно рычал солдат. - О-о-о!.. Не да-а-а-м...

-Приведите мать, - махнул рукой Наушкин.

Люба Усанчикова ввела в операционную мать солдата.

-Вот мать твоя, - сказал Наушкин. - Ты слышишь, Женя? Матушка твоя здесь!

Солдат перестал вить, увидел мать и оцепенел.

-Сынок! - Заплакала женщина. - Соглашайся... Соглашайся, сынок... Только живи... Соглашайся, сынок...

-Мама!.. - зарыдал и солдат. - Мама!.. Не могу!.. Не хочу!.. Мама!.. Ладно!.. Согла...

Он не договорил: анестезиолог стремительно нахлобучила ему на лицо наркозную маску. Солдат забился, силясь сорвать её, но тут Фёдор схватил его за руки и намертво зажал их в своих мощных кулаках, удивляясь нечеловеческой силе впавшего в ужас больного. А тот хватил один вдох наркоза, другой...и стал ослабевать, затем обмяк и замер.

Хирурги быстро приступили к делу. Гринёв сноровисто сделал скальпелем глубокие разрезы- «лампасы» на бедре больного, оголил берцовую кость и быстро перепилил её слесарной ножавкой. Сунул отрезанную ногу в таз и приказал Фёдору:

-Неси в кочегарку и сожги. Живо!

Фёдор помчался.

Кочегарка находилась в подвале соседнего корпуса. Возле гудящих котлов сидели два чумазных кочегара и степенно пили брагу из грязной банки. Они равнодушно проследили, как парень в окровавленной одежке сбежал по лестнице, а когда увидели, что он несёт в тазу, лица у обоих стали длинными, как у коней.

- Сжечь! - выпалил Фёдор.

Кочегары подпрыгнули с табуреток, дико поразглядывали санитаря и его ношу, переглянулись и стремглав кинулись вон из помещения. «Сам жги, козёл!» - донеслось сверху.

Фёдор отворил топку, швырнул ногу в огонь и длинной кочергой пошерудил горящий уголь.

На обратном пути залетел на минуту в душевую, смыл с себя кровящу, переоделся в чистую робу: эта уже коробилась...

Когда вернулся в операционную, подошёл ко второму столу глянуть, как там дела у Серёги Семенихина. Полковник Требко уже ковырялся в серёгином мочевом пузыре. Он пинцетом извлёк оттуда какую-то чёрную каральку с карандаш толщиной, поднял её и стал в недоумении рассматривать.

-Вас ист дас? - спросил он неведомого кого.- Никогда ничего подобного не видел...

Он развернул каральку:получилась колбаска с карандаш же длиной. Помял: проминалась.

Ассистирующий ему хирург тоже потрогал колбаску и удивлённо сказал:

-На гудрон похоже.

-Это и есть гудрон...- задумчиво произнёс Требко, уже, похоже, что-то сообразивший. Он отогнул белую шторку, отделявшую лицо больного от операционного поля, пристально всмотрелся в это лицо:

-Верно я говорю, соколик?

Серёга Семенихин молча зажмурился.

-Сержант Семенихин! - не отступался уролог.- Как в ваш мочевой пузырь попал гудрон? Можете объяснить? Или только суду всю правду расскажете?

Гвардии сержант Семенихин молча заплакал.

-Засранец, - ровным голосом сказал Требко. - Опухоль в пузыре закосил? Санрейсом с Таймыра его сюда мчали. Спасите наши души. Нам худо. Ты нас за дураков держишь? Лучше б ты яйца себе оторвал, надёжней было бы! Тогда бы уж точно комиссовали.

-И как умудрился затолкать в себя? - дивился молодой ассистент.

-Проще пареной репы, colega, - уел его Требко.- Если мы через уретру в пузырь эндоскоп проталкиваем с палец толщиной, то эту мелочь и подавно. Не учёл он только, что гудрон свернётся в спираль и заткнёт отток мочи... Ладно, пусть полежит, пошли перекурим...

Врачи вышли в предоперационную, и не особо конспирируясь, стали обсуждать, что делать с симулянт-членовредителем. Наиболее пространёнными были два варианта действий. Первый: записать в историю болезни всё как есть и предоставить трибуналу разбирательство с воином. Второй: вписать в историю некую вымышленную болячку и после излечения отослать воина дослуживать в часть... Пока врачи совещались, гвардии сержант Семенихин лежал со вспоротым животом на операционном столе, обезболивающий новокаин постепенно рассасывался тканями, в них появилась боль. С каждой минутой боль нарастала.

Сергей стал стонать. К нему никто не подходил. Он стал рычать. Боль усиливалась

лавинообразно. Сергей стал вскрикивать. Потом взвыл...

-Что, родной?- выглянул из предоперационной Требко. - Устал? Мы тоже.

Серёга долго ревел на одной ноте. Потом перешёл на вой. От соседних столов донеслись укорищенные реплики: « Лень обезболить?.. Работать мешаете!.. Дали бы наркоз!...»

Урологи вернулись к членовредителю и, как ни в чём ни бывало, стали зашивать его по живому, не спеша, тщательно защемляя ткани стальными зажимами. Серёга ревел совершенно не по-человечьи.

-Возьми салфетку, зажми ему рот! - Скомандовал Требко.

Фёдор скомкал салфетку и сунул кляп в серёгин рот. Серёга утробно зарычал, замотал головой, пытаясь освободиться от затычки, но Фёдор зажал его голову и крепко держал, не давая освободиться.

Урологи дошили пациента, удовлетворённо осмотрели дело рук своих.

-Годен без ограничений! - Сказал Требко. - Через две недели помчишься родине служить. Надеюсь, нас никогда не забудешь? А? Сержант?

Серёга плакал.

-Фёдор! - донёлся из соседнего зала голос Гринёва. - Сюда!

Фёдор поспешил к столу, где кромсали гангренозного Женьку. Тот уже очухивался от наркоза и начал стонать. Фёдор переложил его со стола на каталку и повёз калеку в реанимацию. Когда вернулся, в операционной шёл маленький рабочий скандал. Закончивший свою работу полковник Гринёв с удивлением обнаружил, что молодой хирург капитан Огарь всё еще не закончил оперировать солдата со сломанной ключицей. Он постоял, понаблюдал, как действует Огарь, и стал мрачнеть. Вполголоса дал коллеге несколько советов. Понаблюдал. Потом отстранил того от стола, взял инструмент и стал работать сам. Быстро соединил обломки кости, стал зашивать рану.

-А мне что делать?..- спросил Огарь.

-Веники вязать. - Не оборачиваясь, буркнул Гринёв. - Освободите помещение. И закройте дверь с той стороны.

Огарь оторопело посмотрел на Гринёва, покраснел и молча вышел. А навстречу ему уже вкатывали каталку с телом, замотанным в окровавленные полотенца. Дежурный врач, сопровождавший тело, доложил Гринёву:

-Самострел. Из автомата сам себя...

Когда Фёдор переключал самострела с каталки на стол, солдатик отворил очи – они резко выделялись на обескровленном лице. Он даже пытался что-то сказать, но серые губы слушались плохо, вместо слов получались невнятные междометия.

-Зачем стрелял? – спросил его ошеломлённый Фёдор.

-П-п-падруга... нап-п-п-писала... что н-н-не любит больше... - с мукой, но неожиданно внятно выговорил солдат.

По характеру ранений несложно было домыслить картину происшествия: приставил дуло автомата к груди, нажал на спуск... первая пуля прошила грудь, автомат отдачей отбросило, очередь пошла в сторону... вторая пуля прошила хилый бицепс, третья – кисть...

Два прострела в руке солдата Гринёв зашил, как зашивают дырки в телогрейке: несколькими стежками. Рана в груди была сложнее. Пуля вошла под левый сосок, и, оставив на входе аккуратную дырочку калибром 7,62 мм, вышла под лопаткой, оставив дыру более пятака. Гринёв сделал огромный разрез от отверстия до остверстия, фактически развалив тело наполовину, стальными струбцинами развёл рану и рёбра, и стал обрабатывать раневой канал...

-Сегодня должен появиться ещё один самострел, - шепнула Фёдору Люба Усанчикова.

-Почему?

-Всегда так бывает: появился самострел, жди второго следом.

Фёдор посмотрел сверху вниз в любини глаза: они лучились из-под марлевой повязки, как два маленьких светила неведомых галактик. Недоделанная федькина душа сомлела от нахлынувшей нежности...

В реальность его вернул окрик медсестры Нади:

-Федя! Дуй в приёмное отделение! Там обожжённого привезли! Поможешь и – сюда!

Как-то само собой разумелось использование Фёдора «на подхвате» всюду, откуда разбежались штатные санитары.

На кафельном полу приёмного покоя стояли носилки, в которых лежал чёрный человек. Только приглядевшись, можно было понять, что человек – обугленный. Противоестественным казалось, что он ещё и разговаривает:

-Звать?.. Алексей! Рублёв!.. Алексей Рублёв!.. Лет?.. Двадцать два...

Дежурная сестра записывала показания обгоревшего в журнал. Врач достал из шкапа колбу со спиртом, налил в большую мензурку граммов сто, посмотрел на то, что было Алексеем Рублёвым, добавил в мензурку ещё и разбавил водой из-под крана. Сунул склянку Фёдору:

-Пои. Как можно больше.

Фёдор опустил на колени перед носилками и осторожно стал вливать раствор меж обугленных губ пострадавшего. Тот пил. Его выжженные глаза страшно зрили в потолок и в никуда одновременно, как глаза античных скульптур. Выпил всю самопальную водку и прошептал:

-Ещё.

Врач развёл ещё спирта, протянул Фёдору:

-Пусть пьёт, сколько сможет.

Фёдор выпил Алексею и эту дозу. Тот затих, лежал, тяжело дыша. Зазвонил телефон, врач взял трубку, послушал.

-Дуй в операционную, - кивнул Фёдору.

Фёдор подался в «порт приписки».

Поток плановых больных и одновременный наплыв внеплановых смял все графики, работа шла по фронтальному режиму: первыми на стол попадали те, кто был в худшем, по сравнению с другими, положении. Привезли сверхсрочника, экстренно снятого с проходящего мимо Новосибирска поезда: прыгнувший на него с верхней полки солдат сапожищем раздавил ему печень. Привезли лейтенанта, придавленного в гараже упавшей с домкрата автомашиной. Почти одновременно с ним в операционную внесли носилки с лётчиком: при катапультировании ему сломало позвоночник. За ним привезли танкиста с полуоторванной кистью. За тем – майора-стройбатовца с раздробленной головой...

Ночью поступил еще один самострел: молоденький лейтенант с собственноручно простреленной головой. Сознания в нём уже не было, но пульс прощупывался...

Казалось, что Сибирский военный округ Союза ССР, занимающий всю территорию необъятной Сибири, ведёт широкомасштабную внутреннюю войну: бьёт своих, чтоб чужие боялись, и размах побоища таков, что местные госпитали уже не справляются с потоком раненых.

Фёдор сновал, таскал, оттаскивал, куда-то бежал по поручениям, прибегал, убегал, заскакивал в душ, мылся-переодевался, снова суетился. Счёт времени потерял.

Он мельтешил по своим незамысловатым делам, а ноги его сами выбирали такие ходы, чтобы «угол рысканья» неуклонно выводил его в точки, сопредельные с Любой: она, как магнитная аномалия, искажала все заранее заданные траектории.

Ночь упала незаметно. Поток больных и увечных оборвался вдруг, как обрывается водопроводная струя при западании клапана задвижки. Часть врачей ушла на заслуженный отдых. Часть осталась в предоперационной, пропустили по толике спирта, покуривали. Медсёстры Люба и Надя с неистребимым Фёдором заматали следы сечи.

-Федя! - окликнул санитар полковник Гринёв.

-Да.

-Ты куда после дембеля настроился?

-Домой.

-А дома чем займёшься?

-Учиться поступать куда-нибудь буду.

-Ты вот что...Мы о тебе сейчас говорили. В медицинский надо бы тебе, твоё это.

Фёдор смутился, пожал плечами.

-Ты подумай.

-Подумаю.

-Ну и лады. А мы поможем.

-Спасибо.

Глубокой ночью Фёдор и медсёстры привели операционную в божий вид. Надя тут же исчезла. Фёдор постоял за спиной у Любы, дожидаясь, пока она досчитает инструмент в очередном комплекте, и не то утвердил, не то спросил:

-Пойду.

-Иди, - не обернулась Люба.

-Пойду. - Вздохнул санитар. Но не пошёл, стоял статуей.

Люба не отвечала, что-то шепча себе. Её миловидное, лунообразное лицо с пухлыми губами источало такую безыскусственную, первозданную прелесть, что ненавистник всякой фальши рядовой Угаров снова почувствовал головокружение от прилива нежности.

-Пошёл, - бормотнул воин,- сначала в душ, потом в палату...

Люба досчитала свой счёт и вышла. Фёдор постоял, «размагнитился», вздохнул по-скотски и подался вон. Забрался в душевую и долго плескался под тёплыми струями. Потом переделся в чистую хирургическую робу – четвёртую за текущие сутки – и направился в свою палату. Но не дошёл, его догнала невесть откуда возникшая Люба и сообщила:

-Иди в приёмное отделение!

Фёдор пошёл бы сейчас хоть к медведям, пошли его туда Люба. И сонливость как ветром сдуло.

В приёмном дежурный врач взглянул на Фёдора ошалевшими глазами, зевнул и сказал:

-Тут больной из реанимации поступил...- он помотал головой, - то есть, скончался больной в реанимации, сейчас отвезёшь его в морг. В городской морг.

-Один?

-Нет. С сестрой. Сейчас она ищет ещё кого-нибудь в помощь, втроём...

Помощником оказался сосед по палате энурезный симулянт Жора Кайдалов.

-Разбудили, - недовольно сказал Жора. - А я к ним не нанимался. Нашли крайнего...

-А мы вообще-то ещё и не ложились, - сказал Фёдор. - Ну, что, вперёд?

В санитарном уазике долго ехали по ночному Новосибирску. Приехали в какую-то больницу. Медсестра долго искала непонятно кого, вернулась с древней бабусей и та долго скрежетала ключом в замке морга, отворила.

-Света нет, - предупредила она, - я спичками подсвечу, вы ташшите!

Фёдор с Жорой внесли носилки в преисподню морга и остановились в темноте, не видя ничего. Дух был нежилой.

-Ставим носилки, - сказал Фёдор

В хиллом свете от спички можно было рассмотреть контуры длинных полок вдоль стен и силуэты покойников на них.

-Тут нет места, - сказал Фёдор.

-Расташшите! – рассердилась бабуса.- У вас што, руки из ж... растут, што ли! Я посвечу, а вы их туды-сюды!

Растащили. Подняли носилки и с трудом стали устраивать грузное тело в зазор на полке.

- Шевялитесь, язви вас...- ворчала древняя служительница, - осподи, и што эт вязут и вязут всю ночь, ровно мор напал...

В госпиталь вернулись, когда уже начало светать.

Утром сопалатники не смогли разбудить Фёдора и ушли завтракать без него. Растормошила его Люба.

-Федя, иди в приёмное! В приёмном тебя ждут!

Фёдор открыл глаза, несколько секунд бессмысленно смотрел на девушку, узнал, и сел на кровати, будто магнитом его повлекло.

-В приёмное! – напомнила Люба.

Фёдор глядел на неё и млел от счастья: образ вечной любви и верности были перед ним сейчас, и были для него одного, а он для неё одной, единственной на свете...

-Ждут, - шепнула Люба.

Фёдор кивнул.

Дежурный врач приёмного отделения уныло сообщил:

-Вы ночью покойника в морг увезли, а сейчас примчалась вдова и подняла крик: вы, говорит, моего мужа живым в морг отправили! Она спозаранку в морге была, видите ли, увидела лицо покойного и сочла, что он умер уже в морге от удушья...

-Какое удушье?.. - не понял Фёдор. - Он холодный был.

-Мы ей то же самое сказали. Да разве объяснишь женщине в истерике. Впрочем, скандал. Ты вот что, садись, пиши объяснительную: когда, как, что и...ну, изложи всё как было. И второй парень, который с тобой ездил, тоже пусть напишет. На имя начальника госпиталя. Люба Усанчикова уже написала.

Фёдор с Жорой написали объяснительные, и Фёдор снова уснул. Разбудила его снова Люба. Она сидела на краешке его постели и маленькой, очаровательно полной рукой ласково тормошила:

-Федя, вставай!.. Вставай, Феденька... Встава-а-ай... Твоя ма-а-ать пришла, молочка-а-а принесла...Федя-а-а..

Фёдор уже проснулся, но не отворял очей, боясь спугнуть вдруг осенившее его счастье, он готов был лежать так до скончания дней своих и слушать пленительный голос, нараспев повторяющий нетленные слова детской сказки:

-Козлёночек, ребёночек, встава-а-ай...Ага! Вижу: моргнул!

Люба прикоснулась своим крошечным пальчиком к фёдькиному веку, приподняла его и засмеялась:

-Исход не летальный! Жить будешь!

Фёдор открыл глаза и сразу снова закрыл: они повлажнели от нечаянного прилива нежности.

-Возьми деньги, труженик, - сказала Люба.

-Какие деньги? - не отворяя глаз спросил Фёдор.

-За работу. Ты ж санитаром оформлен. Семьдесят рублей.

-Бешенные деньги, - открыл глаза Фёдор.

-Только такие дурачки как ты и могут за них тут работать, - усмехнулась Люба. – Держи.

-Не надо, - отрёкся Фёдор. – Я ж не за деньги...

Люба удивлённо посмотрела на него, покачала очаровательной головкой:

-Ты и вправду - того... Бери, не кобенься!

Фёдор глупо заулыбался и зажмурился.

-На тумбочке вот. А я пошла, дел много.

-Ты ж отдежурила? – открыл глаза Фёдор.

-Отдежурила. А сменщица не пришла. Надо еще на сутки настраиваться.

Фёдор смотрел на Любу такими глазами, что она стушеввалась.

-Пошла я...

-Иди.

-Иду.

В палату ворвался возвратившийся с завтрака квартет Жора-Витька-Шура-Мишка. Последний заблажил от порога:

-Ага! Им не до завтрака!..- и без перехода сменил тему,- а мы у Серёги Семенихина в реанимации были! Одыбался! Щас денатурату ему отнесу!

-Ошалел! – округлила глаза Люба.

-А чо? – Удивился Мишка, - пойло, как пойло...Пацан мается от вашей резни...

-От дури своей он мается! – построжела Люба.

-В смысле? – не понял Мишка.

-Если б он был, смысл...

Конец дискуссии положил заведованием Требко. Он возник в дверях, как апокалипсический злыдень и с глубоким удовлетворением напомнил:

-Только трудотерапия спасёт ваши заблудшие души! Симулянты Кайдалов, Корнев, Загородский, Кашин – в распоряжение сестры-хозяйки! – и, тише добавил, - Угарова не разбудимте, коблы!

-Одни мы, что ль, симулянты... - заныл Жора. – Как землю копать, так мы! Как деньги получать, так другие...

-Какие деньги? – не вник Требко.

-Бумажные! Федьке вон с доставкой на дом...

-А-а. Так у нас с этим запросто! Кайдалов, отставить траншею! Симулянт Кайдалов с сегодняшнего дня приступает к работе в операционном блоке! Санитаром! За мной!

-Я чо, ох... л!? – отшатнулся Жора. – Сказать ничего нельзя... Я ж не отказываюсь от траншеи...Я так, к слову. А траншея чо, на свежем воздухе оно и полезно... Айда, братаны...

В палате остался один Фёдор. Ему снилась степь под Семипалатинском, барак приёмного радицентра в тенётах антенного поля, взлётно-посадочная полоса и крошечные самолётики вдоль неё. На одном из них верхом сидел рядовой Аминяков Иван Алексеевич, он же Купа Гениальный и слесарной ножовкой пилил крыло.

-Зачем? - спросил Фёдор. – Кому мы без них служить станем?

-Отзынь, - не оборачиваясь, буркнул Купа. – Спилю всем крылья, тут всем нам и дембель выйдет.

Вместо дембеля из радицентра вышел Укроп и выстрелил в Купу из нагана.

-Вот же козёл, - сказал Купа. – Придётся и ему крылья спилить. Он слез с самолёта и побежал с ножовкой наперевес на Укропа. А Укроп бысто-быстро побежал в степь и скоро там громынуло. «Ушёл за звуковой барьер» – догадался Фёдор и проснулся. В палате никого не было. Ушли на ужин, смекнул Фёдор и подался туда же.

Из столовой в палату он возвращался кружным путём. Прошёл через терапевтический корпус, по переходу проник в нейрохирургический, затем в пульманологический и через полуподвал вышел из здания. Двором прошёл в физиотерапевтический корпус и заглянул в зал лечебной физкультуры. Тут было пусто, тихо и уютно.

Фёдор скинул одежонку, встал на руки и прошёлся по громадному ковру туда-сюда. Потом поупражнялся с гантелями и голый прошёл в водопроцедурный зал. И тут в этот час было пустынно. Фёдор включил сразу несколько душевых устройств непонятного назначения и стал поочередно плескаться в упругих струях. В одной кабинке его исхлестало горячими струями со всех сторон сразу. В другой водопад обрушивался сверху. В третьей струи взвивались снизу вверх...

Когда он закончил процедуры, захотелось поднять Земной шар и крутануть его в обратную сторону.

Он снова двинулся в свою палату, но ноги почему-то опять пошли другим путём, и вместо урологии вынесли его в противоположную сторону – в хирургическое отделение. С равнодушно-озабоченным видом он заглядывал в палаты и кабинеты, опять топал по коридору. У стола дежурной сестры увидел Надю, что-то записывающую в журнал. Она увидела Фёдора и понимающе кивнула ему:

-Люба в первой палате.

-А причём тут Люба...- пробормотал мгновенно покрасневший Фёдор.

Надя хмыкнула и уткнулась в свои бумаги. Фёдор подошёл к отворенной двери первой палаты, остановился.

На койке лежал обугленный Алексей Рублёв. Перед ним на коленях стояла Люба и пинцетом снимала с него клочья горелой кожи, на оголённые ткани накладывала марлевые тампоны с янтарно-жёлтой мазью. Они беседовали.

- ... там на подстанции автоматический выключатель... - бормотал Алексей. – Не сработал... я по лестнице... дёрнул шинный разъединитель... вспышка была... дальше не помню. Не больно... только не вижу... ты глаза, глаза промой мне...

- Промою, - убеждала Люба, - сейчас вот смажу мазью ожог и промою глаза, ты потерпи немного.

Фёдор стоял, боясь шевельнуться. Алексей смотрел в потолок выжженными глазами и продолжал говорить короткими фразами:

-Мне до дембеля ... всего ничего осталось... скоро домой... некстати только вот... но ничего... отлежусь...

Люба кивнула. Увидела Фёдора, показала ему на стул.

-Пить, - сказал обожжённый.

Фёдор напоил его.

-Спасибо...Ты кто? – спросил незрячий, неведомо как почуявший появление другого человека.

-Санитар. Солдат.

-До дембеля далеко?

-Нет.

-Мне тоже...

Люба поднялась, взяла из-под салфетки на тумбочке шприц с уже набранным в него лекарством и сделала пострадавшему укол.

-Ты полежи, - сказала ему, - я сейчас.

Она вышла в коридор, Фёдор за ней.

-Ты чего? - прошептала Люба.

-Так... шёл мимо, вижу...

Помолчали.

-Худо парню? – спросил Фёдор.

-Безнадёжен. Только на наркотиках держим пока... Недолго осталось, больше девяноста процентов ожог... - Люба умолкла, со старушечьей задумчивостью уставилось в тёмное окно.

-Ну. Я пошёл... - вздохнул Фёдор.

-Иди.

-Пошёл...

Но к себе в палату не шлось. Фёдор прошёл в операционную, отпер своим ключом, прошелся в полумраке пустых залов. Гигантскими подсолнухами темнели в углах бестеневые лампы на рослых штативах, тускло поблескивал частями огромный аппарат искусственного дыхания, а отмытые до блеска операционные столы выглядели по-домашнему мирно.

Вошёл дежурный врач Строганов. Вслед за ним робко вошёл пожилой парень с колхозным лицом.

-О! Ты здесь! – Строганов увидел Фёдора. – А я хотел за тобой посылать. Тут аппендицитного симулянта привезли, требует вскрытия! – врач кивнул на парня.

-Как? – оторопел Фёдор.

-Так. Новобранец. Служить надоело, решил в госпитале отдохнуть, воспаление аппендикса закосил. Объективных показаний ноль, но орёт: режьте! Что с ним делать? Уважим парня.

-Кого звать ассистировать?

-Один справлюсь. Из сестёр кликни кого, и с богом. Или, лучше я сам кликну, а ты этому камикадзе лобок выбрей пока. А может всё же одумаешься!? – рявкнул он на больного.

-Какжить... - зароптал тот. – Я ишшо в уме... палит пузо снизу, спасу нет!.. Пиндицит, гры!.. Режь!

-Ну, х... с тобой, – махнул рукой врач. – Готовься!

Фёдор тупой казённой бритвой стесал щетину с лобка новобранца.

-Ложись! – кивнул в сторону ближайшего операционного стола.

Новобранец с лицом пенсионера настороженно посмотрел на стол, уточнил:

-Сюды, што ль?

-Сюды.

Больной завороченно смотрел на операционный стол, зачем-то потрогал никелированные регулировочные винты. Фёдор ждал. Больной решился, и как из бани в прорубь, махом кинулся на стол.

-Вяжи! – приказал Фёдору.

Тот привязал. Вошли Строганов и медсестра Надя, стали мыть руки.

-Что-то ты сильно пожилой! Партизан, что ли? – спросил врач больного.

-Чаво? – не понял тот. Какой партизан?

-Ну, из запаса на переподготовку дёрнули? На сборы?

-Не! Забрали, козлы, кады мне двадцать семь стукало! Успели, суки, в крайний миг... Дома баба с пацаном остались.

-Где? – спросила Надя.

-В деревне. Звонарёвке... Военком, пидорюга, вые...ся!

-Ты б поменьше лаялся! – пресекла ненормативность Надя.

-Да пошла ты ...!

-Михал Семёныч! – вскрикнула Надя. – Это что ж такое!? Совсем обнаглел!

-Сейчас я его прирежу. – Мрачно сказал врач.- Будет знать, как с дамами разговаривать.

-Вам всё шуточки... - обиделась медсестра.

Врач обработал место вскрытия на животе больного бензином, йодом, спиртом, взял со столика шприц с новокаином.

-А-а-а!!! – страшно вскричал больной.

-Ты чего? – удивился Строганов.

-Больно!

-Так я ж еще ничего не делал!

Солдат сник.

-Сейчас обезболю, - заворковал врач. – Один укольчик, и всё! И уже ничего не больно! – И вонзил иглу...

-А-а-а!!! – взревел пациент. – А-а-а!!!..

Хирург обкалывал операционное поле, не обращая внимания на крики. Но когда он полосанул живот скальпелем, пациент взревел еще страшнее.

-Ну, что орёшь!? – начал огорчаться хирург. – Нет боли! Нет! Молчи!

Тот смолк. Вытянул шею по-лебединному, норовя заглянуть за ширмочку, загораживающую ему обзор.

-Покажи! – потребовал.

-Нечего смотреть! – Заоправдывался Строганов. – Одно яйцо отхватил нечаянно, но там ещё одно осталось, хватит на развод!

Больной вспотел. И как умер. Хирург быстро добрался до зловредного отростка, порассматривал его и укорил пациента:

-Говорил же тебе, обалдую, что нет у тебя ничего! Невоспалённый аппендикс. Зря вскрывали. Воспаление хитрости у тебя.

-Нет пиндицит!!! – рявкнул больной.

-Комиссоваться мечтал? – покивал головой врач. – Ну-ну. Мечтать не вредно. Эх, деревня моя, деревянная, дальняя. Заштопаю сейчас, через неделю в часть отправлю.

-Не имешь права! – застрожился солдат.

-Ты кем в колхозе работал?

-Скотником.

-Так вот слушай меня, товарищ скотник: через два года вернёшься на свою скотоферму и качай права животному миру! А мне не надо.

-Не имешь прав!!! – басом взревел скотник.- С резаным брюхом списывают!

-Зачем? – округлил глаза хирург. – Я тебя зашью! Как новый будешь!

-Иди знашь куды!?

-Знаю, - сознался врач. И сунул зажим в рану.

-А-а-а!!! – взревел непреклонный воин.

И он стал биться в ремённых силках, как эпилептик.

-Ты мне работать не даёшь! – осерчал врач.

-Брось!.. Всё!.. Не надо!.. Отстань!.. Уйди, гад! – орал больной.

-Оставить тебя с разрезанным пузом и уйти?

-Оставь! И отвали! – и больной снова стал биться и орать матом.

Шутливость слетела с врача, он стал леденеть в манерах.

-Лежать! – рявкнул он. – Кончай орать!

Больной как с ума сошёл: бился безудержно и орал:

-Спину пересекло!.. Ох, спину пересекло!.. Пересекло!.. Пересекло!.. – заклинило его на одной фразе.

Врач схватил со столика самый длинный, полуметровый зажим и, как шомполом, хлестанул больного по яйцам. Тот хрюкнул и отрубился.

Врач склонился над телом и принялся ковыряться в нём.

Больной опомнился и впал в очередную истерику с подпрыгиванием.

Вслед за ним впал в истерику врач: схватил длинный зажим и стал хлестать больного с такой остервенелостью, что Фёдор испугался и вырвал у него зажим.

Строганов опомнился, дикими глазами посмотрел вокруг себя, выдохнул:

-О, господи... с ума прыгнуть можно...

Больной лежал, как покойник. Врач склонился над ним.

-Живой?

Тот открыл один глаз и тут же его захлопнул.

-Продолжим, - оживился и врач.

Больше солдат не орал и не бился. Врач дошил его и кивнул Фёдору:

-Вези.

Фёдор и Надя отвезли больного в палату. Тот озадаченно спросил:

-И ет всё, штоль?

Шли дни, недели. Фёдор совершенно освоился в своём новом качестве. Однажды исчезла Люба, и только случайно Фёдор узнал, что она в отпуске. Его пронзила мысль, что она даже не сочла нужным сказать об этом ему. Вот, значит, какое место занимает он в её жизни – никакое!

Отчаянию не было предела. Но потом явилась догадка, что Любу заставили поступить так бессердечно какие-то чрезвычайные обстоятельства.

Он мгновенно утешился и стал считать дни до её возвращения. Месяц жил надеждой.

И дождался: Люба появилась отдохнувшая, загорелая, и до боли сердечной прекрасная... Фёдор носился по госпиталю, как крылатый ангел, всё у него спорилось, и то обстоятельство, что не удавалось хотя бы минуту побыть с Любой наедине, не могло отменить счастья: кончится хлопотный день и придёт заветный миг...

Но Люба вдруг куда-то исчезла.

Очередного любиного дежурства Фёдор ждал, как бедуин дождя. А когда оно настало, с утра и на весь день ее отправили зачем-то на центральный аптечный склад. Но и вечером её нигде не было видно, а где она есть, спросить Фёдор стеснялся.

А когда увидел наконец, то окоченел от увиденного: в полусвете процедурного кабинета на кушетке сидел капитан медицинской службы Огарь, а на его коленях сидела Люба. Молодые люди самозабвенно целовались. Огарь заметил статую санитаря, повернул к нему недоумённое лицо:

-Чего тебе? А ну, кыш отсюда!

Фёдор пошёл прочь. Пришёл в операционную и снова окоченел возле громадного окна с невероятно чистыми стёклами. За ними светились

окна госпитальных корпусов, темнел сад, по освещённым аллеям изредка проходили люди в белом...

Вошёл полковник Гринёв, принялся перебирать что-то в шкапу. Увидел санитаря, поинтересовался:

-О чём задумался, детина?

Фёдор не ответил. Гринёв подошёл, засмолил термоядерную беломорину, молча покуривал.

-Долго меня здесь держать ещё будут? – спросил Фёдор.

Хирург пожал плечами, ответил вопросом на вопрос:

-Чем тебе здесь не нравится?

-Не знаю...

-Мы решили до зимы тебя тут держать, в часть отправим только на дембель. И сразу к нам вернёшься, будешь с нами работать и в мединституте учиться.

-Не буду.

Гринёв удивлённо посмотрел на солдата.

-Что случилось, Федя?

-Ничего. Уезжать надо.

-Куда? Под трибунал? Знаю я твою предысторию. Не беспокойся! Устроим тебя тут.

-Уже не устроите...

Гринёв снова пристально посмотрел на солдата, подивился, как похож на обиженного ребёнка этот могучий парень...

Когда Фёдор пришёл в палату, там шёл «расширенный пленум»: группа товарищей обсуждала итоги прошлого заседания медицинской комиссии, которая определяла судьбу пациентов, претендующих на непригодность к дальнейшему несению воинской службы. Итогами были не удовлетворены все, как один.

-В комиссии одни козлы! – упивался горем Мишка Корнев. – А председатель комиссии полковник Гринёв и вапще казёлыжды казёл! Чо он мыслит в медицине? Ему лишь оттяпать чо! Меня он даже и не допустил на комиссию!..

-В натуре, коз-зёл! – вторил Виталька. – Меня допустил, а толку!?!..

-Ка-а-зёл! – троил Шурик Кашин. – И меня отшил!

-Быкует, педрила!.. - возмущался Жора. – Зря я, выходит, полтора месяца в луже спал!?

-Все они козлы! – подытожил Мишка. – Даже Серёгу Семенихина обратно служить отправили! Подшили, как валенок, и – вперёд, к победе коммунизма! Фашисты!..

Пленум проорался и в полном составе подался на чердак заливать горе денатуратом.

Фёдора снова будто подменили. Непреркащающееся ощущение несчастья обесцветило его взгляд: он стал пустым. На работе перемогался, как срок отбывал. Ночи напролёт лежал с открытыми глазами, жизнь для него потеряла вкус и цвет. Всё это было замечено нелюбопытным окружением.

Люба его как бы не замечала.

Тянулись длинные, тусклые будни, тоскливые до изнеможения. Фёдор среди госпитальной толчеи чувствовал себя инородным телом, апатия

сковала Фёдора и всё стало безразличным. Его больше не хвалили за расторопность. Однажды в операционной появилась санитарка пенсионного возраста, и Фёдора реже стали вызывать из палаты...

Полковник Требко вызвал его «на ковёр» в конце дня. В кабинете был и Гринёв.

-В общем, так... - сказал Гринёв. – Комиссовали мы тебя. Всё будет нормально, об этом мы позаботились. Будешь считаться негодным к военной службе в мирное время и годным к нестроевой в военное. Диагноз нарисовали такой, что на гражданке он тебе не повредит.

Фёдор безучастно молчал.

-Вольному воля, - сказал Требко. – Не силой же держать... Документы на тебя выслали в часть. Завтра выпишешься и – тоже в часть. Сразу демобилизуют. Так что теперь ты дембель...

Фёдор поднялся.

-Счастливо, - пробасил Гринёв.

Солдат молча кивнул и пошёл к двери.

-Федя! – окликнул Гринёв.

Фёдор оглянулся от порога.

-Не надо так, сынок, - вздохнул старый хирург. – Пройдёт...

Солдат вышел.

Он уезжал из Новосибирска вечером. Воинское требование на получение билета имелось, но билет брать не стал, забрался в полупустой общий вагон, улёгся на полке не раздеваясь. До Семипалатинска было двенадцать часов ходу с остановками через один столб, выспаться можно было вполне.

Не спалось. Неподъёмная тоска могильной плитой давила грудь, и мысли в голове роились мрачные, как черви могильные. Хотелось избавиться от них, но пространство и время остановились, споткнувшись о роковую черту, и не двигались с места. Поезд шёл, но и он шёл, не двигаясь с места, и колёса выстукивали по мозгам одно и то же: «Так тебе и надо... так тебе и надо... так тебе и надо...»

Фёдор не вынес этой долбёжки и вышел в тамбур. Там отвратно копошилась парочка в растрёпанных одеждах... Фёдор повернул назад. Снова улёгся на полку и снова колёса выстукали по мозгам издевательские рефрены: «А кто ты ей?.. А кто ты ей?.. А кто ты ей?..» Поезд вырвался из пригородов на оперативный простор, с ускорением ринулся в ночь. «На кой она тебе?.. На кой она тебе?..» - зачистили колёсные пары, и скоро рефрен перешёл в чеканные утверждения: «Не-до-де-лан-ный!.. Не-до-де-лан-ный!.. Не-до-де-лан-ный!..»

Фёдору казалось, что он сходит с ума.

Он знал, что это последняя ночь в его жизни.

Уснул на рассвете. Как в омут ухнул.

Проснулся от яркого солнечного света, брызнувшего в лицо. Полежал, ощущая спокойную радость бытия, но вспомнил про горе и тут же усомнился в достоверности предыдущего ощущения. Ногтём сомнения поскрёб настрадавшуюся душу: как оно? Душа никак не отреагировала на скребки. Душа выскочила из Фёдора, и из вагона, она

летела впереди паровоза и под аккомпанемент вагонных колёс ликовала: а мы на дем-бель!.. А мы на дем-бель!.. А мы на дем-бель!..

Но память о только что пережитых страданиях не хотела смириться с такой быстрой переменой мест слагаемых и едва слышным, замогильным шёпотом молила: а Люба?.. А любовь несказанная?..

Фёдор устыдился собственной неверности по отношению к вечной любви и пытался вернуться в прежнее состояние, но не смог. Образ Любы почему-то померк, и никак не хотел являться в прежнем своём очаровании.

Сейчас, когда его отделяли от возлюбленной потыщи верст и десять часов езды, её образ в перестрадавшей федькиной душе изменился неузнаваемо: вместо созданья неземного виделась перезрелая девица с пышными формами и (тут Фёдор смутился и не хотел признаваться себе в только-что сделанном открытии, но всё же решился и признался)...и с глупым бабьим лицом.

АБИТУРИЕНТ.

Поезд змеем вползал в Семипалатинск, извивался между хаотично расположенными шалманами выморочных строений, промельтешили силикатные пятиэтажки-хрущобы, промобъекты. Фёдор натянул гимнастёрку, кирзачи, сел у окна и стал рассматривать предосенние натюрморты; были они пыльными, ветхими, будто моль их почикала. И Иртыш обмелел некрасиво, какие-то грязные камни топорщились в русле недавно ещё полноводного потока.

Фёдор сошёл на неглавном семипалатинском вокзале Жана Семей, отсюда до расположения родного полка было совсем близко. Уже с перрона услышал рёв самолётных турбин со стороны невидимого за домами аэродрома, а затем и увидел серебристые стрелы истребителей, круто уходящих от взлётно-посадочной полосы в южную сторону: отрабатывали перехват и истребление потенциального нарушителя воздушных границ страны советов с наиболее вероятного направления – со стороны братского Китая.

Проследил, как льдистые стрелки самолётов истаяли в синеве, оставив в ней упругие росчерки инверсионного следа, и стал отсчитывать секунды до прихода звуковой волны от точки звукового барьера. Ухнуло. И ещё. И ещё...

Фёдор топал по пыльным колдобинам мимо глиняных мазанок с плоскими крышами и строил текущие планы: первым делом зайти на приёмный радицентр повидаться с корешами, потом в штаб, доложить о прибытии. При этом следовало не попасться на глаза Папе - командиру полка Хижному: ядовитый старичок не отвяжется, пока не выскажет всё, что думает о таких обормотах, как рядовой Фёдор Угаров. Затем можно проследовать в свою казарму представиться ротному. И ждать указаний, или, при отсутствии таковых, действовать по обстановке...

И тут же услышал первое указание:

-Рядовой, стойте!

Обернулся на окрик: к нему спешил воинский патруль - майор и два сержанта с эмблемами-крылышками на погонах.

-У вас что, боец, со зрением плохо? Патруль не видите? – поинтересовался майор. – Документы!

Фёдор достал из кармана гимнастёрки и вручил майору сразу все имеющиеся документы: военный билет, справка новосибирского госпиталя, предписание убыть из госпиталя двадцать четвёртого августа и явиться в Семипалатинск двадцать пятого августа, неиспользованное воинское требование на получение билета, аттестат о среднем образовании...

-Из госпиталя, значит, рядовой Угаров, - недоверчиво проговорил майор, – ну-ну...

Он перетасовал пачку документов, открыл мятый аттестат о среднем образовании, поинтересовался:

-А зачем аттестат с собой таскаешь? Почему дома не оставил перед призывом в армию?

-Нет у меня дома.

-Как нет? – не понял майор.

-Так.

-Где ж ты жил?

-Где придётся.

-Бичевал? – озарился догадкой начальник патруля.

Фёдор отвернулся.

-Ну, шагай, - майор протянул документы. – Гражданин мира.

За глинобитными мазанками открылась раскиданная по степи до самого горизонта панорама хозяйства дивизии ПВО: ангары авиационного полка, ряды «сушек» и «мигов» вдоль взлётно-посадочной полосы, капониры зенитно ракетного полка, кирпичные халабудины техслужб, правее торчали локаторы радиотехнического полка... Как инородное тело, среди воинственных антуражей гнездились и гражданские самолёты близ стеклобетонного здания аэровокзала. Правее, за бурьянами, среди тенёт антенного поля торчал барак приёмного радицентра. Слева от крылечка Фёдор увидел знакомый тополь и скамейку под ним – с этой позиции в начале лета Фёдор стрельбой из карабина шуганул своего взводного...

Ничего тут не изменилось.

Когда Фёдор приблизился к приёмному, на крыльце образовался Серёга Ходин. Он приложил ладонь к поросычьим бровям и пристально смотрел на пришельца.

-Федька Угаров! – Сказал он. – А мы думали, ты в тюрьге.

-Это ты в тюрьге. – Парировал Фёдор. – А я уже освободился.

-Да ну!? – округлил глаза Серёга.

-Гадом буду.

-Ну, щас расскажешь, как оно там на воле-то.

Расспросы-ответы длились недолго. На самом интересном месте из включенного селектора раздался акцентированный крик дизелиста командного пункта Кадыра Мамаюсупова:

-Ратисты, трифока! Ви там спите, билять!? А тут шмон итёт! Зампалит с парторком краштанскую отешту ищут! У нас фсё выкрепли, каслы! И штаны! И рубахи! И патинки! Ф саммаволку хатить не ф чем путит! Каслы! Ох, каслы!.. Шас на пиритающий паеут! Патом к фам!..

Радисты кинулись спасать неуставное достояние. Выгребали из кабельных каналов цивильные штаны, рубахи, обувь, пиджаки, толкали всё в чемоданы и спешно прятали их в зарослях верблюжей колючки.

Старшина Паталах смотрел в отворенное окно через бинокль на командный пункт и комментировал обстановку:

-От кэпэ бобик замполитовский задом сдаёт. Развернулся в нашу сторону... Та-ак... мимо штаба катит. Ни на какой не на передающий! В нашу сторону параболу описывает, б..! Шевелись, военные!.. Федька, сгинь! Тебя тут только не хватало!..

Фёдор ретировался. Пошёл через поле напрямик к пролому в бетонном заборе военного городка. На полпути торчала алюминиевая изгородь из обломков самолётных фюзеляжей, крыльев и каких-то ржавых железяк, поставленных торчком старых солдатских коек. За ней в импровизированном огороде копошился командир радиовзвода старший лейтенант Кропычев.

Фёдор вовремя заметил неприятеля, умерил шаг и осторожно обошёл плантацию стороной, удаляясь от пролома в заборе. Вынужденно вышел к КПП, соображая, кто сегодня там дежурит – радиотехники? зенитчики? летуны?

Дежурили радиотехники. Сначала однополчане не узнали Фёдора. Потом сержант Славка Титиевский озарился:

-Федька!.. Ни ... себе, оуклился!.. А мы думали, ты в дисбате уже, или на нарах трибунала ждёшь... Неужто отпустили?

-Отпустили, - подтвердил Фёдор. – Насовсем.

-В смысле?

-Комиссовали.

Славка хохотнул-выржал по-конски:

-Гангрена обоих яиц? Воспаление придатков?

-Бери выше! – поднял Фёдор указательный палец вверх и голосом диктора всесоюзного радио Левитана добавил. – Психопатизация характера! На почве энуреза! Не х... собачий.

-Дуракам везёт, - позавидовал Славка. – С тебя причитается.

-Коню понятно...

По малолюдной территории военного городка Федька проследовал мимо казарм и штаба авиаторов к радиотехническим баракам, и вышел к своему штабу. У входа два солдатика с помощью лестницы щепками соскребали окаменевший птичий помёт с бетонной статуи Ленина, сварливо перепирались:

-Ты, курва, в шары-то мне дерьмом не швыряй!

-Да ты сам, падла, не мельтеши щепкой! Ты лысину чучелу скреби, а не уши! И бельма ему проковыряй! Ишь, ошщикатурили! Ни х... не видит...

-Ты сам ширни! Тебе сподручней!

-Не учи учёного, поешь ... толчёного!

-За базар ответишь!..

В кирпичной прохладе штаба было тихо. Безмолвный часовой с автоматом замер у стеклянной пирамиды, в которой хранилось знамя полка. Из-за дерматиновой двери канцелярии доносился слабый стрекот пишущей машинки и невнятное бормотание.

Господь уберёт Фёдора от встречи с Папой. Зато начальник строевой части обозвал сачком и отобрал военный билет под предлогом оформления «очищения рядов Советской армии от чуждого элемента».

Фёдор подался в расположение роты связи.

В казарме было пусто. Дневальный вяло сообщил, что войска на объектах, а ночную смену радистов угнали на разгрузку угля в Гортопе.

И по секрету шепнул, что по всем приметам, ротный с замполитом сейчас в канцелярии опохмеляются после вчерашнего сабантуя: замполит «запорожца» по лотерейному билету выиграл! Все войска обалдели от такого события...

Фёдор решил, что именно сейчас самое время представиться с докладом о своём прибытии. Стукнул в дверь канцелярии и тут же вошёл. Встал перед онемевшими командирами и протокольно доложил:

-Товарищ капитан, рядовой Угаров прибыл из госпиталя в часть для демобилизации по болезни. Документы в штабе.

В канцелярии даже мухи на окне ооченели.

-Какой болезни? – нахмурился замполит.

-Психопатизация характера.

Командир роты капитан Ковешников больными глазами оглядел новоприбывшего «психа», помотал лысоватой головой и повернулся к замполиту Гуршпону:

-Виденье, что ли? Иль правда он?

-Он. – Подтвердил тот.

-Видал? – Подмигнул капитан замполиту. - Явился болезный... Об него кривой лом выпрямлять можно, а поди ж ты – больной! И чем же тебя там лечили?

-Трудотерапией. – Буркнул Фёдор.

-Брёвна таскал? Или рельсы гнул?

-В операционной работал санитаром.

Ротный недоверчиво посмотрел на горе-солдата, поинтересовался нехотя:

-И куда ж ты теперь намылился?

В роте знали, что родители выгнали Фёдку из родного дома сразу после окончания десятилетки, задолго до призыва в РЭКэКа, и болтался он чёрт знает где, пока военкомат и милиция не выловили его в речном порту на берегах таёжной реки – прибился к вольной грузчицкой ватаге. В роте связи предполагали, что после дембеля подастся он куда-нибудь на вольные просторы восточнее Колымы и севернее Магадана – самое место для таких землепроходимцев.

-В Томск. – Ответил воин.

-На кой? – не понял капитан.

-В университет поступать.

-Что!?! – не поверил собственным ушам ротный. – Какой ещё университет?

-В ленинский университет миллионов! – Смекнул замполит.

Фёдка посмотрел на него недоумённо, пояснил дикторским голосом:

-В Томский государственный. На исторический факультет. Мне характеристика нужна...

Ротный взглянул на «психа» так, что тот не закончил фразу, умолк.

-А почему именно в Томск? – спросил замполит.

-Туда через Семипалатинск идёт прямой поезд «Андижан – Томск».

-М-м-да... - вздохнул командир. – Если б шёл прямой в Лондон, ты б, конечно, в Оксфорд рванул. Ладно, свободен.

-А характеристика? – напомнил воин.

-Напишем. Штаб оформит документы, разом всё получишь. Абитуриент... Ты хоть знаешь, что приёмные экзамены всюду закончены?

-На заочное до первого сентября документы принимают. Я узнавал.

-Сегодня двадцать пятое августа.

-Успеваю.

Капитан махнул рукой:

-Не зря тебя Недоделанным прозвали... Ты хоть соображаешь, сколько твой дембель оформляться будет? Пока из госпиталя придут сюда твои бумаги, пока наш штаб их окислит... До белых мух можешь тут проторчать. Моя б воля, я б тебя вообще на территорию части не допустил! Ты мне за два года вот так!.. – он приложил ладонь к подбородку. - Ладно, ты уже не наш кадр. Кантуйся пока... Абитуриент!..

Оставшись одни, офицеры приняли ещё, закурили.

- Бывают же такие малахольные... - задумчиво произнёс ротный. – И занесло его именно к нам.

- Я не удивился, когда он пальнул в Кропычева, - вздохнул замполит. – Чёрт из тихого болота. Ни в ... ни в красную армию. Думал, его всё же в дисбат определят. Там бы доделали этого Недоделанного. Надо было упечь его ещё прошлым летом, когда он троих сержантов табуреткой изувечил...

-Вообще-то сначала сержанты ему голову бляхами раскроили, - нехотя отозвался ротный. – Так что ещё неизвестно, кого упекли бы тогда, если б раскрутили дело.

Сейчас ему эта психопатизация, как солёный огурец к стакану водки, а с нас лишние хлопоты долой - и на том спасибо. Давай ещё по грамм-молекуле...

Офицеры выпили ещё.

-Зачем таких в армию берут... – Мрачно сказал ротный. – Чем он занимался тут два года? Хоть кол на голове теши - дуб дубом: никакого понятия о службе. Заторможенный. А если растормозится, то заумь из него прёт.

-Точно, - кивнул замполит. – Он у меня на политзанятии уснул однажды. Я разбудил, требую: повтори, о чём я сейчас говорил! Он глазами похлопал и отвечает: про то, как товарищ Ленин картошку в подполье перебирал...

-А у меня на занятии про гносеологические корни познания понёс. – Мрачно изрек капитан. – Я и слова-то эти запомнил от удивления! Три раза переспрашивал.

-А может зря его Недоделанным зовут? – задумался замполит. – Может он переделанный? Вроде инопланетянина. В простые понятия не врубается, зато Ленина как-то Козьмой обозвал. Это к чему бы?

-К тому же... Книжки читает, как корова сено ест, кубометрами, вот и умствует... Мне иногда кажется, что это нас он считает недоделанными.

Документы Угарову штаб оформил неожиданно быстро. Потому что в штабе не ожидали от Недоделанного уже никаких сюрпризов и ослабили бдительность. Оказалось, зря...

За время работы санитаром в операционной новосибирского госпиталя Федька заработал двести полновесных советских рублей и

половину из них пустил на отходной бал для близких товарищей по оружию. Вечером того же дня в казарме началось попойка, о котором в части вспоминали и после того, как забыли Федьку. На другой день стихия переместилась на приёмный радицентр. А на третий службы радиоконтроля зафиксировали в эфире переданное морзянкой с ключа семипалатинского приёмного радицентра ПВО обращение открытым текстом: « Ко всем салагам, черпакам, старикам, дембелям, аксакалам и прочим воинам страны советов... Рядовой Угаров с душевной болью сообщает о своём расставании с родной рабоче-крестьянской красной армией...»

Когда о радиоулиганстве доложили Папе, он ахнул кулакам по столешнице и змейственно прошептал начальнику штаба:

-Если завтра этот душевнобольной будет ещё в расположении части, вы, товарищ подполковник, станете майором!

Папа Хижный погорячился: в любом случае дембельнуть Недоделанного можно было не раньше, чем его медицинские бумаги приползут из Новосибирска в Семипалатинск. А вот ускорить процесс доставки было можно. И начштаба подсуетился: на другой же день доставили заветный пакет. И тут же оформили дембель.

Только вручать документы было некому: Федька с группой примкнувших к нему товарищей кочевал по близлежащим семипалатинским шалманам, нигде надолго не задерживаясь, непреднамеренно путал след. По непроверенным данным, впавшие в аморалку бойцы вчера колобродили где-то в женских общежитиях мясокомбината. Там гопкомпания распалась на несколько мелких содружеств, кого-то уже загребли на гарнизонную губу, кто-то забрёл на территорию сопредельного стройбата как раз во время выдачи там зарплаты, и там полыхнул пир, который распространялся во все стороны света уже сам по себе, независимо от первопричины, как средневековая чума...

В казарму зачумлённые воины возвращались неорганизованно и с потерями: троих отловил патруль и водворил на гарнизонную губу, двоих возвращенцев командир роты связи капитан Ковешников самолично отвёл на губу полковую.

Фёдор отбил от компании ещё в общежитии мясокомбината. Оказался в комнате наедине с умопомрачительной казашкой, потерял счёт времени, а когда покинул гостеприимное убежище, никого из своих поблизости не обнаружил.

Двинулся в казарму напрямик, через территорию аэропорта. Возле капониров встретил авиамеханика из сопредельного полка Вовку Рязанова. Потрепались с ним за жизнь и на всякий случай попрощались навеки – где ещё встретятся...

Взлётно-посадочная полоса, одна для гражданских и военных самолётов, попеременно оглашалась рёвом то гражданских Илов, то истребителей-перехватчиков.

Возле аэровокзала самовольщик напоролся на патруль. Капитан и два солдата с общевоинскими эмблемами заулыбались от удовольствия, увидев перед собой презираемого пехотой связиста: необъявленная война между патрулями разных родов местных войск шла с незапамятных времён и с применением самых изощрённых взаимопоганок.

-Военный билет сюда! – Вальяжно протянул руку капитан.

Солдатики зашли сзади.

-Нету. – Сознался Фёдка.

-А где же они есть?

-В штабе. Забрали для оформления дембеля.

-Ого! В августе он на дембель намылился! Видали? И уже обмыть успел! – Развеселился капитан. И солдатики дружно рассмеялись: наглее этого самоходчика они ещё никого сегодня не ловили.

-У тебя наверно волосатая лапа в генштабе! – Хмыкнул капитан. – Персональный дембель тебе устроили? По блату! Или за особые заслуги?

-Нет, - сознался Фёдор. – По болезни. Комиссовали.

-Ха-ха-ха!.. – Гулко засмеялся капитан. – Такого тяжеловоза комиссовали!.. Тебя оглоблей в лоб с трёх ударов не убьёшь!.. Ха-ха-ха!.. Острый триппер поймал? Ха-ха-ха!.. Или геморрой насидел в своих интеллигентных войсках? А может запор хронический?

-Взять его... - сквозь смех скомандовал капитан. – Ха-ха-ха!.. Щас на губе организуем тебе клизму! Семиведёрную! Соляр с рыболовными крючками! Ха-ха-ха!.. И одноместный номер полтора на полтора! Недельки на две!..

На этот раз тугодумный Фёдор в секунды усёк, что влип. И пока из мозговых тенёт в его голове выкарабкивалась шкуросохранительная мысль, тело уже среагировало на обстановку: Фёдор оттолкнул капитана и понёсся прочь.

-Держи!.. – взвыл упавший капитан из положения лёжа.

Поджарые пехотинцы стремительно настигали стокилограммового Фёдора, и уже повисли было у него на плечах, да тут он споткнулся. Грохнулся об асфальт, проехал плашмя, обдирая колени и ладони. Патрульные запнулись об упавшего связиста, перелетели через него и с костно-мясным хряском рухнули о твердь. Фёдор поднялся и заковылял дальше, оставив на асфальте пилотку. Завернул за здание аэровокзала и вскоре остановился среди рослого бурьяна. Бежать не было прити, да и желания тоже, злость от нелепости происходящего взвилась такая, что решил встретить погоню здесь в бурьянах и устроить им такую «клизму», на какую сил хватит – а там будь что будет, всё равно терять уже нечего...

А патрульные, видимо, тоже что-то сообразили, и за аэровокзал не сунулись. За подмогой побежали, заподозрил Фёдор. Узрил тормознувшее у аэровокзала такси, бросился к нему, упал на заднее сиденье и выдохнул:

-Ходу... От патруля ухожу...

Когда он возник у КПП ободранный, с кровавой дырой на коленном сгибе правой штанины, в мятой гимнастёрке и с непокрытой головой, дежурный сержант-авиатор приказал подождать...

И на территорию Федьку не пустили: появившиеся офицеры штаба радиотехнического полка тут же на КПП вручили ему документы, вещмешок с личными вещами и пригрозили, что будут стрелять, если он попытается проникнуть на территорию воинской части.

Фёдор дохромал до водопроводной колонки возле ближайших мазанок, обмыл окровавленное колено, сел рядом на пыльный шлакоблок, достал из вещмешка иглу с ниткой и, не снимая штанов, принялся зашивать дыру.

До поезда «Андижан – Томск» время ещё было. Припадая на повреждённую ногу, поковылял к вокзалу.

На вокзале уточнил обстановку. Колено распухает на глазах. Пилотки нет. Деньги ещё есть. Есть аттестат о среднем образовании. В военном билете демобилизация отмечена. Есть предписание убыть «из» и прибыть «в» с указанием строка. И воинское требование на билет до Томска. Была и характеристика, в которой указывалось, что «... на втором году службы рядовой Угаров Ф.М. стал употреблять спиртные напитки, нарушать дисциплину и плохо относиться к несению службы... из хулиганских побуждений стрелял в командира...»

Вроде, всё в порядке.

Билет брать не стал: лень было томиться в очереди у касс. Когда подошёл поезд, забрался в общий вагон, по солдатской привычке забрался на третью, багажную, полку, сунул вещмешок под голову и уснул, не обращая внимания на гомон и толчею внизу.

Проснулся уже в темноте. Попутчики уgomонились и спали, лишь две тётки у боковых мест тихо перекидывались в карты.

Настроение было никаким. Ни тревоги, ни радости. Саднили разбитое колено и ободранные об асфальт ладони.

Идея поступить в Томский университет возникла у Фёдора в госпитале после решения медкомиссии списать его из армии. Мелькнула и ушла. И вновь пришла. И ушла. А когда дембель стал стремительно обретать черты реальности, в обычно заторможенных федькиных мозгах произошла очередная растормозка, в голове щёлкнуло непреклонное решение: поступлю в университет на исторический.

О том, что затея может провалиться, Фёдор не думал. Думы преобладали сугубо утилитарные: первое время придётся ходить в солдатской спецуре, потому что купить штатскую одежду будет не на что, имеющихся денег хватит максимум на месяц-полтора аскетического существования, пока сдаёт экзамены, ищет подходящую работу с предоставлением общежития, да пока заработает первые деньги. А если не устроится с общежитием, придётся снять частное жильё, значит потребуются дополнительные деньги, следовательно одновременно с

поступлением придётся озаботиться случайными работами, тем более что сначала книги надо будет покупать...

Когда Фёдор выбрался на перрон у вокзала Томск-1, было солнечное утро. Проковылял через вокзал на привокзальную площадь. Справа торчала какая-то будка, рядом с ней спал человек невыносимого вида. Слева торчал длинный дощатый забор, за которым высились руины новостройки, вдоль забора мичуринцы торговали ягодами и прочей огородной всячиной.

Хотелось есть.

В крохотном ларьке с табличкой «Проверяйте сдачу не отходя от кассы» Фёдор купил громадный пирог и схрумкал его с рекордным временем. Достал из вещмешка полуторалитровую алюминиевую фляжку, глотнул воды. Когда-то это была обычная солдатская фляжка вместимостью в 750 граммов. Фёдор её усовершенствовал ещё прошлым летом: выстрелил в алюминиевое нутро холостым зарядом из карабина, фляжку и раздуло вдвое больше...

Двинулся к автобусной остановке.

-Рядовой! - гаркнуло рядом. – Стоять!

Фёдор остановился: на него волком смотрел полковник с озмеенными рюмками на погонах.

-Почему честь не отдаёте, рядовой?

-Виноват, товарищ полковник. Не заметил.

-Почему без головного убора?

-Потерял.

-Что значит потерял!? А голову не мог потерять?

-Не мог.

-Документы!

Фёдор вздохнул, достал документы.

Полковник полистал военный билет, вчитался, подозрительно взглянул на Фёдора, снова в военный билет, нахмурился. Вернул документы и, кривя губы, брезгливо поведаль:

-Психа закосил, товарищ дембель? Жаль, что ты уже не наш, да и некогда мне. А то б водворил на губу. Чтоб напоследок показали тебе небо в овчинах!

Тёмная волна ударила Фёдору в голову, вселенная перед ним остановилась в своём вечном движении, её заслонило ставшее вдруг громадным рыло чудовища в полковничьих погонах.

У Фёдора окаменело лицо и в глазах полыхнуло безумие.

Полковник отшатнулся и зашагал прочь. Крикнул полуобернувшись:

-Далеко не уйдёшь, сейчас тебя повяжут! Я тебя запомнил!..

Фёдор выматерился. Хотелось сорвать с себя постылые доспехи немедленно и втоптать их в грязь тут же, посреди города. Вцепился рукой в левый погон и попытался оторвать его, но не смог: пришит был намертво. И правый тоже...

«Да что это я... - остановил он себя. – из-за какого-то козла чучелом ходить, что ли?..»

Посидел на скамейке, успокоился и пошёл к автобусной остановке.

Поехал автобусом к университету. Нашёл. Поглазел на громадное здание главного корпуса Томского императорского университета имени большевика Валериана Куйбышева. Сам Куйбышев в железобетонном исполнении стоял задом к университету.

Приёмная комиссия располагалась на первом этаже. Несколько девиц суетились возле столов с кипами бумаг. Фёдор отыскал глазами девицу с наименее озабоченным лицом, подошёл и заговорщицки прошептал:

-Примите у меня документы.

-Какие? – не поняла девица.

-Все, какие есть. На истфак поступать буду.

Девица посмотрела на него, как на снежного человека.

-Вы знаете, какое сегодня число?

-Тридцать первое августа.

-Вот именно. Приём документов закончен. Завтра экзамены.

-Но как же так?

-Ничего не знаю, обращайтесь к председателю приёмной комиссии...

Председателя приёмной комиссии Фёдор отыскал в буфете: перекусывал. Фёдор дал ему дожевать пирожок и приступил к штурму:

-Прошу прощения, но чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня обратиться к вам неотложно!

-Что случилось? – насторожился председатель, с удивлением разглядывая странного солдата.

-Меня досрочно демобилизовали. Я только что приехал, и оказывается, уже не принимают документы на исторический... Как же так, ведь ещё только тридцать первое!..

-Уже тридцать первое. – Поправил председатель. – А завтра экзамены.

-Так и я о том же! Экзамены завтра, так примите у меня документы сегодня!

-Но если вы прибыли сегодня, то наверняка у вас не все документы готовы! Нужны фотографии. Справка о прохождении медкомиссии. Надо встать на учёт в военкомате...

-Потом! Всё потом! – остановил его Фёдор. – Всё представлю в процессе сдачи экзаменов! Вы же видите, как всё складывается в пожарном порядке. Кстати, фотографии есть!

Председатель сквозь очки смотрел на неизвестно откуда свалившегося широкоплечего солдата с печатью одержимости на юном лице, и не находил в нём никаких признаков того, что можно от него так вот походя отделаться. Такие уже встречались ему. Они приходили в эти стены из разных мест необъятной страны незваные, но уверенные, что именно тут их место, вели себя как смертники, идущие в бой с беспощадным врагом.

Председатель врагом себя не считал.

Документы у Фёдора приняли, даже не разглядев их толком: не было времени. Выписали экзаменационную карточку и направление в общежитие на проспекте Ленина, 49. Наказали в ближайшие же дни донести все необходимые документы.

Фёдор клятвенно заверил.

Пока он оформил койко-место в общежитии, пока поселялся, пока знакомился с великовозрастными сокоешниками, такими же, как и он, абитуриентами исторического факультета, пока обсуждали предстоящий утром устный экзамен по русскому языку, пока вымылся в душе, пока подшил свежий подворотничок к гимнастёрке, пока сменил тампон и пластырь на разбитом колене, пока то, сё...наступила ночь. Сокоешники ушли куда-то переписывать «супершпоры» с какого-то супероригинального оригинала в соседней комнате...

Фёдор лежал один в темноте и ни о чём не думал: от пережитого за день голова утратила способность думать. Она просто констатировала происшедшее: первая часть задачи выполнена, даже перевыполнена в связи с появлением временного койко-места в общежитии, сапоги вычистил, денег на одежду всё равно не выкроить, к экзаменам не готов...

С тем и уснул.

Ранним утром разбудили сокоешники, вернувшиеся с готовыми «шпорами». Они завалились вздремнуть, а Фёдор подался в душ: мытьё было вторым излюбленным его занятием после чтения.

Устный экзамен по русскому языку и литературе принимали две строгих дамы-филологини неопределённого возраста: косметика стёрла с их лиц индивидуальные черты, сделав похожими, как продукцию гвоздильного станка при настройке его на один типоразмер. С удивлением посмотрели на абитуриента в солдатских доспехах.

Он взял билет, огласил его номер и вопросы в нём обозначенные: художественные особенности романа М.Шолохова «Тихий Дон»; Искусство «серебрянного» века и революция.

Сел за последний стол и вдумался в вопросы, которых не понял и ответа на кои не имел. Ничего не выдумал и стал наблюдать за происходящим в аудитории.

Экзаменаторши пытали очкастую девицу с толстой косой и хорошо поставленным голосом. Федька мысленно оценил её безукоризненное произношение как профессионально дикторское. А то, что она говорила, выходило за федькины представления о среднем образовании: тут был уровень не ниже уровня экзаменующих - на равных беседовали три гуманитарных интеллектуалки.

Тётки не были удовлетворены ответами абитуриентки. Левая въедливо проговорила:

-Вот вы упомянули, что в оркестровке оперы «Иван Сусанин» не прослеживается тема трагической фатальности...

Фёдор обомлел от такого изыска. Сам он не то что ответить на такой вопрос не смог бы, но даже выговорить его.

А девица парировала выпад:

-Некоторые исследователи творчества Михаила Глинки склонны считать, что эволюция оркестровки этой оперы детерминирована переименованием её из изначальной «Жизни за царя» в более позднего «Ивана Сусанина»...

Ровным, хорошим голосом она излагала своё понимание трагической фатальности и особенностей оркестровки древней оперы, трансформации образа, метаморфозах сюжетной канвы в перманентно изменяющихся исторических условиях...

Фёдор был потрясён, услышав оценку её познаний – «неуд.». По его мнению, для экзаменующихся на исторический факультет вопросы были издевательскими, подобно тому как издевательскими для абитуриента физмата могли быть вопросы о художественных особенностях «Слова о полку Игореве».

Других абитуриентов он не слушал, погрузившись в раздумья об уровне собственных познаний в русской культуре – на фоне услышанного он приближался к нулю.

Когда подошла его очередь отвечать, он так и не сочинил стройного ответа, и испытывал сейчас не волнение, а досаду на экзаменаторш, только что на его глазах и ушах заваливших такую достойную абитуриентку.

-Никаких художественных особенностей в романе Шолохова «Тихий Дон» я не обнаружил. – Доложил он. – Талантливое произведение, как чистый воздух – им дышишь и не замечаешь особенностей, будто только так и должно быть. Это в бесталанных, уродских произведениях торчат разные особенности, как мослы из манекенщиц...

Экзаменаторши оторопели.

-Наверно Шолохов сам пережил такую же большую любовь, как у Аксины с Гришкой, иначе не написал бы потрясающую книгу. Точнее, эпопею... - Вещал Фёдор. – Что можно сказать об особенностях, если талант в принципе вещь необъяснимая, он или есть, или его нет... Если на то пошло, можно считать художественными особенностями «Тихого Дона» всё, что угодно: и до боли жизненный сюжет, и сочный язык автора и героев... Это повествование трагично, тут и о личной катастрофе героя, и о социальной, они переплетены накрепко. Судьба двух любящих сердец изломана обстоятельствами жизни, от них не зависящими, рок загнал их, как дурной седок загоняет лошадей. Судьбы целого поколения расколола так называемая классовая борьба. Фактически не Гришка Мелехов против советской власти бился, это советская власть восстановила против себя Гришку Мелехова и таких самостоятельных людей, как он – вот в чём трагизм увидел Шолохов...

Он закончил сентенцию и, не дожидаясь приглашения, перешёл к следующему вопросу:

-Серебрянным веком русского искусства принято считать период с начала двадцатого века до 1917 года - он полностью совпадает и с самой революцией, и отражает все её сущностные признаки: разрушение старого и попытки найти новое, и результат зачастую бывает непредсказуемым...

Каким-то наитием он понял, что если сейчас замолчит, то тётки опомнятся и вцепятся в него мёртвой хваткой, растерзают в клочья. И он тарыхтел без пауз и сбоев:

-Трагический Блок и безумный Врубель так же революционны в искусстве, как Ленин в политике и социологии...

Фёдора несло, когда он оказывался в сфере своих интересов: ни обычных косноязычия, ни заторможенности не угадывалось в нём сейчас.

Это и выручило. Не успевшие сгруппироваться для отпора экзаменаторши вписали «хор.» в его экзаменационный лист и ведомость, и абитуриент споро удалился.

Письменный экзамен по русскому языку и литературе намечался на четвёртое сентября. Фёдор к этому дню успел пройти медкомиссию и встал на учёт в военкомате. Сходил в бюро по трудоустройству, выяснил, что удобную для него дежурную работу и общежитие могут предоставить на оборонном Приборном заводе. Он съездил на завод, заполнил длинные анкеты. Предложили ждать месяц-полтора, пока особысты проверяют его «подноготную» на соответствие предполагаемой должности «испытатель приборов и чувствительных элементов точной электромеханики».

В сочинении на «вольную» тему он сделал две синтаксических ошибки и получил за это «хор.» В ночь перед этим он с тремя алкашами разгрузил на товарной станции Томск-2 вагон с помидорами и получил за это двадцать рублей. В тот же день его задержал у кинотеатра имени Горького патруль из трёх курсантов военного училища связи: солдат привлёк внимание отсутствием головного убора. Они долго разглядывали его военный билет, недоумевали, что до сих пор он не переодет в гражданское. Отстали. Рослый патрульный, курсант со старшинскими погонами, обернулся и крикнул:

-Не светил бы темечком! Зайди в нашу каптёрку, дадут пилотку. Рядом тут.

-Перебьюсь.

Так и ходил в солдатской форме с нарушением правил её ношения.

К моменту сдачи экзамена по истории он отработал ещё ночь на разгрузке вагонов и заработал ещё около двадцати пяти рублей. Заработок был хороший, но травмированное колено засадило совсем нестерпимо, а хебе пришлось отстирывать от помидорных блямб и белесых разводов высохшего пота, затем ускоренно сушить с помощью утюга.

Историю сдал на «хор.». В итоге получился проходной балл - 12.

Предстоял ещё экзамен по иностранному языку, он в сумму баллов не засчитывался, для гарантии поступления требовалось лишь получить положительную оценку. Это было проще. Хотя при всей простоте и этот экзамен мог стать роковым: при неудовлетворительном результате абитуриент мог вылететь из числа претендентов. Фёдор нашёл учебник

немецкого языка и пытался реанимировать свои слабые школьные познания в нём. Получалось плохо.

Экзамен по немецкому языку принимали во втором учебном корпусе университета. Когда Фёдор подошёл к заветной двери, возле неё было многолюдно. Публика была разновозрастная: похожие на бройлерных цыплят недавние школьники, не успевшие вовремя одипломиться грузные тётки и дядьки, не сумевшие в установленные сроки прорваться в военные академии офицеры... Последним наличие университетского диплома сулило полковничьи звёзды и без военно-академического образования, поэтому за хорошие оценки они бились отчаянно.

Занял очередь и стал ждать. В стороне стоял сильно пожилой майор, которому что-то нашёптывал в лохматое ухо юный курсант училища связи. Майор умно кивал головой. Потом вдруг смял лицо в плаксивую гримасу и стал что-то говорить курсанту, жестикуюлируя при этом руками-клешнями. Курсант отечески похлопал майора по плечу и снова забубнил ему в ухо что-то утешительное. Тот отчаянно махнул рукой и отошёл в сторону.

Курсант пофланировал по коридору, заметил солдата и подошёл.

-А ты зачем тут торчишь? – спросил по-свойски.

-Немецкий сдавать. - Ответил Фёдор.

-В универ поступаешь, что ли?

-Поступаю. А ты?

-Вон того аксакала консультирую! – кивнул курсант в сторону престарелого майора. – Ему поступить позарез нужно, а он пном-пень! Кроме хенде хох ничего по-немецки выговорить не может! А звезду очередную на погоны не дают из-за отсутствия диплома... Ему на пенсию вот-вот, если подполковника рвануть не успеет, застрелится. Я полгода его натаскиваю по немецкому – он ни в зуб ногой. Очкует теперь! Кричит, что не для того он немцев на войне бил, чтоб они теперь его добивали.

-А ты откуда знаешь немецкий?

-Так это ж мой родной! Как и русский. Меня и звать фактически не Иван, а Иоганн.

-Ух ты! – изумился Фёдор. – Почти что Бах!

-А ты почему в хэбэшке?

-Только из окопов.

-А-а...понятно, - смекнул общительный курсант. – Ну и как? Шпрехаешь в дойче?

-Как конь в эсперанто.

-Да ты чо!? – округлил глаза курсант. – погоди, а ну айда за мной!

Они зашли в свободную аудиторию, Иоганн открыл учебник и сунул Фёдору:

-Читай сверху вниз всё подряд.

Фёдор напыжился и стал самовыражаться:

-За...ген...зи... мир...битте...

-Ты что!? –прервал Иоганн. – Так и собираешься бляеть на экзамене?

-А что?

-Да ничего. Тебе за такие напевы вообще ничего не поставят. Ноль. И предложат приходить через год.

-Мне сейчас поступить надо! – Возразил Фёдор.

-Поступай. В кулинарный техникум, например. А в университет таких не берут.

Фёдор поскущел. Иоганн полистал учебник, нашёл другой текст и стал читать его вслух по-немецки легко и чисто.

-Да...- мрачно сказал Фёдор, когда курсант закончил.

Тот вдруг ухмыльнулся и предложил:

-Давай я за тебя сдам. Поменяемся гимнастёрками и все дела. Снимай свой шушун! – и он принялся снимать свою гимнастёрку с курсантскими погонами.

Курсантская гимнастёрка на Фёдора не налезла.

-Посижу так, - сказал он, - никого тут нет.

-Ну у тебя и ручищи! – подивился Иоганн. – Штангу таскал?

Сам он в фёдоровой гимнастёрке смотрелся, как подросток в безразмерном пальто. Погоны свисали с плеч, из рукавов виднелись лишь кончики пальцев.

Подогнули подол и замаскировали сгиб ремнём. Рукава подогнули. Погоны регулировке не поддавались.

-Да хрен с ними! – решил отважный Иоганн. – Кто тут на эти детали смотрит!? А на фотографиях солдаты вообще все неотличимы.

Взял угаровские документы и ринулся в заветную дверь.

Ждать пришлось долго, полуголый Фёдор в прохладной аудитории успел озябнуть.

Наконец появился Иоганн, вручил бумаги Фёдору:

-Я говорил с ними на баварском наречии. Можешь считать себя студентом!

В экзаменационном листе стояло жирное «отлично».

-Быстро переодеваемся! – скомандовал Иоганн.- Майора запускаю! Сейчас он покажет им, как надо говорить с гадами немцами!.. Описаются... Счастливо тебе!

Списки зачисленных в университет на заочное отделение вывесили в коридоре главного корпуса. Возле них собралось столько народу, что было не протолкнуться. Фёдор пытался издали разобрать письмена, не преуспел. Сходил в столовую, пообедал, вернулся и уже свободно приблизился к заветным спискам. Неспешно читая строки сверху вниз, искал свою фамилию среди зачисленных на исторический факультет. Не нашёл и перечитал строки в обратном порядке, снизу вверх. Тоже не нашёл. Снова перечитал... Подосадовал на нерадивость исполнителей, пропустивших его имя в суматохе экзаменационного периода и пошёл в приёмную комиссию указать на ошибку.

Нашел знакомую уже девицу, которой пытался вручить свои документы в первый день появления в университете, озабоченно попенял:

-Меня забыли внести в списки зачисленных на исторический.

-А, это вы... - узнала девица. – Знаете... Тут такое дело... Словом...Ну, в общем... у вас оказалась отрицательная характеристика! Мы не имели права принимать от вас документы при такой характеристике!.. Мы, конечно, сами виноваты, извините...но... вот такие дела... - ей было явно не по себе, - сочувствую...извините...

-Что я должен сейчас делать? – строго спросил Фёдор.

-Не знаю... заберите ваши документы...

-Не надо забирать документы. Я могу говорить с председателем комиссии?

-Его сейчас нет, и будет не скоро. Но он в курсе дела, и ничем помочь вам не сможет! Он уже распорядился вернуть вам документы и вычеркнуть вас из списка зачисленных... Извините...

Фёдор посмотрел на часы: было пятнадцать ноль семь.

Как с ним случилось в минуты роковые, Фёдор ощутил сначала отчаяние от несправедливости обрушившейся на него кары, отчаяние сменилась ожесточением, ожесточение решимостью. В груди будто ледяная глыба образовалась и обожгла лютым холодом сердце.

Фёдор вышел из главного корпуса, прохромал к третьему учебному корпусу, более известному под аббревиатурой БИН. Вознёсся на второй этаж и энергично постучал по двери с табличкой «Проректор по заочному обучению».

-Войдите! – проскрипело изнутри.

Вошёл.

-А-а!.. – обрадовалась грузная бабуся, восседающая за старинным столом. – Явился! Защитничек отечества! Орёл!..

-Почему меня не зачислили в университет? – прервал её Фёдор.

Бабуся резко сменила тон и гневно прокричала:

-С такой характеристикой, как у тебя, надо в тюрьму поступать! А не в университет! Ты ошибся дверью! Вон! И чтобы не осквернял священные стены своим присутствием!

Фёдор вышел, добрался до двери с надписью «Декан исторического факультета» и энергично постучал. Вошёл.

В непросторном помещении с аскетической обстановкой за огромным столом сидел пожилой, худощавый мужчина в очках, рядом с ним к столу были прислонены костыли.

-Садитесь, - пригласил он.

Фёдор сел.

-Слушаю вас.

-Я только что демобилизовался и сразу приехал сюда поступать на истфак. Экзамены сдал, проходной балл есть. Но меня не зачислили, потому что характеристика отрицательная.

-А почему она отрицательная?

-Потому что писал её мой командир взвода, в которого я стрелял.

-Зачем?

-По уставу полагалось.

-Поясните.

-Поясняю. У меня сложились плохие отношения с командирами, считается, из-за моего строптивного характера. Я считаю иначе. Но в армии всегда прав командир. Решил мой взводный командир меня дрессировать. Стал нарочно назначать меня каждые сутки только в ночные дежурства радистом на приёмном радиопункте. Дежурил каждую ночь. А днём спать не положено. Вымотался. Предупредил командира, что могу уснуть ночью на смене. А командир предупредил меня перед строем, что ночью придёт на приёмный, и если увидит меня спящим, пристрелит на месте.

-И вы его опередили?

-Нет. Такой цели не было. В ту ночь подошла моя очередь охранять наш радиопункт, ну я и караулил с оружием. Ночью он пришёл... Я сначала не узнал его: появился кто-то из темноты, в белой распашонке, сандалиях... Приказываю: стой! Стрелять буду! – а он идёт. И ещё возмущается!.. Я потом узнал старлея, но всё равно в таком виде не положено там появляться. Не пустил.

-Зачем же стрелять надо было?

-Он не подчинился приказу остановиться. Ещё угрожать стал. Хрен его знает, что у него в голове, может и правда палить стал бы, как обещал. Я и пальнул первым, в воздух над его ушами... А он отыгрался в характеристике.

Помолчали.

-Тяжело служить? – спросил декан.

-Не знаю... - простодушно сознался Фёдор. – Смотря что называть службой... Порядки там такие... Ну, в общем, не для меня то заведение. И я не для него.

Посидели молча.

-Почему в солдатской одежде до сих пор? – спросил декан.

-Переодеться не во что. Сменю скоро. Подрабатывать начал уже...

-Да... и холодать начинает...

Помолчали.

Декан поднялся, взял костыли, утвердил их под мышками, кивнул приглашающе:

-Пошли. К ректору.

И уверенно двинулся на костылях вперёд, подволакивая увечную ногу. Фёдор хромал следом.

В приёмной ректора декан предложил Фёдору подождать, сам скрылся в кабинете.

Время замерло. Окна в помещении были ориентированы на юг. Мысленно Фёдор пронёсся через леса, реки и степи к Семипалатинску, влетел на территорию семнадцатого радиотехнического полка отдельной четырнадцатой армии войск противовоздушной обороны СССР, ворвался в казарму роты связи и с ходу отвесил подзатыльника командиру радиовзвода старшему лейтенанту Кропычеву. После чего столь же стремительно проделал обратный путь.

Дверь отворилась, выглянула немолодая дама и пригласила:

-Заходите.

Фёдор прохромал в кабинет и сел на указанное место – стул стоял почти посередине.

В просторном кабинете было многолюдно, Фёдор увидел здесь и председателя приёмной комиссии. Быстро вычислил ректора, лицо аксакала показалось ему человеческим, располагающим к доверию.

-Что с ногой? – поинтересовался ректор. – Вы ранены?

-Нет. Просто ушиб.

-Ну, что ж, рассказывайте, что за конфликт был у вас с командиром, из-за которого он вам написал такую плохую характеристику.

Фёдор повторил то, что рассказывал декану.

В кабинете помолчали, ректор потюкал карандашом по столу, задумчиво произнёс:

-Что ж... побудьте пока в приёмной, мы подумаем, как быть...

Фёдор вышел. Устроился на стуле у окна, смотрел на желтеющие кроны берёз и тополей, чистую синь над ними, и ощущал сковывающий холод в груди, будто сквозняком выдувало жизненное тепло оттуда быстрее, чем оно успевало накапливаться. Далеко-далеко в небе расплзался инверсионный след самолёта, и в солнечных лучах блеснул сам самолёт – крохотная серебристая стрелка на недостижимой высоте немо шла сквозь стратосферную стынь к неведомой цели с огромной скоростью, много сверхзвуковой, определил Фёдор, и стал ждать, когда придёт звуковая волна...

Из ректорского кабинета вышел декан на костылях, тихо сказал:

-Вас приняли. Утром получите студенческий билет и зачётную книжку...

Дальше Фёдор не слышал: внутри у него будто разом растаял ледник и тёплая волна хлынула к горлу...

-Что с вами? Вам плохо? – услышал, как из другого мира.

Он глубоко вздохнул, выдохнул и помотал головой.

-Нет... ничего...спасибо...

Ты молодец, Костик

Сергей Петрович вышел из душного вагона на перрон, выбрал под цветущими черемухами привокзального сквера скамейку поуютнее, присел, с удовольствием закурил.

Вот и дома. Спешить некуда и незачем, до родной улицы рукой подать. Он разглядывал немногочисленных пассажиров, вышедших на этой станции, пытался высмотреть знакомые лица, но нет... нет. Приехавшие ушли по тенистой аллее в город, стало тихо, пустынно.

Слева послышался негромкий шум. Сергей Петрович оглянулся: по аллее в его сторону двигался немолодой рослый человек в неопрятной одежде и катил рядом с собой старенький, изрядно заржавевший велосипед на спущенных шинах. Человек, склонив к велосипеду заросшую седым свалаявшимся волосом голову, говорил непонятно кому:

— Нет-нет, не так! Ты слишком жмешь на педали, и зря так вцепился в руль... Свободней! Свободней!.. Вот... правильно... теперь ты совсем молодец! Видишь, я даже не успеваю за тобой и совсем почти не держу!.. Ты молодец, Костик!

Человек торопливыми шагами пересек перрон и скрылся за низеньким зданием вокзала. Сергей Петрович проводил чудака удивленным взглядом, и что-то показалось знакомым ему в этой нескладной фигуре, голосе... Заросшее щетиной лицо он не смог толком разглядеть, и все же... все же...

Он все же вспомнил.

Это был он, Генка Даринский, бывший его сосед...

Начало той, вспомнившейся сейчас истории, было еще при Сергее, а про остальное писали мать, друзья...

Вот кого довелось встретить в родном городишке первым, через столько лет, прошедших после последнего приезда сюда...

Много лет назад «фэззушник» Генка Даринский держал «мазу» на их улице Декабрьской. Что такое «маза» и за что ее держат, не знал в этих местах никто, в том числе и сам петушистый Генка. Но понимали все одинаково: вроде первого ухаля на деревне.

Летними вечерами Генка поднимал облака пыли своими полуметровыми клешами, рассекая Декабрьскую в сопровождении разнокалиберной кодлы. Руки все держали в карманах, с нижних губ свисали задумчивые охнарики, пыжились все одинаково, нахохленно, задевая приподнятыми плечиками кончики ушей. Веяло от кодлы анархистской бражкой и угаром нэпа одновременно: фигуранты словно вышагнули из старых забытых кинолент. Комизм усиливался откровенной зеленью парнишек.

Сергея с Пашей Таенковым в кодле не состояли. К Сергею уже тогда соваться не решались, а с генкиной попыткой добиться почтительности от маломогучего Паши вышел большой конфуз. Только «мазист» нахлобучил маленькому вольнодумцу кепку по самые ноздри, как тут же получил от него такой «привет» стоптанным ботинком между клешей, что долго икал, катаясь в пыльной колее. А когда встал, Паша уже заносил над ним половинку обожженного кирпича.

— Ты чё! Чокнутый? Я ж пошутил! — завякал озадаченный Генка.

В кодле не нашлось никого, кто кинулся бы на невзрачного Пашу. Эти уже учили его почтительности и больше не хотели: Пашу надо было или убивать сразу, или вообще с ним не связываться. Побитый, он не только не утратился, но, напротив, ожесточался. Он подстерегал «околомазистов» по одному и бил их колом так, что смотреть было страшно.

Генка пал последним. Больше к Паше не привязывались. Кодла соблюдала с ним вооруженный нейтралитет, хотя и вооружения-то всего было — один генкин шпалер: паскудная самоделка под мелкашечный патрон. Попасть из него было трудно и в банный таз с десяти шагов: из короткого ненарезного ствола мелкашечная пуля летела кувыркаясь, неметко и недалеко. Генка постреливал иногда по помойным ящикам, сортирам к удовольствию сопровождающих лиц. Те уважительно обнюхивали дырки:

— У-у, падла!.. Наскрозь! И пуля в очко ушла!..

Подкатывало лето, томными вечерами гуртилась молодежь у чьего-нибудь заплота...

— Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал... — напевал Генка под треньканье расхристанной гитары в тот замечательный майский вечер, когда сумасшедший черемуховый дурман охмурял притихшую Декабрьскую и нега надвигающегося лета томила души сладкими предчувствиями. Яркая лампочка со столба приветливо высвечивала новый сруб возле дяди-митинога дома, рассеявшихся на свежошкуранных бревнах «декабристов».

Пел Генка хорошо. Вот уж кого не обидел бог ни голосом, ни слухом. Дурацкая песенка звучала у него совсем не по-блатному, а мягко и лирично, сладкой мукой входя в незагрубелые сердца. Пел он каким-то самобытным, особым манером, отчего подпевать ему было невозможно.

Паша с Леной Свириной появились из темноты, как тень отца Гамлета — медленно и таинственно. Первая дама Декабрьской улицы в обнимку с первым вольнодумцем на глазах первого «мазиста»! Это было уже много...

Генка еще теребил струны, но песня оборвалась: при Ленке «мазист» напрочь терял свой дивный голос, переходя, неизвестно почему, на клетот бойцовского петуха.

Парочка уже проходила мимо последнего «декабриста», угнездившегося на сосновом комле, когда вслед ей раздался резкий генкин хмык:

— Цыпленок уточку, в одну минуточку...

Паша обернулся, как ужаленный:

— Ты! Трясун мохнорылый! Давно тебе клюв не чистили?

«Декабристы» хохотнули. Генка побледнел, это видно было даже при свете уличного фонаря. Он отложил гитару, медленно поднялся:

— Ты, окурок! Мне?

— Тебе! — осадил его Паша. — Вот этой теркой, — он быстро схватил из-под ног кирпичный обломок, ими щедро засыпали декабрьские грязи, — так начищу, как самовар блестеть будешь!

«Декабристы» хохотнули громче. Генка вдруг выхватил из кармана свой шпалер, наставил на Пашу...

Лена вскрикнула, схватила Павла за руку:

— Пойдем!.. Пойдем отсюда!..

— Пусти! — вырвал руку Паша. — А ну, ты, падаль, бросай пушку! Ну!?

— он резко замахнулся. — Считаю до трех!

Генка замер со своим нелепым оружием в вытянутой руке, видно было, как подрагивает короткий тупорылый ствол...

— Раз! — сказал Паша. — Два!..

Счет «три!» и выстрел прозвучали одновременно.

Пуля попала Паше в лоб. Кирпич выпал из обмякшей руки.

Умер Паша раньше, чем кто-либо успел произнести хоть слово...

Пашиного отца, Николая Изотовича, мужики сумели завалить и связать, когда он с белым лицом шел к избе Даринских с двустволкой в зачугуневших руках. Мужик он был невеликий, но трое соседей-приятелей отлетали от него, как горох от стенки. Семен Иванович, бывалый мужчина, изловчился-таки в сумятице свалки вывернуть стволы вверх и саданул дуплетом в ночное небо...

Раздавленному случившимся Генке дали восемь лет, и юность его на этом кончилась.

Пашина мать угасла тихо и скоро.

Николай Изотович остался один. Он бросил работу, перестал разговаривать с окружающими и родней, которая мало-мальски присматривала за ним. Как он жил и чем жил — непонятно. Пыльные окна таенковской избы сиротливо и немо смотрели на мир, не освещаемые никогда ни светом изнутри, ни потухшим фонарем снаружи. Опустившийся, заплошавший старик с остановившимися глазами редко выходил со двора. Любопытные ребятишки слышали иногда бормотанье: — Погодите... Я его узнаю... по голосу узнаю...

Всерьез старика давно уже не принимали.

Взрослели и разъезжались «декабристы», другие мальчики и девочки выходили теплыми вечерами под дивные черемухи, и другие песни звучали про все ту же неизменную любовь...

Время шло.

Генка объявился через восемь лет постаревшим на все двадцать восемь, был молчалив и необщителен.

А время шло. И уже генкин сынишка, Костя, сравнялся с ним ростом и был похож на отца удивительно.

— Вылитый Гена в молодости! — говорила Костику бабка.

И любим был Костик отцом необыкновенно, потому что и вправду унаследовал от него многое, особенно голос. Когда сын теплыми вечерами пел под гитару новым «декабристам» у старых изб, поседевший Генка плакал и долго потом не показывался на людях...

И в тот чудесный майский вечер, как и много лет назад, теплая нега охмуряла серые шалманы запахом цветущей черемухи, и на костины песни сходились «декабристы», открывались в домах окна, потихоньку, чтобы не нарушить чудо...

«... бейте в жизнь без промаха, все равно любимая отцветет черемухой...!» — пел в тишине Костя, пел так, как не пел никто и никогда... разве только его отец в молодости.

Пуля попала Косте в сердце, и он умер, не поняв, что произошло.

На той стороне улицы, у своих ворот, стоял старик Таенков с двустволкой в поникших руках...

Сергей Петрович долго еще сидел у пустынного перрона. Тихо облетали с веток черемуховые лепестки, горький и пряный запах их еще раз отозвался горькой памятью...

Из-за деревьев вновь показался Генка с велосипедом. Он сосредоточенно смотрел на педали и увещевал неведомого седока:

— Ну что ты, Костик, это же так просто!.. Надо плавно... вот так... я же говорил, что ты у меня молодец!

На изможденном генкином лице зарницей полыхнула робкая радость:

— Ну вот, видишь, как хорошо у тебя получается! Ты молодец, Костик!

Миша с лопатой.

Дурака звали Мишей. Иногда наоборот: Мишу звали дураком. Кому как нравилось, он всё равно не обижался ни на кого и ни на что. Тихий, безответный человек неопределённого возраста, с каким-то врождённым изьяном психики, неопасным для окружающих, жил он под ненавязчивой опекой вечно пьяной матери, а отца и вовсе не знал.

Заскорузлый, нечувствительный к невзгодам и необыкновенно выносливый, Миша перебивался случайными заработками. Горожане охотно брали его на разные ломовые работы: за миску щей и кус хлеба дурак мог хоть полгектарный огород перелопатить в один приём, хоть лесовоз брёвен в поленья сшинковать. Как перпетум-мобиле работал, без перекуров и социальных льгот. Кто посовестливее, платили ему за работу и деньги кое-какие. Так и жил-поживал, ничего не наживал.

С каких-то пор Миша стал работать грузчиком в гортопе, расположенном на городской окраине у кладбища. Выгружал уголь из вагонов-углярок на землю, затем откидывал эти угольные тонны лопатой от рельсов. Как конь работал. На эту каторгу подражались обычно лишь люди, попавшие в отчаянные обстоятельства, либо такие, как Миша. В бригаде грузчиков шла непрерывная ротация: одни уходили, другие приходили, чтобы заработать сколь-нибудь стоящие деньги, тоже уйти. Постоянными были два кадра: дурачок Миша и бригадир Кеша по прозвищу Чемпион – спившийся учитель физкультуры и бывший чемпион города по спортивной гимнастике.

В редкие минуты неопохмелённости, когда «прогорали трубы», Кеша корил соратника:

-Дурак ты и есть дурак, Миша. Хоть бы запил на неделю-другую. Не может нормальный человек пахать, как ты, загнётся...

Опохмелившись, Кеша становился остроумным и пророчески утешал Мишу в более возвышенном штиле:

Не пропадёт твой скорбный труд!
И дум высокое стремленье!
Тебе за труд медаль дадут!
А сам пойдёшь на удобренье!

И Кеша-Чемпион многозначительно показывал корявой дланью в сторону близких могил.

Миша только улыбался и махал лопатой без усталости. Он не садился передохнуть и тогда, когда вся артель перекуривала. Соратники смолили «приму» и индифферентно зудили дурака:

-Слышь, дурак, привязал бы к лопате счётчик, рекорд установил бы!.. Иль динаму!.. Ишь, старается, как в лагере за растрату, кадры на химию по половинке мылятся... Наддай, Миша, светлое будущее рядом!..

Для бригады Миша был выгоден: работал за троих, получал за одного. Мастер Пал Семёныч иногда отмечал беззаветного труженика небольшой дополнительной суммой, но это вызывало ропот грузчиков: неча дурака деньгами баловать, он и так как в коммунизме живёт!..

Миша и при социализме легко вписывался в главный принцип коммунизма «от каждого по способностям, каждому – по потребностям»: работал, как конь, потреблял, как птаха.

-Герой труда! – хлопал его по плечу Кеша. – Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а один Миша – два экскаватора!

Миша улыбался и махал лопатой ещё усерднее.

-Не запались! – предостерегали соратники. – Устал, брось лопату! Возьми другую!

Дурачок бросал лопату, брал другую и наддавал.

-Хорошо идёшь! – воодушевлял его Кеша-Чемпион. – Держать темп! Держать! Не тормози! Нето заклинит мотор от резкого перепада режима!

-Ха-ха-ха-ха!.. – сопровождал оратору грузчицкий хор.

Миша обливался грязным потом, страшно вздувались синие жилы на руках его и шее, дыхание срывалось, а он всё лопатил и лопатил.

Однажды шутники соорудили из стального листа огромную, как противень, лопату и торжественно вручили её Мише:

-Держи, брат! Именное орудие труда! За доблестный труд!

На толстом черене «именного орудия» была выжжена громадными буквами надпись: «Бери больше, кидай дальше, пока летит – перекуривай! Дурака работа любит!»

По неграмотности Миша не мог прочесть посвящение, но когда ему это озвучили, он лишь улыбнулся привычно. Принял дар и стал им работать. Видно было, что ворочать лопатой ему стало тяжелее, но он ворочал, показывая невероятную производительность безумственного труда.

-Герой! – благодушеествовал своевременно опохмелившийся Кеша. – В горсаду есть баба с веслом, а в гортопе – Миша с лопатой! С большой Лопатой с большой буквы!

-Ха-ха-ха-ха!.. – взвизывался грузчицкий смех. – Миша с Лопатой!

-Поставить Мише с Лопатой памятник при жизни! – несло Кешу.

Миша махал и махал именной Лопатой, не обращая внимания на суету вокруг него.

Взглянуть на дурака с диковинной Лопатой приходили люди со всей округи.

-Экий дурень! – дивились они. – Натурально Миша с Лопатой...

Словосочетание «Миша с Лопатой» стало не только мишиным вторым именем и олицетворением дурости, но и понятием нарицательным. Сопливые мальцы, заметив на улице бульдозер, вопили:

-Вон миса с лопатой едит!

Суровый прораб со стойки названивал диспетчеру:

- Пришли одного колёсного мишу и одного гусеничного!

И диспетер понимал его верно: высылал колёсный трактор «Беларусь» с ковшом и гусеничный ДТ-75 с ножом.

Миша с Лопатой стал живой легендой провинциального города.

Однажды очередные шутники наварили на мишиной Лопате борта. Миша заметил новшество и ничего не сказал. Стал работать усовершенствованной Лопатой, как прежней. Усилий теперь требовалось ещё больше, Миша пытался, как тройка загнанных коней, и, поднимая Лопату, старался держать её у самого основания черена.

Бригада привычно села передохнуть, оставив Мишу одного ковыряться в угольной куче. Покуривали, с любопытством наблюдая за дураком.

-Прёт, - привычно отметил один и сплюнул в сторону Миши с Лопатой.

-Прёт, - подтвердил другой.

-Дурака работа любит, - ритуально сострил третий.

Миша с Лопатой надсаживался в ударном темпе. И вдруг он замер. Лопата выпала из его рук, и сам он медленно осел в угольную кашу.

-Достало!.. – обрадовались грузчики. – нашла проруха на старуху!.. Укатили сивку крутые горки!.. Кишка тонка супротив Лопаты!..

Миша лежал, скорчившись, в угольной каше и, как всегда, не реагировал на остроты. Когда заподозрили неладное, вызвали «скорую». Мишу увезли.

Он умер в больнице в тот же день.

Нетрезвые гортоповцы похоронили Мишу с Лопатой рядом с угольным складом, на краю кладбища. По-бестолковости забыли обозначить могилу каким-нибудь крестом или пирамидкой. Потоптались возле свежего земляного холмика без знаков различия и подались в свой вагон-бытовку. Поминать.

Мастер Пал Семёныч принял со всеми два по сто и благо разумно смылся. Вовремя. Потому-что приняв в ударном темпе ещё раз пять по сто, грузчики начали ностальгировать.

-Эх, бляха-муха, хороший мужик был Миша с Лопатой... - завёл один.

-Он и без лопаты человек был! – сварливо сказал другой. – Не то, что некоторые...

-Ты на кого намякиваешь, коз-зёл!? – набычился третий. – А!?

-Ша, фраера! – огорчился четвёртый. – Без ваших соплей склизко!

Началась драка. Тесный вагон-балок качался, сокрушаемый изнутри костно-мясными ударами, но не разваливался, держался. В чреве его на минуту стихло, послышалось бормотание и бульканье. Потом донеслась песня, тоскливая, как хрип предсмертный. Потом в дверь стукнулось что-то одушевлённое и она вывалилась наружу, хотя отворялась внутрь, упала в грязь, а сверху на неё пал Кеша. Он полежал, встал на «четыре кости» и вполз в вагон...

Тризна продолжалась.

День перешёл в вечер, вечер в ночь. Упившиеся грузчики колобродили уже без всякой руководящей идеи, кто во что горазд. Что-то пытались безуспешно доказать друг другу. Пили за дружбу. Снова дрались. Зачем-то ходили к мишиной могиле. Снова и снова пили. Кто-то спал под лавкой. Кто-то обессиленно хрипел под обессиленными пальцами удушающего его собутыльника...

На кладбище было темно и тихо. Луна проковыривала иногда в облаках дырки, её мёртвенный свет озарял ненадолго местность, и тогда можно было видеть неаккуратный холмик мишиной могилы и воткнутую в него черенком вниз Лопату...

Миша с лопатой.

Дурака звали Мишей. Иногда наоборот: Мишу звали дураком. Кому как нравилось, он всё равно не обижался ни на кого и ни на что. Тихий, безответный человек неопределённого возраста, с каким-то врождённым

изьяном психики, неопасным для окружающих, жил он под ненавязчивой опекой вечно пьяной матери, а отца и вовсе не знал.

Заскорузлый, нечувствительный к невзгодам и необыкновенно выносливый, Миша перебивался случайными заработками. Горожане охотно брали его на разные ломовые работы: за миску щей и кус хлеба дурак мог хоть полгектарный огород перелопатить в один приём, хоть лесовоз брёвен в поленья сшинковать. Как перпетум-мобиле работал, без перекуров и социальных льгот. Кто посовестливее, платили ему за работу и деньги кое-какие. Так и жил-поживал, ничего не наживал.

С каких-то пор Миша стал работать грузчиком в гортопе, расположенном на городской окраине у кладбища. Выгружал уголь из вагонов-углярок на землю, затем откидывал эти угольные тонны лопатой от рельсов. Как конь работал. На эту каторгу подряжались обычно лишь люди, попавшие в отчаянные обстоятельства, либо такие, как Миша. В бригаде грузчиков шла непрерывная ротация: одни уходили, другие приходили, чтобы заработать сколь-нибудь стоящие деньги, тоже уйти. Постоянными были два кадра: дурачок Миша и бригадир Кеша по прозвищу Чемпион – спившийся учитель физкультуры и бывший чемпион города по спортивной гимнастике.

В редкие минуты непохмелённости, когда «прогорали трубы», Кеша корил соратника:

-Дурак ты и есть дурак, Миша. Хоть бы запил на неделю-другую. Не может нормальный человек пахать, как ты, загнётся...

Опохмелившись, Кеша становился остроумным и пророчески утешал Мишу в более возвышенном штиле:

Не пропадёт твой скорбный труд!
И дум высокое стремленье!
Тебе за труд медаль дадут!
А сам пойдёшь на удобренье!

И Кеша-Чемпион многозначительно показывал корявой дланью в сторону близких могил.

Миша только улыбался и махал лопатой без устали. Он не садился передохнуть и тогда, когда вся артель перекуривала. Соратники смолили «приму» и индифферентно зудили дурака:

-Слышь, дурак, привязал бы к лопате счётчик, рекорд установил бы!.. Ишь динаму!.. Ишь, старается, как в лагере за растрату, кадры на химию по половинке мылятся... Наддай, Миша, светлое будущее рядом!..

Для бригады Миша был выгоден: работал за троих, получал за одного. Мастер Пал Семёныч иногда отмечал беззаветного труженика небольшой дополнительной суммой, но это вызывало ропот грузчиков: неча дурака деньгами баловать, он и так как в коммунизме живёт!..

Миша и при социализме легко вписывался в главный принцип коммунизма «от каждого по способностям, каждому – по потребностям»: работал, как конь, потреблял, как птаха.

-Герой труда! – хлопал его по плечу Кеша. – Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а один Миша – два экскаватора!

Миша улыбался и махал лопатой ещё усерднее.

-Не запались! – предостерегали соратники. – Устал, брось лопату! Возьми другую!

Дурачок бросал лопату, брал другую и наддавал.

-Хорошо идёшь! – воодушевлял его Кеша-Чемпион. – Держать темп! Держать! Не тормози! Нето заклинит мотор от резкого перепада режима!

-Ха-ха-ха-ха!.. – аккомпанировал оратору грузчицкий хор.

Миша обливался грязным потом, страшно вздувались синие жилы на руках его и шее, дыхание срывалось, а он всё лопатил и лопатил.

Однажды шутники соорудили из стального листа огромную, как противень, лопату и торжественно вручили её Мише:

-Держи, брат! Именное орудие труда! За доблестный труд!

На толстенном черене «именного орудия» была выжжена громадными буквами надпись: «Бери больше, кидай дальше, пока летит – перекуривай! Дурака работа любит!»

По неграмотности Миша не мог прочесть посвящение, но когда ему это озвучили, он лишь улыбнулся привычно. Принял дар и стал им работать. Видно было, что ворочать лопатой ему стало тяжелее, но он ворочал, показывая невероятную производительность безумственного труда.

-Герой! – благодушествовал своевременно опохмелившийся Кеша. – В горсаду есть баба с веслом, а в гортопе – Миша с лопатой! С большой Лопатой с большой буквы!

-Ха-ха-ха-ха!.. – взвизвался грузчицкий смех. – Миша с Лопатой!

-Поставить Мише с Лопатой памятник при жизни! – несло Кешу.

Миша махал и махал именной Лопатой, не обращая внимания на суету вокруг него.

Взглянуть на дурака с диковинной Лопатой приходили люди со всей округи.

-Экий дурень! – дивились они. – Натурально Миша с Лопатой...

Словосочетание «Миша с Лопатой» стало не только мишиным вторым именем и олицетворением дурости, но и понятием нарицательным. Сопливые мальцы, заметив на улице бульдозер, вопили:

-Вон миса с лопатой едит!

Суровый прораб со стойки названивал диспетчеру:

- Пришли одного колёсного мишу и одного гусеничного!

И диспетер понимал его верно: высылал колёсный трактор «Беларусь» с ковшом и гусеничный ДТ-75 с ножом.

Миша с Лопатой стал живой легендой провинциального города.

Однажды очередные шутники наварили на мишиной Лопате борта. Миша заметил новшество и ничего не сказал. Стал работать усовершенствованной Лопатой, как прежней. Усилий теперь требовалось ещё больше, Миша пыхтел, как тройка загнанных коней, и, поднимая Лопату, старался держать её у самого основания черена.

Бригада привычно села передохнуть, оставив Мишу одного ковыряться в угольной куче. Покуривали, с любопытством наблюдая за дураком.

-Прёт, - привычно отметил один и сплюнул в сторону Миши с Лопатой.

-Прёт, - подтвердил другой.

-Дурака работа любит, - ритуально сострил третий.

Миша с Лопатой надсаживался в ударном темпе. И вдруг он замер. Лопата выпала из его рук, и сам он медленно осел в угольную кашу.

-Достало!.. – обрадовались грузчики. – нашла проруха на старуху!.. Укатали сивку крутые горки!.. Кишка тонка супротив Лопаты!..

Миша лежал, скорчившись, в угольной каше и, как всегда, не реагировал на остроты. Когда заподозрили неладное, вызвали «скорую». Мишу увезли.

Он умер в больнице в тот же день.

Нетрезвые гортоповцы похоронили Мишу с Лопатой рядом с угольным складом, на краю кладбища. По-бестолковости забыли обозначить могилу каким-нибудь крестом или пирамидкой. Потоптались возле свежего земляного холмика без знаков различия и подались в свой вагон-бытовку. Поминать.

Мастер Пал Семёныч принял со всеми два по сто и благоразумно смылся. Вовремя. Потому-что приняв в ударном темпе ещё раз пять по сто, грузчики начали ностальгировать.

-Эх, бляха-муха, хороший мужик был Миша с Лопатой... - завёл один.

-Он и без лопаты человек был! – сварливо сказал другой. – Не то, что некоторые...

-Ты на кого намякиваешь, коз-зёл!? – набычился третий. – А!?

-Ша, фраера! – огорчился четвёртый. – Без ваших соплей склизко!

Началась драка. Тесный вагон-балок качался, сокрушаемый изнутри костно-мясными ударами, но не разваливался, держался. В чреве его на минуту стихло, послышалось бормотание и бульканье. Потом донеслась песня, тоскливая, как хрип предсмертный. Потом в дверь стукнулось что-то одушевлённое и она вывалилась наружу, хотя отворялась внутрь, упала в грязь, а сверху на неё пал Кеша. Он полежал, встал на «четыре кости» и вполз в вагон...

Тризна продолжалась.

День перешёл в вечер, вечер в ночь. Упившиеся грузчики колобродили уже без всякой руководящей идеи, кто во что горазд. Что-то пытались безуспешно доказать друг другу. Пили за дружбу. Снова дрались. Зачем-то ходили к мишиной могиле. Снова и снова пили. Кто-то спал под лавкой. Кто-то обессиленно хрипел под обессилевшими пальцами удушающего его собутыльника...

На кладбище было темно и тихо. Луна проковыривала иногда в облаках дырки, её мёртвенный свет озарял ненадолго местность, и тогда можно было видеть неаккуратный холмик мишиной могилы и воткнутую в него черенком вниз Лопату...

Банний выход

Женьку Завалишина в кабинет директора классная руководительница привела за ухо. Пацан упирался, но шел...

— Вы посмотрите, Василий Прокопьевич, что он творит, а! В тринадцать-то лет что себе позволяет, а! Вы только посмотрите, в каком виде он изобразил Зинаиду Михайловну! И всем показывает!

Валентина Петровна и всегда-то отличалась завидным румянцем, а сейчас лицо ее просто пылало. Она положила перед директором на стол изрядно помятый тетрадный листок, бросила Женьке последнее «негодяй!» и вышла.

Василий Прокопьевич взял листок, посмотрел, и краснеть начал с лысины... Сверху корявая надпись сообщала: «Училка Зинаида совершает банний выход в Урбеево озеро». Ниже изображался сам выход: голая женская фигура с веником то ли шла, то ли бежала от собачьей будки с надписью «Баня» в никуда: на пути следования никаких изображений больше не было. Туловище у женщины было развернуто как у египетского фараона: фас на зрителя, а голова и ступни ног влево... От запарки, что ль?.. Как она при этом умудрялась еще и двигаться, было совсем непонятно.

Женька стоял перед директором в похожей позе: туловище в фас, голову отвернул чуть не на сто восемьдесят градусов. Только кроссовки уткнулись носами друг в друга.

Пауза затягивалась.

Василий Прокопьевич чувствовал, что надо хоть что-то сказать, но сказать ему было нечего...

— Ты что это, — начал директор огорчительно, — голых женщин начал уже рисовать?

Вопрос прозвучал глуповато: при всем желании изображенную фигуру нельзя было принять за мужика.

Женька зыркнул настороженно, но без страха, ничего не ответил.

— Отвечай, если спрашивают! — Василий Прокопьевич взял на полтона выше. — Умел напакостить, умей и отвечать! В последний раз спрашиваю... — тут директор запнулся, почувствовав, что выходит совсем уж глупо... от такого понимания он растерялся окончательно и, не придумав ничего умнее, неожиданно ляпнул:

— Вот поймает тебя муж Зинаиды Михайловны, нахлещет по щекам и правильно сделает!..

«Негодяй» хмыкнул, посмотрел на директора уже с откровенным любопытством: муж от Зинаиды Михайловны сбежал еще в прошлом году, об этом знала вся деревня...

Вспомнив об этом обстоятельстве, Василий Прокопьевич перестал краснеть и начал бледнеть. У него вдруг появилось такое ощущение, будто он вышел на улицу, забыв надеть штаны...

Жил он в этой деревне всего два месяца и, конечно, многого еще не знал, но о том, что учительница физкультуры Акулова Зинаида Михайловна разведена и одиноко проживает в родной деревне в совхозной квартире, выделенной когда-то ее мужу, механизатору широкого профиля Сергею Акулову, ему было известно...

Прозвенел звонок на следующий урок. Женька смотрел на директора выжидательно, помалкивал. А тот снял зачем-то очки и начал протирать их галстуком. Ученик коротко хохотнул. Василий Прокопьевич поднял на него невидящие глаза и принялся еще усерднее тереть оптику...

В приоткрывшуюся дверь заглянула Зинаида Михайловна Акулова:

— Можно?

— Конечно... — сказал директор, надел очки...

— Мне Валентина Петровна сказала, что у вас говорят сейчас про какой-то мой портрет. Что за портрет?

— Да вот... — замялся Василий Прокопьевич, он протянул было руку за листком, но Зинаида Михайловна опередила...

— Ого! — то ли огорчилась, то ли восхитилась учительница. — Какой Пикассо так расстарался?

— Вот... — Василий Прокопьевич растерянно кивнул на Женьку.

Зинаида Михайловна посмотрела на пацана, покачала головой:

— Экий ты право, братец... Зачем же такой толстой меня нарисовал? Ты что? А ну, глянь сюда — где ты увидел такие телеса?

Учительница, подбоченясь, уставилась на Женьку. И надо сказать — художник, действительно, перестарался: даже сейчас, обтянутая элегантным спортивным костюмом, Зинаида Михайловна смотрелась весьма изящно. Стройная, точеная фигурка явно ничего общего не имела с изображением на листке...

Женька отвернулся, но видно было, что уши у него пламенеют.

— Нет уж, дружок, — качала головой Зинаида Михайловна, — ноги у меня совсем не так вывернуты... а живот! Да где ж ты у меня такой живот-то видел? А ну, смотри сюда, чего нос воротишь?

Женька с Василием Прокопьевичем краснели молча.

Директор встал, вышел из-за стола, потянулся за листком, но Зинаида Михайловна не отдала.

— Нет уж! Хоть и не похожа, но впервые в жизни меня нарисовали! Сохраню на память, покажу лет через тридцать Женьке: смотри, как ты меня рисовал! Завтра же закажу рамочку и повешу дома на стене. И снизу имя автора, как в музее.

Зинаида Михайловна отвела руку с рисунком в сторону, рассматривала, прищурившись:

— А впрочем, что-то тут есть...

Женька вдруг кинулся к учительнице и попытался цапнуть листок, но та ловко увернулась:

— Нет уж, голубчик!

— Отдай! — сдавленным голосом крикнул Женька, засуетившись вокруг Зинаиды Михайловны.

— Нет! Ни за какие деньги! — засмеялась Зинаида Михайловна. — Что ты! Такая память!.. — Она грациозно повернулась и ушла легкой, танцующей походкой, оставив взамен унесенного творения легкий аромат нежнейших французских духов.

Женька метнулся было следом, но Василий Прокопьевич успел поймать его за рукав: «Погоди!» Он усадил пацана на диван, сел рядом:

— Где это ты видел такой банный выход?

— А чё его видеть, все смотрят... — буркнул пацан.

— Подсматриваете, что ли? — нахмурился директор.

- Не... — покраснел Женька, — она сама...
- Что сама?
- Из бани выскакивает и в озеро... рядом же...
- Как в озеро? — удивился директор. — В сентябре-то?
- В сентябре... — хмыкнул Женька, — она и до снега купается! А из парной-то и зимой на мороз выскакивает, в проруби окунается...
- Вот оно как... — протянул директор, — как моржи в кино...
- Я тоже видел по телеку, — сказал Женька, — там не верится...
- Да, я тоже взаправду-то сам никогда таких не видел... Надо же, деревня, глухомань и такое! — удивлялся директор.
- Одна она у нас такая, — сказал Женька, — ее же и мужик через это бросил... такие у них битвы были!.. С матерью и сейчас ругаются...
- Ну, а рисовать-то, того... нехорошо, брат...
- А я и не рисовал, — просто сказал Женька.
- Как? — удивился Василий Прокопьевич. — А... — он опять запнулся, не зная, что сказать.
- Мишка это Сапрыкин нарисовал, я увидел и отобрал, а Валентина Петровна как раз тут как тут... Увидела у меня в руках, отняла, ну началось... такой крик подняла на весь коридор, а ведь порвать я хотел...
- А у Зинаиды Михайловны зачем отбирал, если не ты рисовал?
- Да она ж такая, точно повесит на стенке.
- Ну и что?
- Как что? Мать увидит — опять заругает Зинку!
- Какую Зинку? — не понял директор.
- Ну, Зинаиду Михайловну, — нехотя поправился Женька, — сестра же она мне...
- А-а... — сказал Василий Прокопьевич. — А непохожи...
- Отцы у нас разные, — пояснил Женька.
- Да?.. — растерялся директор.
- Да, — сказал Женька, — Зинкин-то отец, говорят, убег после того, как маманя гармошку купила и в избе каждый вечер наигрывать стала... Лаялись они, пока отец ту гармошку не изрубил. Так маманя его мотоциклет спалила...
- Сумасшедшая! — вырвалось у Василия Прокопьевича.
- Вот и Николай так сказал, когда от Зинки убежал...
- Да уж... — опять покраснел Василий Прокопьевич, — все-то ты знаешь...
- Так все ж говорят, — заоправдывался Женька, — говорят еще...
- Ну, ладно, хватит-хватит! — замахал руками директор. — Ступай, ступай в класс...
- Пацан пожал плечами, вышел.
- «Тайны мадридского двора в подлесовском варианте, — подумал Василий Прокопьевич, — воспитывай их тут при такой демократии...»
- В коридоре послышался шум, крик...
- В кабинет директора Женьку Завалишина Валентина Петровна втащила за ухо. Пацан упирался, но шел...
- Нет! Вы только подумайте, Василий Прокопьевич. Вы только подумайте! Этот негодяй сейчас Мишу Сапрыкина головой в урну запихал!..

— Сумасшедший! — вскипел было директор, но осекся. — Ладно, Валентина Петровна, мы с ним разберемся.

1988

Сверч поганый

Сверхсрочник Боря Нечитайло отмечал сразу три события: годовщину развода, своё тридцатилетие, и 400-летие русской балалайки. События не имели между собой внутренней связи, объединяли их внешние обстоятельства – выпали на один день и всех их Боря оценивал знаком «плюс».

Развод с женой, неистовой татаркой Минирой Закирьяновной, Боря считал событием не менее положительным, чем освобождение Руси от татаро-монгольского ига. За девять лет совместной жизни Боря пережил десять тысяч её истерик и вырос в звании от «моего пушистика» до «сверча поганого».

Возможность отметить тридцатилетие в своём углу – фактор тоже положительный: не у всякого военспеца к этому времени своё жильё имеется. И если бы в порыве злости Минира не ускакала из Полтавы жить к маме в Казань, то Боре впору было бы бежать из дома к папе в Магадан.

А 400-летие русской балалайки отмечалось по совокупности. Боря вычитал в старом численнике эту дату и приплюсовал её к двум предыдущим для кворума: бог троицу любит. Кто посмеет считать божий промысел явлением отрицательным? Дружок Вова Ширлинг пытался оспорить возраст балалайки в сторону его уменьшения: дескать, в других источниках её рождение относят к восемнадцатому веку. Но Боря эту ересь удавил в зародыше с помощью того же чудо-численника: там указано, дескать, что балалайка упоминается в летописях эпохи Иоана Грозного одновременно с началом покорения Сибири! Шестнадцатый век! Может, уже сам Ермак играл на балалайке! А это никак не позднее 1585 года: именно тогда погрузился окольчуженный атаман в Иртыш под натиском превосходящих сил злокозненных татар.

Ширлингу крыть было нечем: численников он не читал. Тогда он уел Борю концептуально:

- Не лгите мне в глаза, мон шер! Не татары вломились в русские земли, а банда русских разбойников под командой Ермака вломилась в исконно татарские земли! Убивали и грабили, пока татары им «мусала не начистили!» И не хрена героя делать из душегуба.

-Я про балалайку, а ты о моральном кодексе строителя феодализма!
–Возразил Боря. - Причём тут чикагская полиция, если в Одессе курыдохнут?

Пришлось Ширлингу признать право балалайки на собственную судьбу.

Так что день получался вполне знаменательным.

Товарищи по оружию заранее были оповещены о «времени «че»: сборе у именинника. А когда огромный «мясищев» после долгого полёта возвращался к своему полтавскому аэродрому, радист Нечитайло ещё раз напомнил:

-В семь вечера у меня!

-О-ес, герр сержант! - отозвался командир.

-Как партия учила! - подвёл идейную базу штурман.

Остальные в знак согласия промолчали.

«Мальчишник » в однокомнатной берлоге Бори удался. За именинника пили до дна. Командир, майор Ершов, от имени и по поручению экипажа вручил виновнику торжества подарок – магнитофон с записями обожаемых им «битлов»: знали, чем достать радиомеломана. Штурманы капитан Шагаев и старлей Когут дуэтом спели самодельную оду о героических происках стрелка-радиота Нечитайло. Бортинженер майор Подкатов и командир огневых установок капитан Макарич показали диковинную пантомиму, имитирующую бегство Минеры из-под Полтавы после финального разбиения цветочного горшка о голову мужа. Потом второй пилот капитан Нужный так сыграл на гитаре полонез Огинского, что Боря прослезился, а второй радист старшина Ширлинг от переизбытка чувств присоединился к другу. Даже борин «мраморный» дог Баламут, степенный кобель с невозмутимым нравом, оживился при чарующих звуках и подвыл басом.

-Шибко хороший люди! – Чмокнул Ширлинг Баламута во влажный «нюх». – Всё понимает!

Потом пили «за освобождение от супостата» – в полку знали о многолетней драме в бориной семье, и сочувствовали ему, а теперь радовались годовщине избавления.

-Девять лет!.. – стенал Ширлинг. – Девять лет в одной клетке с тигрицей!.. Я, конечно, аплодирую бориной отваге, но лучше бы он на козе женился. Девять лет!..

-И почему не считают ему выслугу, как на войне – год за три!? – сокрушался окосевший командир. – Это сколько получилось бы?

-Девяносто лет множим на три... - забубнил ещё более нагруженный штурман Когут. – Это будет... Это будет...

-Почему девяносто? - возразил Ширлинг. – Девять!

-Приравнивается! – пресёк возражения Когут. – Это будет...

-Короче, бешенные деньги! – подытожил командир. – Триста лет службы в рэкэка! В тридцать собственных лет. Ты уникал, Боря! Наливай!..

Выпили.

-Родила бы твоя Минира, глядишь, злость из неё и изошла б. – Заметил Подкатов. – Моя Люська вон тоже спектакли устраивала, пока Коська не появился...

-За тех, кто в море! – поднял бокал Боря, заминая тему.

Выпили. За тех, кто в море. На море. Над морем. В земле. На земле. Над землёй.

За 400-летие русской балалайки пили «отдельной строкой». Все отметили особый, мистический смысл в её трёхструнности, как и вообще числа «три» в русской жизни: три струны, три богатыря, три аккорда, три тропы, три судьбы, скинуться «на троих», трое вышли из леса и оба в валенках... - всё полностью укладывалось в священную формулу «бог троицу любит».

Хорошо сидели. Далеко за полночь Боря расцеловался с последним уходящим гостем, прошёлся по вмиг поскучевшей комнате и сел в кресло. Рука сама дотянулась до бокала с вином, опрокинула его в нужном направлении. Магнитофон тихо мотал кассету с «битлами», домотал и остановился. Пёс Баламут укориженно порассматривал хозяина, не реагирующего на окончание песнопений, нехотя поднялся и

подошёл к растерзанному столу: выел из гастрономического натюрморта колбасу и опять вернулся на свой коврик у двери.

Боря спал. Снился ему «мясищев», взлетающий для несения боевого дежурства на маршруте Полтава – Шпицберген – Исландия – через Азорские острова к экватору, и назад в сторону Полтавы. Долго разбегается «лайба» по бесконечной бетонке, земное притяжение силой в двести сорок тонн взлётногo веса держит ее на дне воздушного океана, как цепь якорная. Ревут турбины на форсаже, гонят Земной шар от себя, и вот приподнялась машина «на цыпочки» и... Отслоилась бетонка от колёс, разом осела Земля, вниз пошла...

Взлетели.

Ещё бы и сесть так же в конце полёта.

А то, что в промежутке – не главное.

Промежуток – это 27 часов беспосадочного полёта. Две дозаправки в воздухе. Восемь человек экипажа. Точнее, девять – сегодня к штатному личному составу «пристегнули» старлея Костю Беженцева, специа-электронщика по организации радиопомех для потенциального противника. Все – одна семья: если грохнутся, то все вместе, если жить, то тоже всем вместе. И господь бог на всех один – командир майор Ершов. Ему и молятся...

Торчит Боря в своей конуре стеклянной, наблюдает, как удивительно быстро меняются картинки на глобусе под ним: вроде только что зеленели там пуши российские, а уже заполярные пейзажи пошли – совсем маленькая планета стала в век «пара и электричества»...

Несёт «мясищев» двенадцатитонную ракету с ядерной боеголовкой, как слон былинку. И ещё семь таких же «мясоедов» с такими же ракетами на борту идут где-то параллельными курсами за пределами видимости – эскадрилья рассеялась над океаном, и только штурманы видят на экранах радаров положение каждого бомбёра в отдельности и общее направление движения всех вместе.

Бдит Боря за эфиром на своей частоте и за своим сектором обстрела. Ширлинг бдит переднюю полусферу, Боря – заднюю. Спаренные пушки зырят в небеса, выискивая цель, достойную их внимания. Цели нет. Её никогда и не было, но считается, что она может быть. Поэтому надо бдить. Зачем это надо и кому, Боря тоже не знает. Знает лишь, что так положено. Волей партии и правительства Боря со товарищи барражируют в небесах с атомной «приблудой» на страх врагам и радость прогрессивного человечества. Он не верит в атомную войну. Но знает, что родину надо защищать. Даже если неясно от кого защищать её за морями-океанами у чужих берегов.

Режет «мясищев» суперкрыльями воздух Атлантики, ревут за бортом не слышимые Борей турбины, а в наушниках тишина: как вымерло человечество. Только силуэтится далеко внизу Исландия, очертания Рейкьявика наплывают из-за горизонта. Маленькая планета, размышляет Боря, и люди на ней ничтожны до полной незаметности, меньше инфузорий в пересчёте на относительные величины, а сколько апломба! Всё что-то делят, грызутся, границы лепят, которых всё равно не видно с неба. А как бы хорошо жилось без всех этих границ, грызни и орудий убийства! Жили бы кто где хотел, путешествовали, общались. Зачем убивать друг друга?.. Тогда изобрёл бы авиаконструктор Мясищев

Владимир Михалыч не бомбовоз вот этот, а лайнер в грузовом и пассажирском вариантах: хошь вахтовиков вози с Ямала на юга и обратно душ по тыще одним рейсом, хошь редиску из Полтавы в Магадан тонн по сотне, а лучше – пиво бочек по семьсот...

Безыдейные мечты обуяли отличника боевой и политической подготовки Нечитайло. Даже лещ вяленый пригрезился, когда под крылом гейзеры закурились. Правда тут же вслед за лещом взгрезилась Минира в натуральную величину и леща отобрала, стукнула им экс-мужа по голове... Боря вздрогнул и отогнал виденье.

И вдруг увидел: натовский «фантом» идёт крыло в крыло с его «мясищевым»! Фюзеляж у супостата разрисован, как сортир полтавский: бабы голые, тузы карточные, бутылки винные с надписями нецензурными – сплошная аморалка! А из кабины пилот американский, негр кирзовый, рожи подлые корчит! Заметил, гад, что радист первого класса, «ворошиловский стрелок», сержант Советской Армии и военно-воздушных сил союза ССР, член КПСС Нечитайло Борис Николаевич за ним наблюдение ведёт!

И ведь не отстаёт и не отрывается от «мясищева», стервец. И жертва апартеида рожи корчит!

-Пошёл ты, хрен моржовый, знаешь куда!? – воскликнул Боря.

-Знаю! – раздалось вдруг в наушниках по-русски так чисто, будто негр был вятского происхождения.

-Тогда отойди от ракетноносца!

-Ракетноносца! – передразнил негр. - Не ракетноносец, а рогоносец! Тебя, рогатого, на убой везёт! Потому мясищевым и зовётся! Говядина ты тупая, мясо пушечное! – враг ослабил гаже прежнего и выржал по-конски – Буо-о-о-о-а!..

Боря твёрдо знал, что не может сейчас донестись из наушников ничего русско-американского, и уж тем более от визуально наблюдаемого противника. А этот визуально наблюдаемый противник рожи корчит и оскорбления выкрикивает советскому сержанту! И вдобавок из-под буржуазного триплекса пальцы-рожки над своим высотным скафандром показал!

И борин пацифизм мигом улетучился.

-Ах ты, пёс троекуровский! – осерчал Боря. – Очередью тебе в бочину шаркнуть, что ли!?

-Это я тебя шаркну! Так шаркну, что рога у тебя сначала выпрямятся, потом отвалятся! Молись своим богам, хлопчик!

-Ты что, ошалел!? – оторопел Боря. – Я ж не один тут! Девять душ на борту!

-Ну и что? Девятью больше, девятью меньше, кто вас там считал? Зато мне награда будет! За бдительность! Остановлю агрессора на подступах к родной земле! Сохраню мирное небо над ней! Спи спокойно, страна родная! Пролью кровь за тебя!...

-Погоди!.. Воздержись!.. – застонал Боря от вражей патетики, а сам втихаря пытается развернуть свою спаренную пушку в сторону супостата, но не разворачивается пушка, заколодило её!

А негр зырит на Борю понимающе, и ухмыляется:

-Не суетись, паренёк. Поздно. Сейчас я вас всех на корм рыбам сшинкую.

-Погоди!.. Погоди малость, братан!.. Я щас!.. – взмолился Боря, и рвёт, рвёт рычаги пушки в нужную сторону, и снова нет движения.

-Не бойся! – успокаивает негр. – Это не больно! Как укол в попу: пах!.. И всё кончено! Тебя уже нет! Нечему болеть и бояться! Я хороший стрелок, мучить не стану, с первого залпа сниму вас!

Крутанул «фантом» вираж и зашёл «мясищеву» в хвост, неспешно сближается, чтобы аккуратно расстрелять его с короткой дистанции.

Рвёт Боря «спарку» изо всех своих сил, а толку – ноль. Взвыл он от отчаяния, жутко занехотелось пропадать так вот запросто, жизнь как охнарик выкидывать псу этому чёрному под хвост...

-Погоды!!! – взревел Боря. - Мне ж ещё тридцатник отметить надо! Друзья приглашены! Водка в холодильнике стынет!

-Ты уже отметил! – разоблачил негр. – И маг с битлами тебе уже подарили!

-Нет! Это мне только приснилось, что отметил! Фактически не успел! Вот вернёмся из полёта, тогда...

-Ох, и врать вы, русские!

-Я не русский! Хохол я!

-Один хрен – сивушники. Ладно, некогда мне. Кончать тебя пора. Давай, перекрестись и амба: ты у меня в прицеле.

Боря заплакал.

-Сообщи на память, как тебя звать-то. – Сжалился палач. - Помяну.

-Жора. – На всякий случай дезинформировал противника Боря. – Георгий. Джордж по-вашему.

-Джордж! – озарился негр. – И я Джордж! Вот это номер! Ты случаем не с Брайтона? А, Жора?

-Ты, козёл, ещё издеваться!? – психанул Жора, фактически являющийся Борей. – Из Магадана я! Понял!? В гробу видал твой Брайтон! Кончай базарить, козья морда! Стреляй!

Фантом подвалил ближе и оцепенел в позе кобеля перед случкой.

Боря зажмурил глаза и до ломоты в пальцах сжал гашетки. И пушка загрохотала! Снаряды со скоростью 1250 выстрелов в минуту смертоносной струёй заливали заднюю полусферу за бомбёром.

-Получай, падла! – вопил Боря. – За всё хорошее и на тыщу лет вперёд! А-а-а!.. Горишь, курва!!!..

- Сам ты курва! – вскричал негр странно визгливым бабским голосом, будто не он только-что утешал «Жору» вальяжным баритоном с раскатистыми гласными.

Отдачей от скорострельной пушки Борю трясло, как на вибростенде, но он не отцеплялся от рукояток и продолжал поливать вселенную:

-Получай, курва!

-Получай и ты, курва! – страшно завизжал негр, и невероятным образом с пятидесятиметровой дистанции, через бронебойный триплекс рассекая полукосмический вакуум внезапно удлиннившимися руками, вцепился в русые кудри на боре-жориной голове. – С паршивой овцы хоть шерсти клок!..

И с треском содрал с Бори скальп.

Боря в ужасе проснулся. Перед ним торчала Минира, вцепившаяся в его кудри.

-Сколько можно будить! - орала она. – Ты на службу думаешь идти!? Или мне в полёт собираться!? Говорила вчера скотине: не пей раньше времени! После полёта именины свои поганые мог справить! Нет, наакался!.. Господи! Навязалось чучело хохляцкое на мою голову! Девять лет! Девять лет живу, как в тылу врага! В рабстве хохляцком! О, боже...

Она снова изо всех сил встряхнула Борю:

-Да проснись же ты, сверч поганый!!!

2002

Звёздный час

Антонина Ивановна весь день была в подавленном состоянии. Утром огорчил сын, недовольный тем, что вместо положенных ему ежедневно на карманные расходы тридцати рублей мать выдала двадцать, да ещё медяками.

-Как подаяние нищему! – Укорил Сергей.

-Знаешь что!? – вспылила мать. – Я в твоём возрасте уже своим родителям помогала! Если тебе не нравятся эти деньги, иди и заработай сам! Свои! Какие хочешь! А у меня других денег нет! Ишь, аристократ, только крупными купюрами он принимает! А ну, давай деньги назад!

-Ладно, ладно... - стушевался Сергей. – На своих двоих мне топать десять верст до университета, что ли...

Он быстро собрался и хлопнул дверью.

В крохотной двухкомнатной квартирке установилась тишина. Антонине Ивановне пора было собираться в поликлинику на приём к врачу. Стала одеваться и обнаружила, что нет «присутственной» кофты, сообразила, что её могла надеть дочь, и рассердилась: совершенно бесцеремонная девица! Вчера Лида ушла ночевать к подруге Ирине, дескать, у неё родители уехали в командировку, и Ирина боится ночевать одна. Лида предупредила, что утром не заходя домой пойдёт в школу. Антонина Ивановна не верила ни дочери, ни её подруге, но выяснять истину не было сил: шестнадцатилетняя Лида совсем отбилась от рук, и мать ни во что не ставила, огрызалась и скандалила при любой попытке ограничить её свободу. В прошлом году за неуспеваемость и пропуски уроков её не перевели из девятого класса в десятый, теперь снова училась в девятом, и училась хуже прежнего...

Антонина Ивановна уже выходила из квартиры, когда зазвонил телефон.

-Да. – Обречённо выдохнула в трубку Антонина Ивановна, давно не ожидающая от телефона никаких радостных известий.

-Это квартира Мигаевых? Антонина Ивановна! Антонина Ивановна!.. Это я, Галина Фёдоровна, классная руководительница вашей дочери! Вы меня слышите!?

-Слышу. – Выдохнула Антонина Ивановна, и снова тяжело вздохнула, ощущая невыносимую усталость, навалившуюся вдруг на неё.

-Придите немедленно в школу! Прямо сейчас! Ваша Лида тут... Её надо домой срочно увести! Срочно!

-Что случилось? – осела на стул Антонина Ивановна.

-Ну... ну... В общем, она... Пьяная она! Ждём вас в кабинете завуча!

-О господи... - пробормотала Антонина Ивановна, чувствуя, как тоскливый туман наполняет голову и гасит мысли.

Антонина Ивановна будто во сне дошла до школы, вошла в кабинет завуча, забыв поздороваться с Галиной Фёдоровной, немо кивнувшей ей, и увидела полулежачую в кресле Лиду: лицо её было бледно, в глазах тускнела бессмысленность. Заплетающимся языком она маловразумительно бормотала:

- Ну и чо... клёво ночь посидели... Мальчики хорошие были... Да... И портвейн хороший... И ещё этот...как его... Бурбон... А чо... мы прямо в

школу и пошли... пива по пути добавили...Ирка говорит с горла лучше... А мне нехорошо стало...

-Вы представляете, Антонина Ивановна! – взволнованно доложила Галина Фёдоровна, - она прямо у доски упала! Её отвечать вызвали, она пошла, и упала... Боже мой... Боже мой...

Мать повела дочь домой. Вела кружным путём, инстинктивно выбирая безлюдные в этот час переулки городской окраины, и действительно никого не встретили. Уже возле своей девятиэтажки увидела выходящую из подъезда соседку Елену Григорьевну и резко дёрнула дочку назад, за кирпичный угол. Лиду вырвало. Антонине Ивановне казалось, что она сойдёт с ума, если Елена Григорьевна повернёт в их сторону. Но та пошла в другую.

Дома мать уложила совсем ослабевшую дочь на диван, ушла в ванную и заплакала, всхлипывая шёпотом: « Господи, да за что же ты бьёшь меня со всех сторон... За что мне такая доля проклятая...»

Она выплакалась, привела себя в порядок и обречённо пошла в поликлинику. Как и ожидала, никаких улучшений гениколог у неё не нашёл, напротив, снова стал убеждать в необходимости госпитализации для очередного операционного вмешательства. Продлил больничный лист и предупредил, что в следующий приём выпишет направление в стационар.

Антонина Ивановна ушла от него совсем расстроенная.

Вернулась в свой безрадостный дом и снова плакала, заперевшись в ванной. Вышла и легла, уткнувшись в книгу, в которой не видела ничего.

Лида спала. Её рот с припухлыми детскими губами был приоткрыт, белокурые от рождения волосы неаккуратно сбились на одну сторону лица, будто ветром метнуло. Кот Ерофей забрался Лиде на грудь и, прищурившись томно, ждал, когда его погладят. Не дождался, смежил очи.

Лида проснулась, когда уже смеркалось. Походила по квартире. Не глядя на мать, уткнувшуюся в книгу, подошла и села рядом. Помолчали.

-Мне нужны деньги. – Хрипло сказала дочь.

Мать не отвечала. Томительная пауза цепенела в тишине квартиры. Лида искоса посмотрела на мать и, отвернувшись, повторила:

-Мне нужны деньги.

Мать отложила книгу и отвернулась к стене. Дочь кашлянула, встала и подошла к заиндевелому окну, молча смотрела вниз.

-Мне тоже нужны деньги. – Монотонно сказала Антонина Ивановна.

-Мне надо отдать долг. – Мрачно сказала Лида. – Двести рублей.

Антонина Ивановна вновь ощутила невыносимую тяжесть у сердца и, едва сдерживая уже рвущееся из неё негодование, угрюмо произнесла:

-У тебя есть к кому обращаться. Звони своему папаше и пусть он оплачивает твои долги.

Лида бросила на мать тяжёлый взгляд, снова уставилась в окно.

-Отец платит тебе алименты, - сказала она не оборачиваясь. – Дай мне двести рублей из тех денег.

-Твой отец – подлец!!! – прорвало Антонину Ивановну. – За десять лет он не разу не пришёл в наш дом! Даже не позвонил! Ему плевать, как мы живём! Ему дела нет до своих детей!.. Подонок!... Алкаш!..

Антонина Ивановна задыхалась. Она приподнялась на подушке и отшвырнула книгу.

-Он приходил. – Тихо сказала Лида. – А ты его выгнала. Я маленькая была, но помню.

-И правильно сделала! – закричала Антонина Ивановна. – Ушёл – скатертью дорога! Нечего пол топтать в чужой квартире!

-Вот он и не ходит в чужую квартиру.

-Тогда ты иди к своему любимому папочке!

-У него своя семья. И своя дочка.

-А ты – не его дочка!? Я спрашиваю, ты ему – кто!?

Полное лицо Антонины Ивановны сделалось пунцовым, как закатное солнце перед катаклизмом, она неожиданно для своей дородной комплекции резво вскочила на полные ноги, пробежала в коридор, распахнула дверь и завизжала:

-Вон!.. Вон из моего дома!.. Катись к своему папочке! Катись!.. Чтоб духу твоего здесь не было!.. Катись!..

-Катись сама. – Тихо прозвучало из комнаты.

Антонина Ивановна захлопнула дверь, и уже совсем не соображая, что делает, схватила с обувной подставки палку для выбивания ковров и бросилась к дочери.

Лида рывком распахнула балконную дверь, морозное облако вкатилось в тёплую комнату, в лютой бездне проёма засверкали первые звёзды надвигающейся ночи.

-Только тронь. – Проговорила Лида белыми губами. – Только тронь... Всё...

Мать и дочь стояли, глядя друг на друга сумасшедшими глазами. Кот Ерофей зябко ёжился на диване, недоумённо поглядывая на хозяек.

-Мяу, - подал он робкий голос.

Антонина Ивановна выронила палку и лицо её стало быстро обесцвечиваться.

-Не надо... - прошептала она. – Не надо...

Лида силилась что-то сказать, но слова не выговаривались, она несколько раз судорожно икнула и осела на пол.

-Доченька!.. – зарыдала мать, бросившись к ней. – Доченька... Доченька...

Кот Ерофей не шелохнувшись наблюдал за плачущими хозяйками. Дождался, когда они успокоились, и томно зажмурился. Антонина Ивановна закрыла балконную дверь, потушила свет, уложила дочку на диван и сама легла рядом. Лида впала в оцепенение, мать тихо гладила её белые волосы и что-то время от времени шептала. Когда Лида задремала, кот забрался на сдобную грудь Антонины Ивановны, угнездился и впал в нирвану.

Снова тихо было в доме.

Антонина Ивановна видела в оконных проталинах звёзды, они не выглядели сейчас ни далёкими, ни холодными, в их сиянии угадывалось что-то щемяще знакомое. И она вспомнила. Много лет назад они с мужем в такой же морозный день шли с вечеринки. У неё кружилась голова от выпитого в застолье шампанского, всё вокруг казалось сказкой неземной: заиндевелые деревья, чистый снег под ногами искрился в свете фонарей и теплились окна в домах. Изрядно

выпивший Алексей впал в минор, обнял жену, чмокнул в мягкий курносый нос и вдруг легко поднял её нелёгкую и покачал на руках, пропел:

-Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, придёт серенький волчок, схватит Умку за бочок!..

Она зажмурилась от счастья. Алексей часто называл её Умкой за схожесть с большой белой медведицей - вся из светлых округлостей, мягкая, уютная. А иногда называл Копёшечкой за чарующий аромат, всегда исходящий от неё...

Антонина Ивановна заплакала. Вся жизнь её нескладная непрощенно вспоминалась вопреки желанию забыть всё и забыться. Неумолимая память в который уже раз безжалостно высвечивала одни и те же картины, начиная с самого начала конца.

В тот роковой вечер Алексей пришёл домой «в три свиста», облапил её и стал целовать, бормоча пьяные нежности:

-Копёшечка ты моя, ненаглядная! Упал бы на тебя и умер от счастья!..

Она возмутилась:

-Нажрался! Где пил, туда и ночевать иди!

Он ушёл. И три дня болтался неизвестно где. Потом явился. И она снова выгнала его. И он ушёл. Вернулся через неделю. Онемевшая от негодования Антонина погнала его снова вон, но он успел упасть на палас и уснуть мертвецки. Несколько дней они не разговаривали. И скоро Алексей опять пришёл домой пьяный, и Антонина Ивановна снова его выгнала. Он снова исчез на неделю. Возник, как привидение: угрюмый, измождённый и чужой. И невидимая трещина в отношениях скоро переросла в пропасть. В тот последний вечер, когда она снова погнала его, пьяного, от порога, он вдруг грубо оттолкнул её и выматерился так, как она никогда не слышала.

-Подонок! – вскричала Антонина Ивановна. – Вон из дома!

-Пошла ты... Копна гнилая. – Буркнул Алексей и завалился на бок, пытался подняться, не смог, и швырнул в неё одежной щёткой...

Она вызвала милицию, и Алексея увезли.

И на этом их семейная жизнь кончилась. Антонина Ивановна ждала, когда муж опомнится и придёт с покаяниями к родному порогу: знала, как привязан он к ней и к детям. Она строила сценарии, как гордо укажет ему на дверь, даст понять, что терпение её иссякло, и он будет каяться, (она знала его нестойкость и мягкость) и тогда (может быть) она снизойдёт и поверит ему в первый и последний раз, но поставит ему жёсткие условия...

Условия ставить было некому. Алексей не шёл. Шли месяцы, шли алименты, а мужа не было. Потом Антонина Ивановна узнала, что он... женился. От этого известия она заболела и слегла. Она не хотела, не могла верить, что её Алексей, который любил её так, как никто никогда на этой земле не любил никого, способен на такое предательство. Сердце немо кричало «нет!» каждому слуху, каждому известию о том, как живёт её муж с другой женой, и не могло смириться с разлукой, болело, разрываемое ревностью и горем.

А когда он неожиданно пришёл в день лидинового рождения, Антонина Ивановна прогнала его.

Следом она узнала о том, что у Алексея родилась дочь, и это известие её добило: с тяжёлой депрессией её надолго уложили в психиатрическую больницу. Вернулась Антонина Ивановна из «психушки» поникшая, сама на себя не похожая. Механически ходила на работу, что-то там делала, возвращалась домой и окуналась в бытовую суету, но мысли неотступно роились вокруг одной и той же саднящей пустоты, образовавшейся в душе на том месте, которое раньше занимал Алексей.

И потянулись долгие мучительные годы.

Родные и близкие горячо заверяли её, что такая красивая, роскошная женщина, как она, не будет долго одна, стоит только свистнуть и все мужики будут у её ног, и ей надо забыть своего Лёху-грубияна, и устроить свою личную жизнь с человеком достойным. Антонина Ивановна соглашалась и верила, что так оно и есть. Но почему-то ничего не складывалось. Мужчины, которые бросали на неё вожделённые взгляды, её не интересовали, равно как и те, которые не бросали взглядов. Она уверяла себя, что всё образуется, ей всего лишь «за тридцать», и счастье еще так возможно, так близко. Но счастья всё не было, было одно сплошное несчастье. Даже дети, некогда обожаемые, всё чаще раздражали. В их похожести на отца чудилась укоризна. Бессонными ночами, лёжа в одинокой постели, она умирала от любви и ненависти к покинувшему её мужу, проклинала судьбу за то, что когда-то свела её с ним и присушила её сердце к нему настолько, что никто и ничто на свете не могло заменить его.

В отчаянии она стала искать утешение в религии и нашла его в новохристианском кружке «Эстетика жизни». Общие моления, псалмы, религиозные чтения привели смятенную душу к долгожданному покою и пригасили нескончаемую муку бытия. Антонина Ивановна прониклась открывшейся ей новой эстетикой жизни, она стала горячо и убедительно агитировать своих неверующих подруг приобщиться к учению и встать на спасительный путь добра и истины. Но тут арестовали руководителя «Эстетики жизни» (бывшего инженера-электронщика) святого отца Вольдемара: за мошенническое присвоение недвижимого имущества нескольких своих прихожанок (мужчин в кружке не было). Кружок распался.

Антонина Ивановна пробовала продолжить поиски эстетики жизни дома. Она перечитывала конспекты религиозно-этических доктрин, оставшиеся от прежних занятий кружка, и выискивала в них откровения, которые не вполне осмыслила ранее. Углубилась в эстетику жизни настолько, что забыла всё мирское и скоро домашнее хозяйство пришло в упадок. Сын и дочь пытались иронизировать над её духовными исканиями и предлагали создать ООО ЭКП - общество с ограниченной ответственностью «Эстетическая контора на паях»: мать сочиняет проповеди, Сергей размножает их на ксероксе, Лида продаёт по рублю за штуку – получится сочетание приятного с полезным...

Негодование матери было столь бурным, что дети испугались.

Потом у Антонины Ивановны случились новые беды: обнаружили женские болезни. Она долго обследовалась, лечилась, выслушивала медицинские термины, и однажды услышала от старого гинеколога ещё более старое откровение:

-Мужика вам надо, милочка, а не таблетки. Все ваши недуги оттуда...

Она и сама догадывалась «откуда есть пошла земля русская», но оскорбилась бесцеремонностью старого врача. И перестала лечиться. Вышло ещё хуже: начались обострения, и в конце концов она оказалась в больнице, где ей сделали операцию, после которой никакой мужик ей стал уже не нужен.

Думая об этом сейчас, рядом со спящей дочерью, Антонина Ивановна плакала, не замечая своих слёз, и чем больше плакала, тем нестерпимее щемила сердце обида на свою незадавшуюся жизнь: ну за что же?..

Она выплакалась, прошла в ванную и долго сморкалась, умылась и вернулась к дочери. Та спала. Антонина Ивановна прилегла рядом, взяла Библию и углубилась в чтение.

Сергей вернулся поздно. Прошёл в маленькую комнату, улёгся в постель и затих. Он уже задрёмывал, когда зазвонил телефон. Не поднимаясь, снял трубку и приложил к уху.

-Тоня, привет! – услышал Сергей знакомый голос тёти Люды.

-Привет, Людочка, - тихо ответила мать, взявшая трубку параллельного аппарата.

Сергей уже начал отрывать трубку от уха, не желая быть невольным свидетелем бестолкового бабского трёпа, но остановился, услышав тёти-людин возглас:

-Слыхала? Твой Лёшка-то допрыгался!

-Что? – Настороженно спросила мать.

- А то: распилили его сначала вдоль, потом поперёк!

-Что!?! Как!?!..

-Сначала одну операцию сделали, и сразу другую!

-Какую?

-Разве я тебе не сказала, что разбился он на своей машине? Да ты позвони его Ленке, она расскажет!.. Так что, отливаются коту мышкены слёзки! Ну, ладно, пока, тут внучка меня зовёт! Пока!..

Словно лютым холодом охватило Антонину Ивановну, сердце защемило, и она, забыв свои принципы, кинулась к телефону и набрала номер, который знала наизусть и который много лет запрещала себе знать.

-Да. – Ответил тихий, странно безинтонационный женский голос на том конце провода.

-Это... Извините, Лена... Меня звать Антонина Ивановна... Мигаева... Я хотела... Извините меня... Мне сообщили... Лена, я хотела... Но тут такое... Может быть всё не так... - она никак не могла выстроить слова в должный порядок, чтобы получилась вразумительная фраза, но, очевидно, на том конце провода её поняли.

-Да. – Деревянно сказала Лена. – Алексей разбился.

-Он жив?..

-Жив.

-А-а-а... Как...

-Его оперировали. Сейчас в реанимации.

-А... вы его видели?

-Нет.

-Но ведь!..

-К нему не пускают.

-Он в какой больнице?

-В первой городской.

Антонина Ивановна замолчала и долго не могла вновь сказать что-либо. Молчала и Лена. Долгая пауза заполнялась невнятным техногенными шумами в телефоне, и ещё Антонина Ивановна слышала учащенное биение собственного сердца.

-Извините... - пробормотала она и положила трубку.

И заплакала тихо, без всхлипываний. Слезы текли сами по себе, и не приносили облегчения, напротив, горе, омываемое ими, становилось только обнажённое и безнадежнее. Раздавленное непосильной ношей сердце и не молило о пощаде.

А в тёмную комнату через проталины в окне немо смотрели яркие, необычайно чистые звёзды и праздничное их сияние совсем не вязалось с происходящим, оно воспринималось как глумление. « Он должен жить! Жить! – кричало стонущее сердце. – Он не может не быть! Господи! Всемогущий господи! Спаси его! Спаси! Меня накажи, а его спаси!.. Спаси!..»

Антонина Ивановна встрепенулась, включила свет, схватила со столика лежавшую всегда наготове толстую тетрадь с молитвами-заклинаниями, оставшимися от «Эстетики жизни», и раскрыла её наугад. Выпала молитва «согрешившего от чаши» – что это означает, она так и не уяснила за годы «эстетической жизни», но это было и не важно для неё, ей дороги и близки были слова: « ...И возьми же ты душу мою заблудшую, господи, выведи на путь спасения, согрей её светом своим, вдохни надежду и в вере укрепи... за наших близких болящих и страждущих...»

Она ощутила дрожь в сердце и заполонившую его горячую волну.

Антонина Ивановна снова набрала заветно-запретный телефонный номер и, услышав голос Лены, быстро, сбиваясь, заговорила в трубку:

-Лена... Извините... Это снова я, Антонина Ивановна... Мигаева. Я прошу вас... Умоляю...Извините, мне трудно говорить...

-Я слушаю, - тихо, безинтонационно ответила Лена.

-Возьмите бумагу, ручку, запишите, что я сейчас продиктую!

-Диктуйте.

-Только не смейтесь!.. Это молитва!.. Она поможет!.. Вы должны записать её!

-Записываю. - Голос Лены звучал всё так же безинтонационно, тихо.

-Диктую. Молитва: «Согрешившего от чаши»... Записали?

-Записала.

-Заблудшим и потерявшимся. И возьми же ты душу мою, заблудшую, господи...

Молитва была длинная. Антонина Ивановна диктовала сокровенные строки невидимой Елене, и ощущала, как в сердце утишается боль, снисходит умиротворение.

Положив трубку, она снова заплакала, теперь уже с облегчающей душу надеждой. Она знала, что никогда не виденная ею Лена исполнит её наказ и станет молиться о спасении заблудшего раба божьего

Алексея неустанно, как и сама Антонина Ивановна, и бог не может не услышать мольбы двух любящих сердец, пошлёт прощенье и спасение.

И она молилась. Никто не мешал ей.

Просветлённая, она прошлась по квартире, посмотрела на спящих детей, вздохнула и остановилась у окна. Сквозь проталину в верхней части стекла в комнату смотрела тёмно-синяя ночь, мигая яркими звёздами, и в мерцании их угадывалось одобрение, обещание обновления. Непостижимым образом она знала, что всё долгое время разлуки Алексей любил её, только её и никого больше, и теперь нельзя больше обманывать ни его, ни себя, ни детей, ни близких, ни далёких ... Почему именно теперь, она не знала, но для себя понимала, что пришёл заветный час, её звёздный час, когда всё должно перемениться и пойти по-новому, и в этом новом не будет горя и ненависти, останется только любовь...

Она не спала всю ночь. Утром проводила детей, и подошла было к телефону, чтобы справиться у Лены об Алексее, но передумала, решив позвонить позже. Села на диване с молитвенной тетрадью и стала читать, неслышно шевеля красивыми полными губами.

Она позвонила Лене в полдень.

-Лена, - сказала она с надеждой. – Вы молились?

-Да. – Тихо ответила Лена.

-Я тоже! Я верю, бог нас услышал!

-Да. – Едва слышно сказала Лена.

-Вот видите! Если мы вдвоём будем молиться, бог услышит нас вдвойне! Надо только верить и неустанно молиться! Я могу продиктовать вам ещё одну молитву! Можно?

-Да.

-Тогда записывайте!..

И Антонина Ивановна снова долго и истово диктовала в телефон проникновенные слова ещё одной молитвы, голос её потеплел, стал сокровенным и доверительным, а к концу диктовки и заботливым:

-Вы разборчиво пишете? – спросила она. – Надо, чтобы всё правильно было!

-Да. – Деревянно ответила Лена.

-Теперь помолитесь! – Наставляла Антонина Ивановна. – А когда пойдёте к Алексею в больницу, всю дорогу повторяйте слова молитвы... Хорошо?

-Да.

-Вы сегодня уже узнавали как Алексей?

-Да.

-Ну, как он там?

-Умер.

Нелегал

Этого джентльмена с недетским выражением пожилого лица я увидел впервые несколько лет назад на митинге. Он разоблачал происки КПСС и её прогнившего режима.

Вдругорядь увидел его в марте 1992 года на митинге «трудящихся». Бывший разоблачитель КПСС стоял с красным знаменем в руках возле ящика с надписью «для пожертвований на патриотические мероприятия».

-Для «Вестника» пару фраз скажете? – сунул я ему под нос диктофон.

-Проститутка твой Вестник! – вскричал знаменосец. – И вы там все проститутки! С погаными дерьмократами не разговариваю!

Он выкричался на меня, потом подбежал к митинговому микрофону и вскричал в него:

-У меня слёзы на глаза наворачиваются, когда люди приносят нам последний червонец! Я за рабочих готов жизнь отдать!

Он не уточнил – чью.

А знойным майским днём парился я в переполненном городском автобусе, и вдруг услышал над собой:

-Здорово!

-Здорово! – ответил я, узнав давнего полузнакомца-знаменосца.

-Чем занимаешься? – потребовал он отчёта за истекший период.

-Всё тем же, - сознался я. – А ты?

-Занимаюсь нелегальной деятельностью! – Значительно произнёс он.

Пассажиры с любопытством заразглядывали нас.

-Забыл, как тебя звать... - сказал я.

-Зови просто Фёдорычем! – громко отчеканил он. – У нас большевиков в подполье не принято по именам! Только по кличкам!

Духота в автобусе была сатанинская, хотелось не разговора, а пива. Или кваса. Вместо этого был нелегальный большевик Фёдорыч, от которого некуда было деться.

-Издаём газету! – доложил он, хотя никто его об этом не просил. – И распространяем среди рабочих! Нелегально!

-На хрена нелегальность-то? – заудивлялся я. – Вы и легальные-то никому не интересны.

-Да? – набычился Фёдорыч. – А зачем тогда вы нас гоняете?

-Кто – мы?

-Дерьмократы! Вы нас в окопы загнали! И стреляете в нас! Ну, мы ещё посмотрим, чья возьмёт!..

Гримасы ненависти заискажали его незлодейское лицо, сменяя друг друга, как лесковские «позы рожи».

-Сперва ваша диктатура будет, потом наша! – провозгласил нелегал.

Автобус заложил вираж между провалом в асфальте и мусорным баком, почему-то оказавшимся посреди дороги. Меня кинуло на Фёдорыча, его – на животастую даму.

-Нет, ты глянь! – возмутилась она. – Ровно дрова везёт! И, главное дело...

-Главное дело для нас сейчас в другом! – вспомнил нелегал Фёдорыч. – Надо успеть перекрыть границы! Чтоб дерьмократы не разбежались! Давить вас будем, как тараканов!

Публика удивлённо взирала на оратора-нелегала.

-Проведём разъяснительную работу, потом свергать станем! – добавил он к своей программе ещё один тезис.

-Кого свергать? – залюбопытствовал я.

-Вас, дерьмократов поганых!

-На мне написано, что я дерьмократ?

-А кто ты? – насторожился нелегал.

-Дед Пыхто.

-Ясно, - авторитетно произнёс Фёдорыч. – Каша у тебя в голове! А зря. Мозги тебе зачем даны? Чтоб думать! Анализировать! Иначе ты – скотина безмозглая!

-А вот, к примеру, свинья и корова – скотина, а мозги у них есть! – возразил я.

Фёдорыч задумался. Недетская «поза рожи» искажала его лицо, он солидно покивал мне:

-Да, тут ты, пожалуй, прав...

Автобус кинуло на асфальтовой кочке, две дамы слетели с сиденья возле нас и повисли на поручне у дверей. Нелегал сел и предложил сесть мне.

Я сел и получился плюрализм: на одной автобусной скамье ехали в одном направлении суровый большевик Фёдорыч и безыдейный я с «кашей в голове».

-Ты, вроде, с газетой связан? – спросил нелегал.

-Вроде...

-Вот и напиши про наш разговор!

-Напишу.

Мы подпрыгнули в связи с наездом на очередную кочку, пыль взвилась от пола к потолку, защекотала ноздрю.

-Жизнь паскудная пошла! – сообщил Фёдорыч. – До Зырянки стало 28 рублей!

-А было сто вёрст, - кивнул я.

-Раньше до Москвы можно было доехать, - сказал Фёдорыч.

-А до Салехарда доплыть. – Вспомнил я.

Очередная встряска вызвала паузу, затем диалог продолжился.

-Американцы воруют наши военные тайны! – заклеил нелегал заокееанцев.

-Вот же козлы! – поддержал я патриотическую тему.

-Но козлы водятся и у нас! – повысил голос Фёдорыч и выразительно поглядел на меня.

А я – на него.

Пауза заполнилась смехом пассажиров: кому-то стало весело.

-Ты знаешь, что Ельцин сказал недавно? – спросил Фёдорыч.

-А ты знаешь, что сказал я недавно? – спросил я.

-Нет... - слегка опешил нелегал.

-Ты водку пьёшь? – задал я наводящий вопрос.

-Нет... - стушевался он. – Редко, и вообще...

-Жаль, - опечалился я, - а то бы оценил, что сказал я после четвёртого стакана.

В салоне оживились.

-А как ты смотришь на суверенитет? – попытался вернуть инициативу нелегал.

-Никак.

-Тебе что, всё равно?! – вскричал он.

-Всё равно.

-Ты соображаешь, что несёшь!!!

-Не-а...

Фёдорыч смотрел на меня, как доктор на больного, «позы рожи» его были немилосердны.

-Темнота... - простил он. – А ведь всё дело в сознательности. При социализме социальная справедливость была.

-А при капитализме – капитальная.

Автобус снова подкинуло, вышла пауза.

-Ты напиши! Напиши про наш разговор! – опомнился Фёдорыч.

-Напишу.

-Не врешь?

-Гадом буду! – поклялся я.

-Дерьмократы все гады!

-Тогда: честное ленинское! – переключался я.

-Ленина не трожь!!! – страшно закричал Фёдорыч.

-Ну, тогда честное джорджбушевское!

-Во-во! – обрадовался нелегал. – с бушевского голоса ты и поёшь!

Я уже вышел и стоял на тротуаре.

-Почему я с его голоса? – завозражал я. – Это он с моего!

-А-а-а!!! – взвыл Фёдорыч. – Мы и до него доберёмся!.. По одному делу пойдёте!..

Передовая

Самая длинная в истории битва после Столетней войны – Битва за Урожай. Длилась она в России непрерывно с 1918 года до полного краха колхозного строя в конце двадцатого века. Масштабы – от Балтики до Тихого океана по долготе и от Таймыра до Кавказа по широте. Мне выпало стать очевидцем одного из героических боёв местного значения в финальной фазе битвы, когда социализм умирал, но не сдавался. Это было под Томском...

Передовая начиналась прямо у городской черты, в нескольких верстах от площади Южной – близ посёлка Зональный.

Хамски зелёная ботва морковных плантаций плотноядно ухмылялась легкомысленным облакам «бабьего лета», но лыбиться ей оставалось недолго: от Предтеченска уже надвигалась «броня»: крохочущие комбайны и следующие за ними впритык «Камазы». Сначала казалось, что комбайны месят глинистый грунт и кидают его в автокузова для отправки на кирзавод. Но так только казалось. Фактически среди грунта попадалась и морковка. И ещё больше морквы оставалось на поверхности планеты после прохождения «бронетехники». Поэтому следом за «бронёй» шёл обычный трактор с плугом и совершал зачистку: запахивал корнеплоды обратно в землю – чтоб не досталось врагу!

А враг не дремал. Был он хитёр и коварен, использовал малейший промах защитников колхозного добра: как только трактор отставал от «брони», в зазор между ними бросались ватаги идейно нестойких томичей и выхватывали непогребённую морковь из борозд! Сумки, рюкзаки, мешки пухли от ворованного добра со скоростью дрожжевого брожения. Напрасно пахари выдавливали из механических «лошадей» запредельные силы – натиск антисоветских элементов невозможно было сдержать никакими силами, кидались прямо под гусеницы! Самые оголтелые хапальщики кидались на уже вспаханное трактором поле и умудрялись собирать урожай там!

- Мародёры!.. – ревел мечущийся по полю битвы колхозный бригадир. – Ворьё!.. Руки прочь от социалистической собственности!.. Сталина на вас нет, сволочи!..

Старый бригадир был прав, в суровые тридцатые годы с такими не чикались. Тогда дивизии НКВД из пулемётов косили полчища дезертиров с колхозного фронта, рвущихся к Москве за едой. И отстояли столицу...

Ныне силы были неравны. Шоссейку со стороны города удерживал немногочисленный милицейский заградотряд из сотрудников отдела БХ и СС, действовавший методом партизанской засады: брали мародёров врасплох и конфисковывали добычу в пользу советской власти! Когда тормознули «волжанку» с морковкой на борту, вырлившую с поля на асфальт, водитель растерялся от неожиданности и без боя сдал права вместе с кормом. Зато следующие за ним враги народного добра оказались более стойкими: с возмущённым воем, нецензурщиной и хулой в адрес народной власти, швыряли мешки с добычей в канаву,

предпочитая выбросить добро, нежели отдать его людям. И ещё норовили смыться, не заплатив штраф за самоуправство!

- Вон!.. Уходят!.. – закричал сержант МВД Российской Федерации и стремглав кинулся с асфальта в кусты. Сверху видно было, как с другой стороны зарослей вынеслись две древние бабки с громадными кулями на плечах, с ходу форсировали крутой откос железнодорожной насыпи и побежали по рельсам со скоростью дрезины из «Неуловимых мстителей». Сержант-спортсмен так и не смог догнать мародёрок.

На шоссе продолжали шерстить пленных, не пожелавших сдаться на предложенных условиях капитуляции: рассчитаться за краденную морковь по тройной рыночной цене и идти на все четыре стороны. Таких обезморковливали напрочь.

Но получалось, как в заколдованном круге: пока на шоссе обезморковливали одних, в поле лихорадочно обморковливались другие! А так как конфискованную морковь милиционерам девать было некуда, они стали бульдозером спихивать её на то же поле! И самые ушлые мародёры принялись набивать свои кули морковкой прямо из куч возле милицейской засады!

И у милицейского кордона близ посёлка Зонального творилось то же самое. И возле Степановки. И у Предтеченска. Круговая оборона трещала на глазах.

В небе реял тихоходный самолёт авиаразведки, норовя координировать действия малочисленных милицейских сил особого назначения. По команде с небес омовцы мчались на уазиках в очередную горячую точку и рассеивали наглеющие орды мародёров. Но в это время с шоссе разбежались пленённые ранее! Силам правопорядка явно не хватало организованности: не успели своевременно подтянуть конвойные силы, или хотя бы соорудить полевой концлагерь для временного содержания пленных.

В это время неподалёку, на капустных полях, бесчинствовала банда Доцента. Это был самый натуральный доцент одного из ведущих вузов страны, из-за временных трудностей опустившийся до уголовщины: с группой товарищей стриг бараньими ножницами капустные листья, оставшиеся на кочерыжках после того, как с них сняли кочаны. Эту деляну тоже не успели запахать, и враг воспользовался оплошностью.

При появлении милиционеров эти интеллигенты не только не обратились в бегство, но наперебой стали уверять, будто они хотели безвозмездно помочь колхозу и готовы немедленно снести капустные листья куда укажут.

Ложь была столь беспардонной, что выдавший виды милицейский майор оборвал болтунов:

-Этому вас учили в семье и школе?

Мародёры даже покраснели. Но лишь на миг. Затем бросились врассыпную.

За ними не гнались – некогда: авиаразведчик доложил, что несметная группа людей с мешками и лопатами сосредоточивается в овраге у картофельного поля. Предположительно готовится атака на «второй хлеб». Уазик резко развернулся и заскакал поперёк борозд напрямки к оврагу.

Между тем настоящая драма разыгрывалась как раз в противоположной стороне. До полуроты празднующихся пенсионеров двигались из города к плантациям не по шоссе, а по «задам». Они набрели на нетронутое свекольное поле и принялись беспощадно искоренять корнеплоды в свою пользу. Подоспевшая вовремя (или не вовремя) колхозная бригадирша пыталась спугнуть ветеранов обычным матерным криком. Но на мат, как и следовало ожидать, внимания не обратили. Тогда бригадирша стукнула близстоящего пенсионера по спине небольшой свёклой. Дед не оскорбился. Он просто вырвал из планеты громадный корнеплод и с размаха трахнул бригадиршу по голове. И та пала без сознания. А старый циник как ни в чём ни бывало продолжил грабёж.

Всё это видели с аэроплана, до конца досмотрели драму в подозрительную трубу, и только тогда дали знать милиционерам. Те, не доезжая до оврага с картофелекопателями, снова развернулись и понеслись вдоль борозд к свекольнику.

А зря! Пока они рысачили по полям, бригадирша очнулась, передислоцировалась и материлась уже на турнепсовой плантации!

Зато банда Доцента, пересидев смутное время в кустах, вновь объявилась возле капустных кочерыжек...

Не обошлось и без конфуза. В милицейскую засаду на шоссе угодила автоцистерна, «до ушей» набитая шинкованной капустой! На вопрос о происхождении груза водитель нагло заявил:

-Из деревни везу. От тёщи. Гостинец. А чо?

Нашинковать в один замес десять кубов капусты и кубометр морквы не могла, конечно, ни одна тёща СНГ и дальнего зарубежья. Но, с другой стороны, и капуста на полях растёт в нешинкованном виде. Попробуй, докажи, что этот силос произрос на колхозной ниве? Не пойман – не вор! Отпустили парня. Но кой-какие меры приняли: выкричали по радио самолёт, барражирующий уже где-то в районе клюквенных болот, велели прочесать окрестности складов Томскснаба.

Так и есть! С неба доложили, что прямо за томскснабовским забором капустные кочаны в бетономешалке месят! И капусту с поля в зев агрегата подают по транспортёру!

Грабёж принимал промышленные масштабы, пора было вызывать стратегические силы.

-Алё!.. Алё!.. – надрывался в микрофон милицейский майор. – Товарищ полковник!.. Своими силами не удержимся, сомнут к обеду!.. Подмога нужна!.. Что!? Народное ополчение собираете!?!.. Тут таких ополченцев тьма!.. Дикая дивизия!.. Против них войска надо!.. Военных привлечь!..

Солнце ещё не вышло в зенит, а из города шли и шли всё новые орды расхитителей социалистической собственности. Бойцы БХ и СС готовились для контратаки, но уже сейчас было ясно, что без подхода армейских частей поля не удержать.

Битва за урожай вступала в решающую фазу...

ФЛОТСКИЙ ШИК

Ключом может быть не только жизнь. И не обязательно по голове или еще какому жизненноважному органу.

Мой неизбывный сосед Кеша Дроботов в дремучей молодости служил на какой-то военно-морской посудине боцманом. Название той посудины мне ни о чем не говорило, а экс-боцмана я звал просто и доходчиво — Бося.

Судьба свела нас в ревушие семидесятые двадцатого века нашей эры в одном «холерном» бараке на дюжину коммуналок, и с таким отчаянным народонаселением, что участковый его «в упор не видел». Двухэтажная деревянная халабудина обязана была развалиться еще в пятилетку качества, но по невыясненным обстоятельствам дотянула до усиленной пятилетки, потом до ударной, потом еще до какой-то там...

Развалили халабудину насильственно с помощью бульдозера. Бесноватый прораб с обмороженными глазами утверждал, что держался дом исключительно на многослойных обоях, сцементированных мучным клейстером.

Судьба не развела нас с Босей: на последнем этаже новой девятиэтажки, куда нас переселили, мы стали соседями дверь-в-дверь; когда Кешина Зинка брала верхнее «ре» на своей пятидесятистрочной нотной зебре, моя Дуся спешила к двери послушать — что там нового у соседей, и за что бьют Босю нынче.

А били Босю часто. Хотя не понятно за что: по хозяйству в доме Бося мог делать все. Бося был фанат благоустройства, и если его способности слабо могли проявиться в прошлой трущобе, то теперь ему было где развернуться. Ну, кто бы, например, стал шлифовать стены и потолки мелкозернистой наждачкой? А Бося мусолил их, как Бобик старую мосолыгу, и при этом не требовал компенсаций ни за вредность производства, ни за Зинкину вредность. Однажды он мелодично позвенел в мою дверь:

— Шкап, — сказал мне Бося, — дай пылесос ненадолго, мой сдох...

Я удивился: если бы он попросил пару червонцев с гарантией возврата после четвертой полочки, это еще куда бы ни шло. А пылесос... Перед кем он собирался устраивать «парад-алле», если свою тигроподобную супружницу и дочь сослал на курорт всего неделю назад? Бося просветил: он в их отсутствие затеял капитальный ремонт новой квартиры. Он уже сделал больше, чем ремстроевская артель, и осталось окропить стены и потолки нежнейшего колера известкой, ну а там останется лишь мелочь кой-какая. Стенки и потолки отшлифованы до блеска, раствор известковый — сам бы ел! Как раз к Дню Военно-морского флота все будет — шик, блеск, тру-ля-ля!

— Отшлифованы!? Стены!?! — обомлел я. — И потолки!?

— Зайди, глянь, — усмехнулся Бося.

И я зашел, и глянул. Да уж... В моем представлении шлифовка стен и потолков до сих пор могла выглядеть, ну... как полировка дров, что ли...

— На кой уж так-то? — посмотрел я на Босю большими глазами.

— Шкап ты и есть Шкап! — похлопал он меня татуированной клешней по подтяжке. — Ты хоть знаешь, что такое настоящий флотский шик? Ты хоть раз видел, как морячки свой кораблик к смотру драят?

— Насчет морей не знаю, а у нас в речпорту баржи от мусора драют просто: ставят плавкраном с берега на баржу небольшой бульдозер, тот рыск-рыск по палубе — все концы в воду, и «чешите грудь!», как говаривает наш бугор Леха.

— Эх вы, чесатели, — наипрезрительнейше хмыкнул Бося, — не понять тебе, затемненному, самой идеи флотского шика!.. Посмотрел бы ты на мою посудину, за которую после смотра мне сам адмирал благодарность объявил!.. Ладно, катись. К военно-морскому Дню покличу, глянешь на флотский шик.

День этот настал через несколько обычных дней. Был я у Боси, видел своими глазами и шик, и блеск, и «тру-ля-ля». Не лень же было человеку все перевернуть вверх дном, выскоблить, вылизать и вновь утвердить на донышко! И все в одиночку. Что там подвиги Геракла по очистке авгиевых конюшен! Конюшни и дебил чистить может, а вот попробуйте из конюшни, сооруженной каким-нибудь СМУ, сделать хотя бы плацкартный вагон эмпээсовского толка! А тут вся квартира была просто отделана заново, так, как не смогли бы, пожалуй, отделать и самому начальнику СМУ. Зато весь Босин отпуск — козе под хвост. Это в моем представлении. В его — наоборот: вот Зинка прикатит и ахнет!

Чтоб не осквернять девственную полировку пола, Бося вытряхнул меня из шлепанцев, проконвоировал по всей квартире босым и загнал на камбуз — кухню, на человеческом языке. Но не босином!

Экс-боцман поставил на стол старорезимный ведерный самовар и два тонкостенных стакана с золотыми полосками, как на военно-морских рукавах.

— Чаепитие в Мытищах, — тупо сострил я.

— Сядь, Шкап! — властно припечатал меня Бося к синтетической табуретке и метнул на стол еще вазу с яблоками. Потом нацедил из самоварного краника в военно-морские стаканы какой-то бурды цвета общепитовского чая и встал.

— Встань, Шкап! — торжественно пригласил Бося и меня, а сам выпрямился так, будто лом проглотил. Я отклеился от табуретки, и понюхал содержимое стакана — пахло старым веником.

— На флаг и гюйс!!! — рявкнул Боська.

— Это что? — не понял я. — Вроде гальяна, что ли...

-Шкап, — приопустил стакан Бося, — смотри, ты не Зинка, издевательств не потерплю... за такие гадости знаешь, что бывает?

-А с твоей стороны это не гадость? — мотнул я военно-морским стаканом. — Какими помоями в такой день потчуеть!.. И почему ты этот сиротский чай прямо в самоваре завариваешь?

-Пей! — приказал Бося и сам гордо кивнул головой стакану, и... как в бочку выплеснул. Я повторил трюк, хоть и без военно-морского шика. Вкус показался специфическим.

-Что за псина? — поинтересовался я, когда мы захрустели яблоками, — вино не вино...

-Угадай! — ухмыльнулся Бося.

Купить вина в нашем городе было все равно, что «мерседес» по лотерее выиграть: полусухой закон настолько иссушил своей огорчительностью привыкшие к возлияниям души, что скромному Босе в километровой очереди к винным магазинам делать было нечего: удавили бы, не доводя дело до кассы, без суда и следствия... На «ходынское поле» — к винной точке — ходили только самые отчаянные. Остальные гнали самогон. Но самогоном выпитая сейчас влага не была. Я недоуменно пожал плечами.

— Эх, темнота-темнота, — блеснул тремя фиксами Бося, — сок это виноградный!

— ?

— Вот тебе и — ?

— А...

— А просто залил полный самовар сока, изюму для закваски кинул, и во-он на тот шкапчик, повыше. Стоит там себе и дозревает потихоньку. И Зинка — ни сном, ни духом — конспирация полная; и под Указ не попадает: некриминальный продукт!

Я еще раз подивился Босиной многогранности.

— Беру свои слова взад, — сказа я.

— Какие слова?

— Ну, насчет псины...

— Бери, куда хочешь... — отмахнулся Бося, — что с тебя взять, пехтура ты серо-буро-малиновая! Что ты видел, кроме кирзачей и барабана? Что ты вообще умеешь?

— Не скажи, — мотнул головой я, — наш каптер в огнетушителях бражку заводил!

— А-а!.. — махнул рукой Бося. — Я и говорю — серость, убогость... давай-ка еще по одной...

И он вновь наполнил стаканы до золотых шевронов. Потом еще... потом еще...

Когда шевроны стали мельтешить и как лампасы — переходя из горизонтального положения в вертикальное — Бося добил меня длинной, как иноземная сигарета, тирадой:

— Настоящий боцман, многоуважаемый товарищ Шкап, умеет все! И даже больше. Скомандуй мне: разобрать корабль до последней заклепки, сложить аккуратно на пирсе, все осмотреть, исправить, все изломать собственноручно, опять исправить, все собрать, как было, на самой дальней сопке и своим же ходом, своим, Шкап, добраться до якорной стоянки! На все — два часа сорок четыре минуты, исполнение доложить... Да, Шкапчик, все на судне я мог сделать своими руками! Даже фикус индонезийский вырастил чуть не до клотика!.. Да что там фикус... А холодец? Боже мой, Шкап, как я забыл про холодец! Это же мой конек!.. Какой холодец я варил... кок от зависти вены резал! Вся команда во главе с капитаном ходила за мной и умоляла: боцман, не губи! Сваргань холодец! Не можем уже есть казенные еды! Только ты, боцман, можешь все! Уважь команду... Э-э-эх!!!...

Тут Бося чуть не заплакал:

— Море, море... осамоварь, Шкап...

Осамоварились.

— Море... — тихо всхлипнул Бося, — попробовал бы ты мой холодец, Шкап...

— Бося! — заплакал и я. — Друг и чуть не брат! Вари! Сейчас вари свой холодец! Хоть из меня!..

— И сварю! — грохнул Боська по столешнице татуированным кулаком. — Засакай время!..

Он оторвался от табуретки, упал на холодильник, но не сбил его, только потряс. Рывком распахнул белоснежную калитку и уставился в прохладное чрево, забитое всякой всячиной. Затем уверенно выдернул оттуда две скотские ноги и часть какого-то рыла. Когда он загремел кастрюлями, я его тормознул:

— Постой! Сейчас я скороварку приволоку.

— Тащи, — не кивнул, а весь кивнулся Бося, — живо!

Мы вколотили мослы в скороварку, добавили к ним воды и задраили люк. Бося грохнул агрегат на электроплиту и врубил конфорку на «полный вперед!».

— Мигом допрёт! — заверил я.

— Я этих штук вообще-то не признаю, — строго сказал Бося, — но в честь такого дня и скороварку тебе прощаю... Сейчас ты будешь у меня пальцы облизывать...

Уровень сока в самоваре понизился еще на высоту военно-морского стакана, когда скороварка злобно зашипела, отбивая ритм грузиком-клапаном.

— Зверь - машина, — заверил я друга и чуть не брата, — как часы работает...

— Ку-да ей до флотских машин! — возразил Бося. — Вот на нашем камбузе...

И он понес все о том же, и нес бы до самого самоварного дна, если бы его не остановила скороварка: она пошипела еще, похрюкала, а потом вдруг сплюнула грузик в сторону и фыркнула в потолок таким ароматным гейзером, что свет померк в тучах пара и черт знает чего еще...

— Хватай! — взвыл я и кинулся к плите.

Бося отбил меня в сторону, ухватил скороварку за ручку-дышло и замахал ею, как бы сбивая пламя, хотя из проклятой дыры-дудки хлестало не пламя, а вонючий кипяток.

— А-а! Стерва!.. — взревел Бося и побежал через всю квартиру на балкон. Я за ним.

— Стой! Стой! Не туда!.. — вопил я.

— За борт! — крикнул Боська.

Он выскочил на балкон, завертелся со скороваркой вокруг себя самого, как собака за собственным хвостом, и... кинул посудину «за борт»...

— Эх... мои военно-морские кости... — хрюкнул Бося.

— Дура... — сказал я, хотя можно было уже ничего не говорить: скороварка описала длинную дугу и грохнулась о чью-то голубятню.

Из голубятни во все стороны сразу порскнули птицы и, как ошпаренные, бросились врассыпную, забирая все выше и выше, удаляясь, кто куда, все дальше и дальше.

Этажами пятью ниже раздался нездоровый детский крик, и к нему тотчас присоединились визгливый женский с мужским прокуренным. Трио откричало что-то неразборчиво и захлебнулось. Скоро три фигуры выскочили из-за угла здания и наперегонки побежали к голубятне. Они бегали вокруг нее, помахивая руками...

А что теперь было махать? Птицы помаячили у горизонта и растаяли в дымке. Хозяева посуетились еще немного вокруг да около голубятни, выволокли на свет божий скороварку, пробившую хилую крышу и стали зачем-то смотреть вверх. А что они могли увидеть там интересного? Видели и нас, конечно, а что за невидаль-то?

— Ав!.. ав!.. ав!.. — пролаял снизу мужик, взмахивая скороваркой.

— Говори по-русски! — потребовал Бося. — Ишь, полиглот...

— Ав!.. ав!.. ав!.. — засемафорил скороваркой мужик.

— Нихт форштейн! Ты б еще по-чукоцки вякнул, в три господ... твою!.. — выругался Боська, — пшли вон отсюда, Шкап.

Только мы угнездились у самовара, в дверь постучали и одновременно зазвонили.

— Телеграмма! — догадался Бося. — От Зинки!

Но в дверь ломились не почтовики — все то же трио и еще кто-то. Все говорили хором, и поэтому Бося прервал переговоры, поставив ходоков, как Троцкий, перед фактом — ни войны, ни мира: захлопнул дверь. Там долго еще не могли угомониться: митинговали и митинговали. Даже били в дверь чем-то тупым тяжелым.

— Пусть выступают, — сказал Бося и снова наполнил стаканы, — вот я и говорю, Шкап, — продолжил он, — у нас на флотах так задраили бы тот люк, что не только мосолыги не выскочили, молекула не просочилась бы! Понимаешь? — и он постучал по моей голове.

— Весь флот взорвался бы тогда! — сказал я и тоже постучал его по темечку.

Лучше бы я этого не делал: Бося откинулся спиной на холодильник и замер в строгой позе — сидел задумчивым Буддой и задумчиво-прищуренно смотрел перед собой.

— Боська, — потормошил я его, когда мне наскучило ждать его расцепенения, — Боська!..

Бося молчал и сопел, почти как скороварка. «Злится, что ль?» — подумал я. — А чем тогда его тушить? Тоже «за борт?» Но Бося сопел и сопел, не шевелясь.

Я прошел в комнату и притулился на диване, незаметно уснул, как в воду погрузился.

Очнулся в темноте. Полежал, чувствуя непривычность обстановки, восстановил в памяти картины былого и встал. Когда зажег свет, предстала комната босиной квартиры с неопрятными пятнами на стенах. С потолка свисали какие-то мелкие лохмы, маслянились на чистой поверхности странные пятна, которых не было накануне.

Прошел на кухню и тоже зажег свет. За столом все в той же позе сидел Бося и все так же сопел, глядя прямо перед собой. Я поразился этому его качеству: так шикарно спать я не смог бы и под гипнозом.

— Очнись! — толкнул я экс-морячка.

— А!? — встрепенулся Бося. — А... так вот я и говорю, Шкап, что у нас на флотах... погоди, — посмотрел он на меня, — на чем я остановился?

— На кранике, — пощелкал я по самоварному крану.

Бося снял с самовара крышку, строго посмотрел в медную утробу и подтвердил не без сожаления:

— Мда...

И тут в дверь позвонили.

На этот раз, действительно, принесли телеграмму: «Поздравляем днем военно-морского флота целуем соскучились скоро будем...»

Но первыми прибыли не жена и дочь, а участковый с понятыми. Составили протокол. Установили обстоятельства. Взяли подписку о невыезде.

Судить Босю не стали: судья оказался бывшим моряком и квалифицировал действия экс-боцмана как в целом правильные, только не соответствующие конкретной обстановке. Обошлось замирением, возмещением...

Бося все еще драит квартиру наждачкой: сквозь новые и новые побелки опять проступают знакомые пятна, но зачем он это делает? Ведь и на солнце есть пятна, но никому же не приходит в голову драить солнце...

А моей скороварке хоть бы что — ни вмятины, ни забоины. Как не крути, а скороваркой пользоваться — это тебе не дебаркадер перед парадом драить... или на чем там Бося служил? Уточнять не стану, скоро еще один День Военно-морского флота, потолкуем за «чашечкой сакэ» — теперь в моей скороварке созревает кое-что... Это будет мой подарок Босе к его празднику.

Златые горы

Хмельного за свою жизнь бабка Моргачиха выкушала в общей сложности не менее одной кружки. И не более. По молодости пригубляла иногда в компаниях, для приличия, чтоб отстали. А после перестали и приставать.

А вот самогонищу она выгнала столько!.. И при этом не требовала ни условий труда, ни соцкультбыта, опиралась целиком на собственные силы, коих было ещё изрядно, судя по размаху: вся изба была битком забита шипящими и смердящими ведёрными и двухведёрными бутылками. Круговорот дурной воды совершался с непреложностью смены дня и ночи: с одного края созревшие бутылки опорожнялись в перегонный куб, с другой они же пристраивались в общий ряд уже с новой начинкой.

Соответственно, в ночь-полночь можно было без малого сомнения торкнуться в тесовые ворота и без промедления получить каждому своё: кому флакон своедельного, кому словес тачку – в зависимости от того, кто стучался, свой или чужой.

Конспирация соблюдалась железная. На призывный стук в избе отворялось ставенка на крохотной амбразурце с видом на ворота, и при свете солнца или лампочки Ильича, если дело проистекало ночью, являлся строгий старушечий лик. Оpozнание производилось мгновенно: клиентуру Моргачиха знала лучше участкового. Ни паролей, ни условных стуков старица не признавала – только личная удостоверенность. Ни с кем из посторонних без трёх рекомендаций от доверенных лиц она не вступала ни в какие отношения.

Признав своего кормильца, поилица прямо из избы дёрнула хитромудрый шкворень, открывалась противотанковая калитка, и удостоверенное лицо ступало во мрак бревенчатых сеней. Сзади него снова клацкал калёный шкворень, и через малое время в темноте отворялась ещё одна амбразурца – в ней, как фотокарточка без уголка, торчала всё та же Моргачиха и настороженно ждала, когда вылетит «птичка». Ходок совал в амбразуру потную «птичку» с мятыми крыльями и получал по таксе...

Удаление проистекало в обратной последовательности. Только такая конспирация обеспечивала бабкино статус-кво. И ещё отсутствие нареканий на зелье: горело оно всегда, как керосин. Это было главное его свойство, остальное никого не интересовало: «Хоть из пулемёта, лишь бы с ног сшибало...»

Моргачиха попеременно клала поклоны образам со святыми ликами и портрету генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёву Михаилу Сергеевичу: именно его идея широкого отрезвления народных масс и его Полусушённый Указ обеспечили ей безбедную старость. «Дай бог тебе доброго здоровьица и долгих лет, Миша! – молилась на него бабка. – Давно пора было навести порядок в питейном деле!. Что б я делала, коли не ты? Всю-то основу моей жисти ты и заложил!»

Основоположник с пятном на темени одобрительно помалкивал.

Популярность Моргачихи в округе напрочь затмевала авторитет участкового Стрыгина. Как у Моцарта с Сальери: композитора знают и

ценят немногие знатоки, а отравителя знают все. Может быть даже и Моцарта-то знают только из-за Сальери...

Стрыгина из-за Моргачихи склоняли на всех совещаниях, а после сатирической публикации в газете на него стали из-за всех углов показывать пальцем: вон идёт тот самый участковый Стрыгин, который Моргачиху ловит вторую пятилетку подряд!

А как её изловишь, каргу подпольную, если уголовно-процессуальный кодекс вместе с комментариями она вызубрила лучше самого Стрыгина! Окопалась в своём «блиндаже» чёрт знает во сколько накатов так, что не вдруг-то на неё наедешь. Не гранату ж в неё кидать...

А бабы окрестные верещат дурниной: ослобони от этой поилицы-споилицы поганой! А как? Косвенных улик – вагон и маленькая тележка. А прямых – тю-тю...

Вот так-то.

Брали чертовку и штурмом. Местное отделение милиции под сенью прокурорского ордера тщательно готовило операцию в самой строжайшей тайне. А когда первые эшелоны нападающих на своих собственных плечах ворвались в крепость, дело шить было не из чего: горы пустых бутылей да мешок из-под сахара в углу. Зелёные поленицы пустых же бутылок навевали сострадательные мысли о необеспеченной старости, а горстка колотого сахара в старомодном буфете сиротливо пылилась ещё явно с карточных времён. А ведь даже в подпольи тогда рылись и бревенчатые стены простукивали...

Сама Моргачиха возлежала на рослом одре домашней выделки и шёпотом творила молитву. На святотатцев и не глянула.

Детективы готовы были с досады кусать собственные уши и плакали без слёз. Ушли, затаив на всякий случай в сенцах одного маленького, но удаленького сержанта...

Долго тот метался тогда, пытаясь вырваться на волю...

Такого надругательства Моргачихе не спустили. Налёт повторили в сверхсекретном порядке. Выждали, когда бабка выползла из своей крепости на базар, и кинулись в атаку на крепость, пустив впереди бульдозер. Противотанковая калитка рухнула под напором стали и внутрисгораемого огня, группа захвата ударила в штыки: заскребла монтажками по толстолистовым ставням, ломami заковыряли входную дверь... И добились-таки искомого. В избе гулко ахнуло, атакующих смело волной дыма и пара их проёма. А когда смрад рассеялся, в избе нашли горы битого стекла, залитые вонючим потопом, даже с потолка зачем-то лилась тухлая болотная жижа... К делу всё это пришить было нечем.

Крику было: в столице услышали. Газеты, радио, телевидение вопияли о милицейском беспределе в провинциальном городке, о страданиях престарелой Моргачихи и правах человека...

Со Стрыгина едва погоны не сдуло.

С помощью изнурённых трезвостью горожан Моргачиха быстро восстановила разрушенное хозяйство. Ореол великомученицы-троеручницы, выдернувшей себя из геены огненной за свои собственные космы воссиял вокруг неё. Ряды кормильцев у поилицы множились неисчислимо. Отполированный шкворень неустанно отбивал чечётку, отбрасывая блики на шерстистые лица ходоков...

И всё же нашлась проруха на старуху. То, что не смог сделать местный сыск, сделал маленький мальчик Шура Букин и его товарищи.

Шурик в десять лет отроду не мог подозревать о существовании уголовно-процессуального кодекса, а о том, что клин вышибают клином, уже знал. Хотя и не мог судить: хорошо это, или плохо. Крошка сын просто полицезрел в очередной раз объевшегося зельем папашу и укорил его:

-Два раза грохнулся об дорогу, пока от моргачихинского заплота до нашего вихлялся! А всего-то пятнадцать моих шагов...

-Ты!.. Это!.. Щенок Собачий!.. Яйца курицу!.. – пытался выговорить родитель, но утомился, выстраивая фразу, и без видимого перехода перешёл из одной нирваны в другую: обесточился...

А Шура Букин взял рогатку, набил карманы отборным гравием и залез на чердак. С пятнадцатшаговой дистанции снять какую-то паршивую лампочку Ильича над соседкиным заплотом было делом двую выстрелов: один пристрелочный, второй в цель. А высадить досмотровое оконце, отворяющееся на призывный стук очередного ходока, было вовсе плёвым делом – чвырк!.. и обрызганная осколками бабка захлопнула смотровую ставенку, дёпнув за тросик изнутри. А ходок, получив два «холодных» и один «горячий» по оттопыренному карману, взревел на весь проулок... Ароматная струя потекла по его гачам в сапоги...

С этого момента светлые мечты Моргачихи о нескончаемом пришествии разбились о печальную действительность.

Почему она не пошла жаловаться в милиция, было понятно и козе, которая в тот день осталась без выпаса. Только выпустила-было бабка её в потайной ход, обрушился на безвинное животное каменный град из-за окрестных заборов. Невольная поделница скакнула назад и заблеяла. Моргачиха в утешение скормила козе полпачки ростовского беломора, та съела, но не утешилась и заплакала шибче. Избалованное существо не испытывало подобного потрясения за всю свою скотскую жизнь ни разу. Коза рыдала и рыдала в голос, и так надоела бабке душераздирающим беканьем, что та вспылила и стукнула любимицу по рогам.

Коза расплакалась окончательно.

В конце-концов Моргачиха догадалась поднести козе поила, куда влила толику огненного зелья. Несчастное животное запило горе и скоро успокоилось. А потом и развеселилось не на шутку: загнало хозяйку за печку и ну её шпынять! Игриво, конечно, но чувствительно. Моргачиха возроптала: да где это видано, где это слыхано!.. и так далее. А коза резвилась себе. Пришлось поднести дуре ещё шкалик, после чего та уснула...

Дело приняло неожиданный оборот: по избе колотил непрекращающийся камнепад, бабка ярилась в бессилии, выйти на волю не могла, ходоки разом иссякли...

Так прошёл день. Другой...

Ничего не менялось. Моргачиха затосковала.

-Господи! – пала она под образа. – Яви волю твою!..

Писанный бог печально зрил на суетную приверженницу и молчал. Он много повидал на веку своём: казни стрелецкие, козни боярские, бунты

холопские, колодников, в оковах нескончаемо шествующих. Приходилось годами валяться в закутах непотребных и за сребренники продаваемым быть, и пропит тоже был не единожды...

Что мог сказать он, бессловестный, бабе громогласной?

Молчал.

А житьё моргачихино пошло суровое. Перекрёстный огонь окрестных пацанов, именуемых тут «ушанами», не оставлял вокруг избы и с напёрсток мертвого пространства. Ходоков моргачихиных останавливали на дальних подступах к логову очень плотным камнепадом, а стоило возопить, тут как тут участковый Стрыгин: кто? Что? Зачем?..

Осада не снималась и ночью. Партизанское движение охватило всю округу, за право первого выстрела в цель вспыхивали потасовки. Отцы-родители пытались подавить стихию, вышло ещё хуже – участковый стал дневать и ночевать в переулке...

Стратегическая пауза затягивалась, тень грозы зависла над серыми заплатами.

К Моргачихе подкрался ужас.

Товарные запасы в избе громоздились до потолка, а сбыт не вырисовывался. Кризис перепроизводства кричал из всех углов битком осамогоненной избы: рынков!.. рынков!.. рынков!..

Но мир был уже поделен. Крепость ещё удерживалась Моргачихой, всё остальное контролировали ушаны. Они были маленькие, но их было много, и они ещё не научились бояться, да и нечего было им бояться...

Моргачиха впервые в жизни растерялась, совершенно не зная, что предпринять.

Кошмар стал бытом.

Самогонщица потерянно слонялась по межбутылочному пространству, и не могла сообразить, чем бы заняться. Всё валилось из рук. Попробовала пересчитать деньги в многочисленных кубышках, досчитала до двадцать третьей тысячи, и тут помешала коза Манька: подошла и сожрала ком ассигнаций...

Моргачиха дала козе в рыло и попробовала отнять деньги, но та уже сглотнула их. Тыщ несколько сглодала, тварь, в один момент! Моргачиха нервно взрыгнула, спрятала добро от сволочной сожительницы подальше и искала, чем бы вытянуть её покрепче вдоль хребта. Но только замахнулась литой резиновой калошей, Манька вскричала и сделала выпад рогами в сторону хозяйки. Моргачиха успела ухватиться за рога, и они долго боролись – кто кого... Победила Моргачиха: коза была изрядно пьяна и не устояла перед трезвой силой, завалилась набок.

Животное спивалось. Утром Манька просыпалась, зло смотрела на хозяйку и нецензурно бляла. Моргачиха ожесточалась, кричала на козу, и всё без толку: та вопила и вопила, пока старуха не наливала ей в тазик водицы с зельем. Коза опохмелялась, быстро шалела, улыбалась и норовила обмусолить бабкино лицо зханозистым языком. Надоедала хуже горькой редьки. Моргачиха, осерчав, влила ей в таз с водой сразу три бутылки бронебойной – самогонки тройного перегона, изгоняемой для особо доверенных кормильцев по особому заказу...

Манька от таза не отошла. Пила, падала, просыпалась, опохмелялась снова, пела, плясала, куражилась и вновь падала... Моргачиха даже позавидовала ей: залила бельмы и горя ей мало...

Своё горе давило совершенно невыносимо: да когда ж это кончится!? Она что – пропадать тут должна!?

Однажды бабка в ярости выскочила из избы в сени и замерла у противотанкового заплота. По брёвнам защёлкало пулёмётное тра-та-та, жуткая мысль о притаившимся рядом Стрыгине со товарищи парализовала волю. Моргачиха вернулась в избу, устало передвигая чугунные ноги, опустила на половик рядом с козой. Мыслей не было. Была одна неясная, нескончаемая тяжесть, придавившая тело и остановившее в нём жизнь...

Моргачиха дотянулась до бутылки «броневой», налила в крышку от бидончика и ... выпила.

Горло обожгло, как серной кислотой, дыхание перехватило. Бабка зачерпнула воды из ведра, запила пожар, утёрла выдавленные зельем слёзы, снова села рядом с Манькой.

В животе незнакомо потеплело, даже как-то приятно сделалось... Сама не зная, зачем, бюбка налила ещё крышку «броневой» и выпила...

В ушах зазвенели весёлые комарики, межбутылочное пространство смотрелось уже вполне уютным, родимым уголком. «Ишь ты, как весело горлышки бутылочные поблёскивают! – отметила старая. – Что им не блестеть, сама, поди мыла!..»

Товар у неё всегда имел товарный вид, не то что у некоторых... Не зря именно к ней косяками мужики ходят!

«Ходили». – Куснула едкая мысль.

- Это мы ещё посмотрим! – вслух возразила Моргачиха. – Верно я говорю, Маня!?

Маня спала.

-Да ты что, козья морда, дрыхнуть сюда приехала!? – возмутилась бабка. – А ну, вставай, шалава! Пить будем! Гулять будем!..

Она схватила Маньку за рога и ткнула спящей мордой в таз. Коза взбрыкнула, отворила очи: смотрела тупо.

-Здорово, Маня! – обрадовалась Моргачиха. Подруженька моя бессловесная! Обиделась? Да пёс с имя, деньгами! Ну, съела и съела – надо же человеку закусить чем-то! Сейчас мы с тобой сгношим царский стол!..

Она не вставая дёпнула ручку близстоящего холодильника.

-Всё путём, Маня! Всё как у людей! Всё наше с тобой!..

Коза покивала, наклонилась к тазу, похлебала.

-Правильно, Маня! Так-то оно полегше будет! – одобрила хозяйка.

Она налила ещё крышчку «броневой» и выпила. Достала из холодильника початую банку маринованных помидоров, одну помидорину скушала сама, другою протянула Мане. Маня закусила. Поднялась на слабые ноги, сунула рога в студёное нутро холодильника.

-Ешь, родная, ешь! – погладила подругу Моргачиха.

Коза откушала того, другого, остановилась на селёдке: схрумкала её вместе с обёрточной бумагой.

-Молодец! – заулыбалась бабка. – Понимаешь толк!

Ей стало весело. Боже, куда только пропала тоска недавняя! Оказывается, не всё так плохо в подлунном мире! Можно сказать, тут даже очень прекрасно!

-Когда б имел золотые горы и реки полные вина!.. – запела бабка хорошим, моложавым голосом.

И то сказать – шестьдесят семь – разве ж это годы!? Эх, бабочки, что б вы понимали в возрасте! Только сейчас, можно сказать, и поняла, в чём жизнь!..

А что ж это вы примолкли, соседи-соседушки!? Куда подевались!?..

Моргачиха распахнула дверь в сенцы. На улицу...

Град камней косым дождём прошёлся по заплоту, Моргачиху не тронул.

-Эй, народ! – Рывнула бабка в ночь. – Выходи! Пить будем! Гулять Будем!..

Камнепал оборвался мигом.

-Вылазьте из своих нор! – провозгласила Моргачиха. – Люди вы, иль нелюди!?

Она вернулась в избу, распахнула окна-двери, заблажила:

-Всё отдал я б за ясны взоры, и ты владела бы мной одна!..

В соседних избах затеплились огни, заскрипели двери, голоса слышались.

Первым вышел сосед слева, Степан Букин. Посмотрел подозрительно на ярко освещённую моргачихинскую цитадель, недоумённо буркнул:

-Ты что базлаешь среди ночи, старая? Рехнулась?

-Степан! – обрадовалась Моргачиха. – Подь сюды! Приложись, родимый, к бронебочке! – Она воздвигла на подоконник сразу несколько бутылок, набулькала полный ковш и пртянула Степану.

Тот подошёл, принял ковш, укорив:

-Куда ж ты столько набухала!

Однако выпил далеко за половину.

-Ничо вы устроились среди ночи тёмной! – послышался через дорогу голос Михаила Сыромукова. – Как в кинe, прям...

-Минька! – загрохотала Моргачиха. – К нам!

С другой стороны выдвигался уже Сергей Ухарев, кто-то ещё...

Удивлялись мужики несказанно, с интересом поглядывали на соседку, будто впервые её видели, но вопросов лишних не задавали.

Скоро возле моргачихинской избы «дым стоял коромыслом». Мужики степенно прикладывались к «бронебойке», обсуждали событие.

Моргачиха плясала, поднимая тучи пыли обрезанными валенками-опорками, сыпала частушками:

Ох! Ох! Ох! Ох!.. Что ж я маленький не сдох!..

В это время участковый Стрыгин носился в ночи, поднимая милицейские силы на сокрушение внезапно выползшего из цитадели противника...

Три пээмгэ, как нахлётанные, пронесли по спящим улицам города и заскакали на диких колдобинах Переулка. К этому времени пыль у моргачихинской избы достигла невидимых небес, плясали уже все, кто ещё держался на ногах. Ошалевшая Моргачиха вошла в раж и оглашала окрестности рёвом:

-Всех спюю!.. Всем спюю!.. И-и-и-иэх!.. Гуляй, родимые!..

Неизвестно, кто первый крикнул: «Менты!». Моргачиха замерла в немыслимом коленце. Подпрыгивающие на кочках узики в свете уличных фонарей смотрелись зловеще и безнадежно...

Бабка простояла несколько страшных мгновений, потом очнулась, как бы вспомнив важное нечто, метнулась в избу.

Полку с «бронбойной» батареей она обрушила в мгновение, и тут же бросила в хлынувшие потоки зажжённую спичку. Товар не подвёл: огненные снопы вылетели из окон. Рухнувшая под порог Моргачиха взвыла волчицей, но тут же вскочила. Подняла двухведёрную бутылку «бронбойки» и грохнула её в шеренгу таких же. И только тогда выкатилась на улицу...

Милиционеры бежали к крепости, бросив машины в непроходимых колдобинах. Моргачиха прыгала под окнами своей пылающей избы и вопила:

-Пропадать, так с музыкой!..

Ошеломлённые событиями мужики бестолково гуртились поодаль, кто-то побежал за ведрами.

Изда пылала, как керосиновая лавка.

Улик не стало. Они ушли в безветренную ночь вместе с огненным столбом и самой крепостью. Милицейская рать отгоняла любопытных ребятишек, а когда прибыли пожарники, тушили уже голвёшки, да на всякий случай поливали соседние заплоты.

Соседки увели Моргачиху и пахнущую палёным козу к себе. Пытались унять разгулявшуюся бабку, но все. Была она совсем пьяна и норовила снова и снова спеть полюбившиеся строки:

-И реки, полные вина!..

Тихушник

Гоша Вторушин рехнулся на почве рыбной ловли: всё свободное время посвящал ей. И допосвящался...

В пятницу вечером жена измахратила об него вяленого язя и объявила:

-Или рыбалка, или я – выбирай!

...А наутро едва не убиенный Гоша уже сидел на берегу Сенной Курьи и оскорблённо дёргал из мутной воды всякую непристойную рыбовшивоту: ершей и прочих ельцовых пескарей...

Выбор был сделан.

Самый зелёный оглоед-недорыбок не бросил бы Гоше упрёк «нас на бабу променял!» Без колебаний променял Гошка свою необъятную Зинаиду на рыбу частичковых пород - другой в Сенной Курье не водилось.

Ехать на настоящую, но дальнюю рыбалку, было не с чем и не на чем. Взбешенная Зинаида в то же утро приступила к справедливому разделу имущества: изъяла в свою пользу квартиру со всей начинкой, дачу, гараж с «горбатым запорожцем», лодку и снасти. Георгию достались три закидушки без грузил и пара резиновых сапог. Всё. Документы экс-жена пообещала выслать ему почтой, как только он подыщет себе какое-нибудь пристанище и обретёт адрес.

От дверей квартиры Гошу отгоняла Зинаида, с дачи шуганула тёща, на гараже объявился новый амбарный замок, лодка со снастями уплыла в неизвестном направлении...

Жизнь поперхнулась.

В иное время Гошка запил бы горькую, был бы морально бит, и на том бы всё уладилось – вина осознана и преступник раскаивается... Но запить не получилось! Пережив несколько лет назад шок от введения Полусушёного Закона, Гоша на ногах перенёс психзаболевание, и последующее вино-водочное изобилие было для него всё равно, что для кастрата публичный дом.

А если учесть, что не только пить, но и есть по-человечески он разучился после отторжения от дома, то дальнейшее его жизнепрохождение отяготилось тотально.

Георгий ожесточился.

На работу в понедельник он не вышел. Равно как и во вторник, среду, четверг, пятницу... Коллектив учинил следствие, и установил: иссяк ударник комтруда Вторушин и следов не оставил. Зинаида на вопросы не отвечала, выпроводила делегатов и хлопнула дверь.

Зинаида психовала. Наступившие вновь суббота и воскресенье её добила. Поздним вечером она оббежала гошкиных корешей, рассчитывая изъять у них изгнанника и вернуть в лоно. Но того на явках не было. Кореша смотрели на неё сурово и быстро выпроваживали.

К ночи Зинаида не удержалась на психическом краю и обрушилась на свою мамашу:

-Это всё ты!.. Ты!.. Ты!..Ты!..

Мамаша её была дамой, не робеющей и перед десятком таких, как она сама.

-На кого хвост подымаешь!? – осадил она доченьку. – Мотри, я те не Гошка, вмиг перья повыдиргиваю!

Зинаида припала к столу и растеклась слезой по клеёнке.

Обнаружили пропажу там, где ей и полагалось быть – на Сенной Курье. Заскорузлый, замшелый Гоша сидел на берегу водоёма и поедом ел снимаемую с крючка добычу. Хруста не было: рыбёшка попадалась мелкая, глоталась без прожёва.

Остолбеневшая делегация трудового коллектива пришла в себя и тут же снова вышла из себя. Потребовала прекратить извращенчество и проследовать на производственные площади для решения вопроса и дальнейшего рассмотрения...

Живоглот отверг законные требования и отнецензурил всех скопом. Все оскорбились и отбыли протоколировать событие.

Зинаида исходила тайными слезами, но на берег не шла, блюла характер. А когда Георгия затеялись увольнять, растерянная бабёнка вскричала: «Погодите!..»

И добилась того, чтобы оформили прогульщику отпуск задним числом.

Отпуск шёл. Гошка с берега не шёл. Отпуск кончился. Гошкина рыбалка не кончилась.

Зинаида выплакала для него ещё две недели «без содержания».

Гошка на работу не шёл. Он вообще никуда не шёл. Сидел на берегу и ел рыбу. Рыба, хоть и мелкая, пока ещё шла.

И тут несгибаемая Зинка сломалась и пошла к Гошке на берег Сенной Курьи.

Гоша при её появлении не повёл ни ухом, ни рылом, сидел на кочке и ел ершей. Вид у него был совершенно дикий, голимая ершатина переродила его сущность до неузнаваемости. Смотрелся едок колюче, хищно.

-Гошенька!.. – пала перед ним Зинаида на круглые колени. – Прости, родимый!.. Хватит!.. Пошли домой!..

Гоша доел ерша, уцепил за «зебры» другого и ... кинул его в себе в глотку хвостом вперёд.

Зинаида от ужаса окаменела. Заслонила от страшной картины трепещущими руками, потом быстро засемила на четвереньках прочь, задом наперёд. Стукнулась безглазым местом об корягу, вскочила на ноги и понеслась прочь, оглядываясь и надавая после каждой оглядки...

Вторую и третью делегации профсоюзников Гоша оскорбил действием: кинул в них горсть ершинных хребтов и по-нечеловечески хрюкнул...

После чего Зинаиде предложили зайти в «кадры» и забрать трудовую книгу мужа с увольнительно-прогульной записью. Расчёт не выдали – денег «нету».

Гошка не возвращался.

Вскоре Зине сообщили, что её фамилию вычеркнули из списков на получение квартиры в связи с фактическим изменением семейного положения и вообще...

Зинаида возопила. Ей не препятствовали. Присовокупили лишь, что и в круиз вокруг Европы ей собираться не надо: в связи с вновь

открывшимися обстоятельствами профком отложил рассмотрение её заявления... Кроме того, профком считает, что следует пересмотреть её...

Окончания Зинаида не слышала. Она вышла из профкома и пошла куда глаза глядят. Глаза глядели плохо, слёзы ухудшали видимость почти до нуля, но какой-то инстинкт вёл её, как автопилот, и вывел... на берег Сенной Курьи.

Гоша на её появление не реагировал, ел ершей.

Зинаида посидела рядом, жадными, безумными глазами поразглядывала до неузнаваемости изменившегося Гошу, потом протянула руку и ... тоже взяла ерша за «зебры»...

1992

Кросс

На службу мы не рвались, от службы не бегали. Старший смены радистов, сержант Володька Олейник, оставшиеся дни до дембеля тянул «на одном крыле». А нам тем более все было до легендарной «фени».

Когда мы в пес-знает-какой раз подряд опоздали после ночного дежурства в часть на утренний развод, ротный сказал:

— Хватит.

И повел нас отучать от дурной привычки. За забором военного городка он построил нас на краю бескрайней степи и произнес:

— Воины! Я понимаю, что сон на боевом дежурстве есть дело чести, доблести и героизма. Но именно в это время не дремлет враг! А если вы со службы ползете, как черепахи, то как вы собираетесь на нее по тревоге бегать? По-пластунски? Не-ет, орелики, так дело не пойдет. Кросс по пересеченной местности — вот что вылечит вас от спячки!

Капитан показал в сторону маячившего в степи свинарника:

— Туда и обратно. Засаею время. Не уложите, повторим. До посинения. Бегом, марш!

И мы побежали. А ротный сел на пыльную кочку и стал посматривать на свои командирские часы, прикидывая, когда мы достигнем намеченного рубежа и припылим назад. Две версты туда и не менее двух обратно по вполне пересеченной местности — хронология предвиделась куда ближе к получасу, нежели наоборот.

А каково нам было с нашими очугневшими от сидячей службы «нижними плечевыми поясами»? Караульжды-караул...

Через полверсты стало ясно — не видать нам свинарника в этой пятилетке, как той свинье неба: колотье во всех боках сразу и непривычность самого по себе занятия невелили такую истому, что идея перекура вызрела вмиг.

Первым признался, что помирает, Ваня Аминяков, известный в роте как Купа Гениальный. Окабаневший на всенародных харчах Купа вымучил:

— Буксы горят... пора кончать лавочку... пиздец подкрался...

— Ложись!.. — придушенно охнул Коля-Кашалот и первым пал в пыль степей.

И мы все полегли в этой крохотной лощинке. Неизвестно, что подумал ротный, когда мы как сквозь землю провалились. Может быть, он не сразу и заметил это. Мы уже отдышались, когда он встал с кочки и приложил руку к козырьку фуражки: задумчиво зрил в нашу сторону. А мы смотрели на него сквозь подшерсток реденького бурьяна и комментировали возможные его выходы...

Гениальный закурил, а Володька Олейник, к дембелю впавший в беспредельный мистицизм, вынул из кармана колоду карт:

— Кого ободрать, военные?

— Сюда идет! — страшно зашептал Кашалот. — Выгнуть хребты!

Мы насторожились. Володька Олейник сунул колоду назад в карман и тоскливо плюнул. По уставу именно ему полагалось играть сейчас первую скрипку, но затянувшийся дембель до такой степени обезволил

его, что ему лень было даже вспомнить, что командир он, а не мы — все пустил на самотек... Ладно еще Кашалот спасал положение.

— За мной! — подколодно шикнул Кашалот и дал такой пластунский ход вдоль мелкой лощинки, что мигом оторвался от масс плевка на три. Мы надали. Лощинка вильнула в сторону, мы тоже.

— Идет на свинарник, — тихо доложил притормозивший для рекогносцировки Кашалот, — ходу!

— Перекурим! — завозмущался Гениальный. — Мы что, кони!?

— Засечет ротный! — горынычем вспушился Кашалот. — Потерпи, не крикнешь! За мной!..

Лощинка кончилась и растеклась по степи, как речка в море. Прямо перед нами иссыхало крохотное озерцо, оккупированное стадом черно-белых в прошлом свиней во главе с Мишкой Редько из хозроты. Хряки ковыряли пятаками густеющую грязь, Мишка оцепенело висел на колу-посохе, через плечо у него свисал добротный бич из грязной сыромятины.

— Мишка! — негромко позвал его Кашалот.

Мишка дернулся, будто от гласа небесного, заозирался.

— Мишка, — строго повторил Кашалот.

Мишка забдил наконец ползучую компанию, сделал кубические глаза. Кашалот приставил к губам палец, смотрел на Мишку не менее геометрично-кубово.

— Тихо! Ходи сюда! — приказал он Мишке.

Мишка уронил кол-подпорку, зашелестел кирзачами в нашу сторону.

— Торчи, — приказал Кашалот, — смотри в сторону.

Мишка замер статуем.

— Ротный нас пасет, — зашипел Кашалот поясняяще, — а ну, глянь, что он там делает?

Мишка посмотрел туда, где мы как сквозь землю провалились, сообщил негромко:

— Стоит, по сторонам зырит. Вроде и сюда...

— Гони на нас своих скотов! — скомандовал Кашалот. — Прикрой отход!

Мишка мигом усек, что к чему, даром, что не стратег. Не спеша он обошел свою щетинистую кодлу и шуганул ее бичом в нашу сторону. Животный мир возроптал, нехотя передвинул пятаки ближе к нам, только один рослый хряк, вождь по обличью и повадке, упорно чавкал какой-то грязной травянистой мочалкой посреди озерка.

Мишка подкрался к вождю с тыла и врезал ему бичом под хвост. Вожак вскипел и сказал что-то грубое.

— Поговори у меня! — цыкнул на него Мишка и вновь замахнулся бичом.

Хряк непечатно выругался и нехотя подался к стаду, а мы быстро просочились сквозь скотские ряды и оказались у стада в тылу.

— Ротный сюда смотрит, — доложил Мишка оперативную обстановку.

— Делай вид! — неопределенно приказал Кашалот, но Мишка понял. Он деловито прошелся вдоль своего свинства, ошпарил сыромятиной какого-то праздошатающегося подсвинка:

— На место! Дезертир поганый...

Подсвинок выругался по-своему еще неокрепшим, но вполне уже нецензурным тоном, прыгнул в ряды.

Ротный что-то прокричал Мишке, но расслышать было невозможно — далековато. Скотоводец показал пальцами на свои уши, развел руками: не копенгаген, дескать...

Капитан махнул рукой и двинулся к далекому свинарнику, озираясь по сторонам, а мы споро поползли к исходной позиции, откуда начался забег на безразмерную дистанцию. Мишка прикрывал нас сзади своим свинством...

Одинокая фигура ротного мельтешила в степи, то проваливаясь по пояс в лощинах, то вновь вырисовываясь во весь гвардейский рост.

Гениальный засмердил «примой», Володька раскинул колоду для «дурака навывлет». Мишку из уважения ввели в первый роббер, но вылетел он влет — потерял квалификацию вдали от цивилизованного общества...

— Счастливо! — поднялся обиженный скотоводец и откочевал со своей кодлой обратно к грязям.

А наш капитан достиг намеченных им же самим рубежей и скрылся за заплотом низенького строения...

Ба!.. Вон он куда вознесся! Стоит на крыше свинатника и Муромцем озирает окрестности. Заметит нас, нет? Заметил?.. Точно, заметил: исчез с крыши, как провалился, и вот уже бодрой иноходью чешет к нам. — Хорошо идет аксакал! — похвалил Кашалот.

Всех офицеров старше тридцати лет — пожилых в наших глазах — мы звали аксакалами, в отличие от прочих стариков и дедов, как называли только солдат срочной службы на исходе ее.

Аксакал на одном дыхании прошел двухкилометровую дистанцию и перешел на шаг за сотню метров от нас, отдышался и, приблизившись, уже вполне по-командирски рявкнул:

— Встать!

Мы встрепенулись, как мишкины хряки от бича. Капитан стоял перед нами и, похоже, силился сказать что-то интересное, но все не находил нужных слов, только удивленно оглядывал нашу запыленную компанию.

— Где были? — спросил.

— Где приказано, — отозвался за всех Кашалот, — в бегах.

— В каких бегах!? — озлился ротный.

— Как в каких? — изумился Кашалот. - В степи!

- Я что, слепой!? - злился ротный. — Почему я вас не видел!?

— Так быстро бежали, — пожал плечами Кашалот, — по-пластунски к тому же...

— Как — по-пластунски?.. — оторопел ротный.

— Показать? — спросил Кашалот.

— Погоди... — остановил командир, — а почему я вас не видел, когда туда шел и назад?.. Вы что мне мозги компостируете?

— А мы дальше побежали! — борзел Кашалот. — Вы ж не сказали, до какого свинатника — нашего или летуновского. Ну, мы на всякий случай до ихнего рванули... А назад скакали уже во-о-он за тем пригорком, — показал Кашалот в бесконечность, где у горизонта действительно сливалась с небом какая-то возвышающаяся линия.

Капитан смотрел на нас, в степь, ничему и никому, понятно, не верил, но и сообразить что-либо не мог. Полтора десятка юных наглецов ели командира бесстыжими глазами и наперебой лгали:

— Ох и намаялись!.. Век так не бегали!.. Нас и в школе так не гоняли!.. Все яйца пооттоптали с этим пластунским бегом!..

— Да вы за кого меня принимаете! — взвился ротный. — Вы что, за полчаса пробежали по-пластунски тридцать километров!?..

— А что, мы лыдые, что ли!?.. — галдели мы.

Капитан зыркнул на нас так сурово, что мы вмиг поскучнели: что он там еще замыслил?

— М-да... — неопределенно произнес капитан, — значит, по-пластунски... Ну, хрен с вами... Ладно, орелики, где прятались?

Мы молчали.

— Кто командовал забегом? — спросил ротный.

— Кашалот, — вякнул кто-то.

— Какой Кашалот?

— Ну, Никола Ботов, — пояснили из рядов.

— Та-ак, Олейник, значит, самоустранился напрочь...

Он походил вдоль шеренги, остановился.

— Смена!!! — прорычал капитан. — Равняйся, смирно!

Мы по-свински вздрогнули и замерли.

— Рядовому Ботову благодарность от лица службы за находчивость и умелое командование! Сержанту Олейнику трое суток гауптвахты за самоустранение от обязанностей командира!..

Тишина степная не осквернялась даже далеким хрюканьем.

— А теперь пробежимся, — уже просто сказал ротный, — Направление прежнее — свинарник. Приготовиться!.. Марш!

И мы рванули.

— Отставить! — крикнул ротный.

Мы оцепенели.

— По-пластунски! Марш!

Старик

Старику Лутошкину стукнуло двадцать, но выглядел он ещё неплохо. Конечно, не скажешь, что пахать на нём можно, но им самим пахать было бы сподручно: поджарый, жилистый, смахивал он на хорошо откованный лемех. И в первый год службы «пахал» он вовсю: ходил в наряды, марш-бросался во все стороны, спал, как убитый и ел до дна.

Суровая воинская жизнь шла явно на пользу бывшему двоешнику. Подтянулась отвисшая было нижняя губа, и даже подтянуть себя к перекладине мог уже без посторонней помощи. И картофельная ботва хилых рук превратилась в рельефные стебли бамбука. И одышка, накуренная за одиннадцать лет пребывания в восьмилетней школе, выпарилась с первыми ведрами пролитого на ученьях пота. Первый год пролетел, как стометровка. Впереди маячали радостные перспективы...

А второгодник Лутошкин смотрел на жизнь уже иначе. Первую половину второго года службы он ещё бодрился, но потом возраст стал брать своё: трудно стало подниматься с постели, пропал аппетит. Инстинкт самосохранения гнал его на физзарядку, но видно было, что это уже агония – на сорок восьмом витке вокруг стадиона старик сходил с дистанции и понуро плёлся мимо столовой к спасительной постели.

Доходил...

Последние два месяца перед дембелем он стал заговариваться: назвал ротного гражданином начальником, а салагу Деточкина странным именем «Унтерменьш». И вообще стал ворчлив: то щи были не те, то молодёжь не та, то вовсе всё не так...

То что раньше всё было лучше – коню было понятно. Раньше через него Лутошкин перепрыгивал с первой попытки, а теперь его на того коня можно было загнать только под пытками. Лутошкин всё время искал нору поукромнее, где можно было в оцепенении спокойно отсчитывать оставшиеся до дембеля недели, дни, часы, минуты...

Старшина-корешок отправил его в почётную ссылку – считать портянки в каптёрке. Но у старика прохудилась память, и вышли от его счёта одни убытки. В конце-концов сбагрили старика в отстойник – так в роте называли отделение электромехаников. Эти воины обязаны были держать начеку дизель-генераторные агрегаты на случай внезапного отключения централизованного энергоснабжения. За всю историю части таких чепе не случалось, поэтому служба у «выпавших в осадок» получалась непыльная, заняты были в основном, «работой над собой»: спали до опухания, слонялись кто-где и тэ дэ... Надраенные до блеска агрегаты оживали лишь в минуты учебных тревог, которые добавлялись в дембельский рацион, как ложка дёгтя – чтоб служба мёдом не казалась. Но и тогда самые расторопные дембеля умудрялись ткнуть в кнопку «пуск» раньше, чем тревожная сирена возьмёт ноту «фа».

А чтобы служба и каторгой не казалась, привиредливый старик Лутошкин сгношил себе портативный спальный станок на манер раскладушки. Не мог он, как предшественники, нести службу на матрасе, кинутым поверх дубовой скамьи. Одну смену пролежал он на твёрдом

одре, как лом проглотивши, и возроптал: « Я что, фуганок!?!» Сгношённая им раскладушка компактно слагалась и хорошо маскировалась от начальственных глаз под висевшей на стене схемой. Сам Шерлок не догадался бы искать её там.

Как только старлей Рыков заканчивал ежедневный ритуал осмотра вверенной ему дизель-генераторной станции и уходил, старик закрывался и раскидывал посреди просторного помещения свою портативку.

И начиналось самое главное – подсчёт оставшегося до дембеля времени. Каждый день итоговая цифра получалась меньше вчерашней, и это утешало. Лутошкин с удовольствием переводил оставшееся до дембеля время в разные единицы измерения: в банные дни, вёдра выпитого компота, длину выкуренных сигарет и число сдохнувших бы от их никотина лошадей, литры выпитой водки и прочью « мягкую пахоту»...

Например, до дембеля осталось тридцать буханок: то есть умножаем ежедневные полбуханки хлеба на шестьдесят дней = 30 буханок!

Или – до дембеля осталось три метра селёдки: значит умножаем ежедневный кусок селёдки длиной около пятидесяти миллиметров на те же шестьдесят дней = 3 метра!

Сладкая мука ожидания вождедлённого дембеля вошла в потребность, порой даже мыслишка тревожная озаряла: вот кончится срок и кончится радость вождедения, придёт какая-нибудь скучная проза жизни «от полочки до аванса»...

На замаскированную лежанку старлей Рыков напоролся случайно. Он понял всё. Но промолчал...

В ту же ночь в дизельной взывала сирена. Старик, на дежурстве спавший крепче, чем в казарме, с перепугу выпал из спального станка и только тогда проснулся окончательно. Темень была вокруг. Кинулся включать аврийное освещение - не сработало. Наощупь ткнул в кнопку « пуск » у первого дизеля – не врубился дизель. И второй «ни гу-гу...» И третий. Лутошкин вдавливал кнопки чуть ли не на полпальца вглубь, но всё всуе...

Такого в истории полка еще не было.

Старик Лутошкин метался в темноте дизельной, как мышь в ведре, и не находил выхода. А за дверью уже гремел рыковский бас:

-Почему агрегаты не работают!? Немедленно запустить!

Старик швырнул скомканную раскладушку в тёмный угол и кинулся отворять дверь.

-Немедленно запустить агрегат! – скомандовал командир.

-Не могу!

-Что значит – не могу!? – вызверился старлей.

Он шагнул во мрак, пошебуршился возле техники и ... дизель загрохотал. И второй. И третий. Вспыхнул свет.

-В чём дело, рядовой? – металлически спросил Рыков.

Лутошкин молчал растерянно. В чём дело, он узнал много позже, когда его ответ был уже не нужен. А пока он по распоряжению старлея заглушил дизеля – тревога была учебной.

Вторично в эту ночь сирена завывала в самый неподходящий момент: во сне Лутошкин примерял дембельские погоны, выполненные, в нарушение формы одежды, с дюралевыми вставками внутри.

Он опять бестолково метался в своём тёмном царстве без проблеска надежды. Сирена откричала гамму от нижнего «до» до верхнего и через «си» скатилась вниз, а чугунные истуканы не реагировали на попытки запустить их. Лутошкин в отчаянии пнул в станину дизеля и взвыл сам.

А когда вновь появившийся старлей Рыков спокойно завёл дизеля, старику стало плохо...

Рыков вырубил дизеля, объявил конец учебной тревоги и ушёл. А Лутошкин большими глазами смотрел на дизеля и силился сообразить, почему они ему не подчинились.

-Вы что же, гады? А?

«Гады» молчали. Тогда Лутошкин стал их заводить. Без команды. На свой страх и риск. Тишина была ему наградой. Утренне солнце не обрадовало осолодленного дизелиста – впервые за много месяцев он не спал всю ночь. Обнюхал агрегаты со всех сторон, не нашёл изъяна...

А когда в ожидании сменщика задремал сидя за столом, вновь взвыла сирена тревоги. И вновь Лутошкин заметался бестолково и безрезультатно, чувствуя, что мозги вскипают, и он готов разнести упрямец подручными средствами...

Прибежавший старлей отобрал у ошалевшего воина молоток и ... завёл дизель.

Тревоги были учебными, но старика они не научили ничему. И следующее дежурство он начал не со схемы, а с того, что было под ней. Судьба подарила ему сладостные мгновения погружения в преддембельские грёзы, но потонуть в них не дала, повторился вчерашний кошмар...

Старик напрасно рвал рычаги агрегатов и волосы на голове: первые не оторвать было и зубами, а вторые не отросли ещё настолько, чтобы за них можно было надёжно уцепиться.

Приходил Рыков, заводил дизеля. Уходил. Ревела сирена. Метался всуе Лутошкин. Приходил Рыков. Заводил... Уходил...

Ночь длилась уже лет семьсот, а конца ей не предвиделось: сирена завывала с короткими перекурами снова и снова...

Служба стала кошмаром. Старик приходил на дежурство и принимался за очередную переборку очередного агрегата. Доискивался ответа, роясь в схемах, чертежах, пособиях. Про спальный станок забыл, не до него было.

Перед самым дембелем он нашёл то, что искал: за аккумуляторной батареей на тянувшемся к стартеру проводе было маленькое самодельное приспособление непонятного назначения. А когда старик понял, что это такое, пришла его очередь промолчать.

Самоделка была проста, как мундир от съеденной картошки: оно разрывало электрическую цепь при большом пусковом токе и опять соединяло её при малом. При проверке прибором цепь оказывалась исправной. При нажатии на «пуск» большой пусковой ток вырубал контакт и стартер «не брал». И вся эта примитивная «адская машинка» стоила старику Лутошкину седых волос и испоганенных грёз...

После дембеля Лутошкину не стоило труда устроиться на работу дизелистом: любой агрегат он мог собрать и разобрать с завязанными глазами.

И всё же Лутошкин написал в часть старлею Рыкову. Тот ответил и пояснил – как и зачем дрессировал старого человека, как молодую обезьяну:

«... так что не журишь, Санёк, худа без добра не бывает... После тебя в отстойник напросился ещё один престарелый воин, теперь просит забрать его оттуда: дескать, все ночи воет тут тайная сирена, помимо штатной, и рвёт ему нервы... Мы с ним обыскали все углы, ничего не обнаружили подозрительного. Вой идёт откуда-то из самих агрегатов, он их уже по несколько раз разобрал-собирал с помощью всего отделения, но ничего найти не могут... Всё, вроде, исправно, а вои ночные не исчезают! Заводятся с полоборота уже и дизеля и дембеля... По-моему, это твоя работа, ты что-то захимичил на прощанье. Но ты не сообщай секрет даже мне – пусть сами докопаются к своему дембелю...»

Маневр

Увольнительной у Лешки не было, и быть не могло. Была лишь нужда прошвырнуться в город. Сделать это он вознамерился до вечерней проверки — эта облигация должна при любом розыгрыше сойтись до запятой на обороте.

Если ты стаптываешь третью пару сапог вокруг одной и той же казармы, тебе не надо объяснять, какую доску в заборе надо отодвинуть сегодня, чтобы иметь возможность сделать это и завтра...

Старый воин обязан знать обстановку в радиусе собачьего бреха не хуже дворового кота. Поэтому, когда Леху застучал на обратном пути патруль и погнался вниз по Большой Крутоовражной, он использовал все преимущества старожилы.

Молодцеватый капитан-связист и два курсанта местного училища считали погоню уже законченной, но Леха это трепыхание не считал даже началом. Подумаешь, загнали его в скворешник-сортир в углу коммунального двора! Ну и что? Он специально сюда забежал...

— Спокойно, ребята! — сообщил Леха, щелкнув изнутри шпингалетом. — Ведите себя прилично!

— Вылазь, самоходчик! — предложили загонщики.

— А если мне не охота? — возразил самоходчик.

— А чего тебе охота?

— А вы подумайте сами!..

— Ну, не до ночи же ты будешь там сидеть!

— А вдруг?

— Нет, паренек, маневр закончен, сдавайся! — капитан уверенно дернул дверную ручку и ... оторвал.

— Мелкое хулиганство, — съехидничал Леха, — чему вас только в академиях учат?

— Вылазь по-хорошему! — зашипел капитан. — Все равно никуда теперь не денешься, дверь высадим, но возьмем!

— Я сейчас «караул» закричу, — пообещал Леха, — пускай люди послушают!

Загонщики отскочили от сооружения.

— Так-то оно лучше, — похвалил Леха.

Патруль совещался недолго, решено было взять крепость коротким штурмом: не отступать же перед обнаглевшим самовольщиком! Курсанты пробежались вдоль двора, нашли подходящий кол и ломанули калитку... В заведении никого не было. Тайный ход обнаружился сразу: две доски висели на верхних гвоздях фрачными фалдами...

— Не уйдет, — воодушевился капитан, — две версты по чистому полю до казармы, все равно заметим и нагоним! Ходу!

Трио лихо вынеслось со двора и зарысачило по пыльной дороге, удивленно озираясь по сторонам: пусто! Не мог же самовольщик за пару минут пробежать незамеченным две версты по чистому полю! Залег, что ли? Но негде укрыться на голой равнине, покрытой чахлыми былинками, все вокруг просматривается как на колене!

Запыхались, перешли на шаг.

— Мистика... — сказал капитан, — чемпион попался, что ли?

А «чемпион» догонял их на такси. Когда «волжанка» обдала шарахнувшуюся врассыпную троицу густой пылью, он попросил водителя тормознуть. Машина проскочила метров двести, и ждаль пришлось, пока из пыли показались посеревшие преследователи. Леха вышел из машины и погрозил им пальцем:

— Я вот напишу в училище, как вы службу несете, сачки! А ну, бегом, марш!

Обомлевшее от такой наглости трио пришло в себя, и к Лехе бросились тигриным выводком. Но где там! Задохнулись в пыльном смерче, вылетевшем из-под «волжанкиных» колес.

Побрели назад уныло, как разведка без «языка». Таксист от казарм вернулся быстро, притормозил:

— Садитесь, служивые!

— Проезжай! — сердито бросил капитан и отвернулся.

— Садитесь, не стесняйтесь, солдатик оплатил и обратную дорогу до того места, откуда вы его гнали! Иначе, говорит, не по-товарищески получается!

— Катись!!! — озлились патрульные.

Машина тронулась, но водитель притормозил, высунувшись в окошко.

— Да! Он просил еще передать, что все же лучше воевать не числом, а умением! И маневр свой, говорит, должен знать каждый!

И дал гари...

Ничья

Сегодня Владимир Ревякин в третий раз за последнюю пятилетку бракосочетался с Антониной Ревякиной. Размашистая коса Володькиной натуры частенько высекала искры, налетев на монолит Тониного характера. Дважды Тонин брат Сергей подгонял “ЗиЛ”, кидал в кузов узлы с кастрюлями и, подмигнув Володьке, увозил сестрицу на другой конец города под сень родительского крова.

Конфликты имели смысла не больше, чем ирано-иракская война. Тонины действия просчитывались по известной с каменных времен формуле — “Ах! Ты так!”. После чего бились горшки, а через некое время начиналось восстановление разрушенного зачем-то хозяйства...

Володька, в миру именуемый Вольдеморд, первое время разлуки гусарил в опустевшей квартире под звон стаканов и обшарпанной гитары. Приятели непостижимо скоро узнавали о его одиночестве и спешили со склянками утешительной микстуры засвидетельствовать участие: поздравляли или соболезновали в зависимости от взгляда на событие. Утешение набирало обороты так резко, что становилось ясно — оно может продолжаться уже независимо от первопричины, как пошедший “вразнос” дизель. Приходили приятели приятелей, их знакомые... Вольдеморд чувствовал свое присутствие здесь все более необязательным. Оставалось, разве что, по долгу и праву хозяина выгребать мусор и битую посуду...

Наступал момент, когда Вольдеморд переставал открывать дверь ломившимся ходакам и брался за метлу. В прошлый раз он крепко удивил шофера мусоровозки, стащив к его приезду одиннадцать мешков бытовой дряни вперемешку со стеклотарой.

— Ты что, мужик, специально копил все это, что ли?

— Творческий отчет за последнюю декаду, — пояснил Вольдеморд, — пихни лопатой, видишь: не лезет!

На этот раз дело дошло только до восьми кулей...

Вольдеморд позвонил Тоне на работу и справился о делах по размену квартиры. Тоня бросила трубку. Вольдеморд позвонил снова и сообщил, что нашел подходящий вариант, предложил встретиться и обсудить его. Тоня согласилась.

На переговоры она явилась незнакомо притихшая, с отрешенным видом ходила по квартирке, молчала. Сказать ей было нечего. Она опять успела оформить развод и подать заявление на размен, и... все прочие мосты сжигались раньше, чем форсировался Рубикон, последние легионы выскакивали на тот берег, ничего не видя от слез и копоти. Отступить Тоня не умела. Тоню можно было только взять в плен. Вольдеморд знал это. Он забросил Тонины сапоги и пальто на антресоль и предложил ей вечную свободную любовь в условиях кромешной разлуки.

Тоня взорвалась, как граната без замедлителя:

— Циник! Негодяй! Ноги моей здесь больше не будет! Отдай вещи, провокатор!

Она бросилась на заступившего дорогу “циника”.

— Прочь с дороги! — Тоня так толкнула коварного разведенца, что тот отлетел в ближайший угол, намертво, однако, вцепившись в прекрасные руки девяностокilограммовой толкательницы. Наманикюренные ногти пламенели у Вольдемордовского лица, мощное Тонино колено упиралось в грудь, но касание лопатками пола поражения здесь не означало. Циничный негодяй коварно извернулся, скомкал налетчицу в охапку и понес в комнату...

Утром заплаканная Тоня давала указания, вечером вновь подкатил Серега с контрибуцией.

И вот очередное сочетание.

На этот раз протокол предстоящей церемонии решено было изменить. Вольдеморд обговорил со своим корешком, трактористом Геней Теплоуховым, детали. Генка проходил по делу свидетелем, но даже он не ожидал, что дело может принять такой оборот. Идею он оценил влет, восторгнулся и проникся — приятеля он всегда ценил за находчивость. Возможные действия противной стороны были просчитаны на десять ходов вперед, одиннадцатым ходом была предусмотрена даже возможная рокировка в короткую сторону.

В пятнадцать ноль-ноль Тоня с неистребимой подружкой Лидой прохаживалась у райисполкома, поджидая Вольдеморда с Генкой. Пускаться в третий поход к достижению невечных идеалов Тоня предпочла без лишнего антуража. Договорились встретиться у районного ЗАГСа, пригласив только свидетелей.

Прохладное октябрьское солнце грустно улыбалось из непросыхающих луж, желтые кораблики листьев сбивались ветром в тесные флотилии. Тоня строго смотрела вдоль нешумной улочки: вот и закончился ее очередной осенний марафон.

Колесный трактор “Беларусь” с огромным совком навесной лопаты выбежал из проулка, и заглох у исполкомовского крыльца.

В лопате сидел Вольдеморд.

— Привет, деушки! Вот и мы! — крикнул Вольдеморд.

Продолговатое Лидино лицо еще удлинилось. Тоня краснела медленно и, как всегда, с ушей.

Старая телогрейка на небритом молодожене была подпоясана алюминиевой проволокой. На резиновые калоши, надетые на босу ногу, свешивались тесемки замызганных солдатских галифе с наколенниками. Головного убора не было, ровно как и рубахи под телогрейкой. Утром еще на Вольдемордовской груди не было никаких особых примет, сейчас же из расстегнутого ворота сурово поглядывала синяя рожа ни на кого не похожего фантастического дракона. Над незнакомцем шла надпись: “Что нас губит...” Вопрос оставался без ответа, потому что ответ нырял дальше под телогрейку.

— Поспешим, деушки! — выпрыгнул из совка Вольдеморд. — Время!.. Генка, вылазь!

Генка в замасленной спецовке выпорхнул из кабины, грохнул об асфальт кирзачами:

— Здравствуйте!

Никто с ним не поздоровался.

— Идемте! — потянул Вольдеморд за руку окаменевшую Тоню. — Опаздываем... Лида, Генка, пошли, не стесняйтесь, вы же наши штатные свидетели!.. Смелее!

Тоня шла. Зажатый в побелевшем кулаке паспорт смялся, целлофановая обложка коробилась. Лицо ее было одного цвета с документом.

Заведующая бюро ЗАГС встретила вошедших добротной улыбкой и затихла у стола, силясь что-то сказать, но, видимо, по инерции улыбающиеся губы мешали рождению фразы.

— Здравствуйте, Анна Васильевна, это опять мы! — радостно поприветствовал заведующую Вольдеморд. — Вот паспорта, свидетели... и прошу оформить!

— Что за вид?.. — подобрала, наконец, слова заведующая.

— Что вы, что вы, Анна Васильевна! — не дал ей перехватить инициативу Вольдеморд. — Мы прямо с производственных площадей, не снимая калош... с корабля на бал... с бала на корабль!..

— Но нельзя же... — пыталась вставить слово заведующая.

— Можно! Все можно! В любви ничего невозможного нет! — не своим, а каким-то гадским голосом тархтел Вольдеморд. — По одежке встречают, по уму провожают!..

Анна Васильевна растерялась...

Расписались молча, как в химчистке.

Тоня вышла, грохнув дверью.

Лида коброй впустилась перед Вольдемордом — бессовестные! Мало покуражились за полгода! Позорник!

— Скоро тридцать, а не умнеешь! — присоединилась Анна Васильевна.

— Ни стыда, ни совести!

— Спокойно, уважаемые, спокойно! — прежним гадским голосом заверещал носитель калош. — Букеты, фраки, мендельсоны уже были! Ищите новые формы! Всего доброго, Анна Васильевна! До свидания...

Вышли комом.

— Генка! — уже нормальным голосом распорядился Вольдеморд. — Гони своего "Фордзона" в стойло, а мы с Лидой изобретаем автомобиль и — заедем за тобой. И к нам на тайную вечерю, гостей Тонька звать постыдилась, хоть в своем кругу посидим-поохаем!

Такси остановила Лида. Вольдеморд прятался за газетным киоском, чтобы не отпугивать водителей. Шофер косился на необычную парочку, но вопросов не задавал: насмотрелся всякого.

На звонки за дверью не реагировали, пришлось молодожену открывать своим ключом.

В большой комнате за столом сидела голая Тоня. Перед ней гуртовались распчатая бутылка водки, граненый стакан и полуведерная бадья болгарского ассорти.

— А! Наконец-то! Проходите, гости дорогие! — закричала Тоня. — К столу! Чем богаты, тем и рады!..

Главным богатством за столом была, конечно, сама Тоня. Полная здоровой, природной полнотой, с гривой растрепанных волос, похожа она была на дикую молодую кобылицу. Нагота ее, несмотря на пикантность ситуации, воспринималась более естественной, чем какие бы то ни было одежды.

— Проходите! — шумела захмелевшая Тоня. — А ты куда, Гендос-мусоровоз? Стой, не уйдешь! Ишь ты, смуться захотел, соучастник!..

Тоня скакнула из-за стола, поймала замешкавшегося в коридоре Генку и швырнула его в зазор между стеной и шифоньером. Щуплый соучастник воткнулся в зазор плотно, как дюбельный гвоздь в кирпич.

— Тонька, позорница, оденься! — заорал Вольдеморд.

— Это я позорница? Я — по-зор-ни-ца!?! — голос Тонин взвился выше пятой строки в нотной грамоте. — А ты кто тогда, болван татуированный!? Я спрашиваю — кто ты, гад собачий?!

— Оденься, кобыла! — Лида бросила подруге покрывало с дивана. — Это кошмар какой-то! На психу вас надо было свозить, а не в ЗАГС! Чертова семейка...

Уперев руки в бесконечно могучие бедра, Тоня гремела, как уличный репродуктор:

—Отметить захотел? Отметим! Так отметим, что век не забудешь! К столу, к столу, прося! — Тоня куражливо поклонилась, мотнув полушариями грудей.

—Оденься, дурица! — Вольдеморд с Лидой норовили обмотать покрывало вокруг Тони.

— Праздновать! — Блажила Тоня, — Вылазь и ты, свидетель Иеговы, а вы руки прочь! — отбивалась Тоня от Лиды с Вольдемордом.

Но Тоня уже остывала, как выдернутый из розетки утюг. Она завернулась в покрывало на индийский манер и вернулась к столу.

— Ладно, придурки, ничья...

—

Юбилей

Пожилой кочегар с манерами наследного принца Пётр Иванович Лычков проснулся рано. Ещё темно было. Он поёрзал на тощем матрасе, постеленном поверх штабеля кирпичей, нашёл сносную позу и вновь закемарил. И снова проснулся оттого, что угол кирпича сквозь матрас нудно и неотступно давил поясницу. Пришлось встать. Нашарил на стене выключатель. Щёлкнул. Тусклая от пыли лампочка осветила узкий, захламлённый коридорчик, в котором уютился Лычков.

Жил дед Лычков так аскетически не из нужды или идейных соображений. Просто его четырёхкомнатная квартира в добротном старорежимном особняке вот уже лет двадцать находилась в состоянии ремонта – с той поры, как умерли его родители, и сбежала жена. Пётр Иванович при развитом социализме ещё начал основательную подготовку к ремонту и немало преуспел в том. Одна комната у него от пола до потолка была забита стройматериалами. Вторую плотно заполнили мебелью, стасщенные со всей квартиры. В третьей громоздились окаменевшие кучи штукатурки, содранной со стен и потолка. Четвёртую занимал бывший «запорожец», разобранный некогда для ремонта на части, да так и оставшийся таковым... Кухня не в счёт: она была нашпигована кирпичами от разобранной за ненадобностью печи. Лычков как соорудил из части тех кирпичей еще при социализме временную лежанку, так и доспал на ней до полной и окончательной победы капитализма.

До собственно ремонта руки не доходили. Патологический холостяк Лычков решительно не мог выбрать времени для приведения в жилой вид хотя бы одной комнаты. При социализме он с весны до поздней осени калымил, разъезжая по всей области, зарабатывал деньги. Затем всю зиму Пётр Иванович посещал рестораны, утилизируя скопившуюся наличность: ни на что другое потратить деньги не представлялось возможным, ибо партия и правительство бдительно следили, чтобы граждане не обрастали излишней собственностью. В те былинные годы Лычков, сам не зная зачем, купил псевдоавтомобиль «запорожец», на коем иногда, приняв полкило «на грудь», носился по улицам. Пока гаишники не отобрали права. Впрочем, Лычков и без прав совершал выезды, пока не въехал в большое дерево...

Сейчас Пётр Иванович меланхолично потоптался в коридорчике, заглянул в «запорожскую» комнату: железяки за долгие годы мирного лежания покрылись толстым слоем пыли, как мхом обросли.

В другие комнаты предпочитал не соваться: глаза бы не глядели.

Лычковские калымы давно кончились вместе с социализмом. Ладно, хоть успел вовремя устроиться на непыльную работу кочегаром: сутки дежурил в газовой котельной и затем трое суток были выходными. После калымных денег кочегарная зарплата его смешила, но хоть прозябание на одних пенсионных крохах ему не грозило. И – работа была возле дома, что с годами оказалось весьма немаловажным.

Лычков посоображал, чем бы позавтракать. Ковырнул вилкой в сковородке с засохшей яичницей: бетон. Придётся выходить из дома в поисках пропитания...

Он тщательно оделся, был франтоват. Хорошего кроя штучный костюм. Добротный галстук на фоне белоснежной сорочки смотрелся торжественно. «престижная» дублёнка. Новая ондатровая шапка. Заказные сапоги из натурального меха. При осанистой фигуре и величественном выражении львиного лица дед Лычков в таком антураже выглядел много солиднее местного губернатора.

Он осторожно снизошёл по персональной деревянной лестнице, в которой не хватало половины ступеней, отворил дверь сеней и замер в позиции «низкого старта» перед обширным провалом нарочь сгнившего крыльца.

«Гоп!» – и Пётр Иванович одним махом перепрыгнул провал, приземлился в сугробе. «Есть ещё порох в пороховницах!» - удовлетворённо отметил он про себя и с улучшившимся настроением зашагал к близлежащей забегаловке – поилице-кормилице. Бриллиантами сверкали россыпи инея на старинном деревянном особняке, половину второго этажа коего занимали нестандартные апартаменты Лычкова. Иней обмахратил провода, заборы, ветки...

«Красота! - радовался дед Лычков. - Хорошо-то как...»

Он зашёл в новомодную еврозабегаловку, напичканную выпивкой и закусками похлеще легендарного рога изобилия, заказал две пиццы и пару крепкого пива. Продавщица в считанные секунды разогрела еду в микроволновой печке, откупорила бутылки. «Сервис!-радовался Пётр Иванович.-А при социализме под заборами вермут вонючий глыкали с плавленым сырком... Эх, скинуть бы лет двадцать да пожить ещё молодым!..»

И тут он вспомнил, что сегодня ему исполнилось шестьдесят. Юбилей! И как мог забыть? Ведь помнил же до недавнего времени! Готовился! В смысле, деньги готовил. И на тебе – вылетело из дырявой головы...

От огорчения у Лычкова даже аппетит пропал. Он прервал завтрак и вышел на ядрёный морозец.

Надо было срочно организовывать юбилейный банкет. И неясно было – где. Дома не было места. Ресторан отпадал: гостей туда в пожарном порядке не соберёшь. На работе?

Выпивать на производственных площадях партия и правительство приучили советский народ давно. Времена изменились, давно исчезли партия и советское правительство, а советский народ остался: для миллионов сердец не было удовольствия слаще, чем выпивка именно на производственных площадях – это завоевание пролетариата осталось незыблемым. А если учесть, что в лычковской котельной имелась просторная бытовка, именуемая «Греческим залом», то ответ на вопрос «где?» выскочил автоматически...

Когда импозантный Пётр Иванович нарисовался в дверном проёме котельной, дежурный кочегар Повидлыч глянул на него без удивления: коллеги заглядывали сюда «на огонёк» во все времена года и суток.

-Повидлыч! - воззвал Лычков. - У меня юбилей сегодня. А я забыл,... твою мать... Представляешь?

-Представляю, - сочувственно засокрушался Повидлыч. - ох...ть можно от такого представления!

-В общем, так, - сгруппировался Лычков. - Садись на телефон и срочно вызывай сюда всю ораву! Живо! А я – одна нога там, другая здесь – за выпивкой и закуской! Форштейн?

-О-ес! - кивнул Повидлыч. - Дуй! А я ставлю ораву «в ружьё!»

Система оповещения была надёжна как лом и негибаема, как он же. Пока Лычков суетился в магазинах, Повидлыч вызвонил тех коллег, у которых дома были телефоны. А те по пути прихватывали других, у кого телефонов не было, но было дикое желание сбежать из дома на производство...

Когда через час с копейками Лычков прикатил к котельной-кочегарке на такси при картонных коробках, затаренных снедью и бутылками, его встретил дружный ор восторженных сотоварищей: ура Деду Лычкову!

Просторная бытовка являла собой типично околопроизводственное помещение: ряд шкафчиков, душевая, туалет, электроплита, холодильник, раковина, два древних дивана и громадный артельный стол посередине. Вместо стульев – негибачаемые лавки из толстенных плах: ни поднять ни кинуть...

Мигом набросали настольный натюрморт: бутылки с вином, водкой, пивом, как вехи большого пути указывали правильное направление среди яблочно-апельсиновых-хлебно-рыбно-колбасных завалов. Гранёные стаканы с солдатской простотой готовы были вместить всё и выместить всё же.

Двадцать душ личного состава разом прекратили гомон, как только Евгений Захарыч Фузеин, известный тут как Пушкин, поднял свой стакан с водкой и начал говорить:

-Леди и джентльмены, дамы и господа!

-Ледей тут нема, - вполголоса шикнул Мишель.

-А Дунька? - строго взглянул на него Захарыч.

Кошка Дунька при звуке своего имени отворила одно око и потянулась.

-А-а!.. - закивал Мишель. - Забыл!.. Беру свои слова в зад!

-Леди и джентльмены, дамы и господа! - наддал пафосу Пушкин. - Сегодня! Самый! Знаменитый! День! Сезона! Нашему! Дорогому! Петру! Ивановичу! Исполняется! Шестьдесят! Лет! Мы! Знаем! Юбиляра! Сто! Лет! С пелёнок!..

Через час Греческий зал гудел роем: говорили все разом. Установилась та дружеская атмосфера покоя и доверия, которая бывает только в среде равных, обреченных на равенство, где нет места интригам, некому и нечему завидовать, где невозможно ни возвыситься, ни унизиться, где все знакомы давно и безнадежно.

Ещё через час Греческий зал содрогнулся от дружного рёва:

Ревела буря, дождь шумел!

Во мраке молоньи блистали!..

С потолка тихо сыпалась штукатурная крошка. Еще через час она посыпалась со стен. Робко тренькали стёкла в окнах.

Тосты следовали один за другим хаотично, не управляемые единой волей. В одну из межтостовых пауз вдруг оживился закемаривший-было Жора и в экстазе прокричал:

-Многие лета Петру Ивановичу!.. Пью за то, чтоб он в этом году женился!

-Сперва ремонт в избе пусть сделает! - возразил не вконец окосевший Повидлыч. - Куда он бабу приведёт? На кирпичи?

-Поможем!.. - рявкнул хор нестройных голосов. - Ленинский коммунистический субботник устроим! Выкинем весь хлам из избы!..

-Почему ленинский? - оторвал голову от стола Шурик Лысый. - Ленина отменили! И коммунизм!

-Ну, устроим ельцинский капиталистический субботник! - вставил свое веское слово политически подкованный Ебуард. - Какая разница? Тот же х..., только вид сбоку.

-Ура! - утвердил встречный план Евгений Захарыч. - Аплодисменты!

-Ур-ра!!! - воодушевился почему-то один Повидлыч. - Все на субботник!

Жора икнул и тупо посмотрел на Захарыча, вслушался.

-Ура!!! - вдруг хором рявкнул коллектив. - На субботник!

-Прям щас!.. - возопили энтузиасты. - Трудовой подарок дорогому Петру Ивановичу!.. К юбилею!.. Вперёд!.. Пётр Иваныч, очнись!..

Дед Лычков с трудом оторвал от стола тяжёлую львиную голову. Тупо повзирал на компанию.

-Веди! - затребовал неистовый Повидлыч.

-К-куда? - не врубился юбиляр. - К-кого?

-Покажем! - заверил Мишель. - Вперёд! Все на субботник!..

Пётр Иванович уронил голову на стол и вновь уснул. Но его подняли, вставили в пальто...

-Ур-ра!.. - гремело в Греческом зале. - Подарок деду Лычкову!.. Уважим старого!..

На другое утро проснулся Пётр Иванович рано. Ещё темно было. Поднялся, привычным движением попытался нашарить выключатель, но ни выключателя, ни стены под рукой не оказалось. Он, как слепой, сделал один робкий шаг во мрак, другой... Наткнулся на нечто стонопоподобное, стал шарить по поверхности ладонями наугад и нашарил-таки выключатель. Вспыхнул свет.

Тощий матрас лычковский матрас лежал на полу посреди пустой незнакомой комнаты с ободранными стенами.

Лычков беспокойно заозирался, затем отворил дверь комнаты и очутился ... в до боли знакомом коридорчике. «Вроде дома... - несколько успокоился он, - но почему тут пусто?..»

Он сунулся во вторую комнату: пусто... В третью: пусто... В четвёртой тоже было пусто. И в кухне...

Какие-то смутные догадки-воспоминания пытались всплыть из глубин проалкоголенного мозга, но запутывались в косматой мочалке извилин и угасали.

Лычков вышел в сени. И тут было пусто.

Отворил уличную дверь. В сугробах возле крыльца громоздились кучи стройматериалов, мебели, запорожские железяки...

«Субботник...» - припомнилось нечто смутное.

И тут увидел пришпиленную к косяку бумагу с крупными буквами: «Иваныч, утром придём на воскресник хазу твою чинить. Не чешись, похмелись и готовь фронт работ. Мы»

Дед Мороз в телогрейке

Последний рабочий день уходящего в небытие года истекал в Конторе. Сотрудники шатались «меж двор», поздравляли друг друга и «вообще»... Тем более, что начальство предусмотрительно эмигрировало в сторону еще большего начальства: ура!

Секретарша директора Тамара, воротясь из странствий по Конторе в свою приемную, увидела, что из кабинета шефа прямо на нее вышел рослый парень в телогрейке, валенках и с громадной черной сумкой на плечевом ремне. Мимо Тома прошелестел, как мимо фикуса, еще и сидором своим поганым пребольно шаркнул по коленке.

— Молодой человек!.. — взвилась Тома. — Что за манеры!? И вообще, что вы тут делаете?..

Молодец, заметно кренясь вправо от сумки, оттягивающей левое плечо, проигнорировал дамский вопрос. Выдавился из приемной в коридор, как паста из тюбика: еле-еле хватило зазора в дверях распахнутых...

Надо было знать Тамару... В ее владениях неучтивость кто-либо мог позволить себе только под наркозом: в противном случае зазубренное жало ее остроумия рвало смельчака в клочья.

Тамара высунулась в дверь и хлестнула удаляющуюся спину сидороносца наотмашь:

— Хам! Быдло!.. Хоть извинился бы!.. Сергей Борисович, вы представляете!..

Покуривающий рядом в коридоре Сергей Борисович Бешеный резко выпрямился, и минуспятье очки на его тонком, интеллигентном лице блеснули холодом клинка, отразившего лунный блик.

Надо знать и Сергея Борисовича Бешеного... Нет, не подумайте плохого, в противоположность своей неистойой фамилии он был настолько конченным гуманистом, что даже коту Мурзику, имевшему обыкновение гадить под его стол, всегда выговаривал одинаково неопределенно: «Ну, что вы, Мурзик, право... ну, вот, опять...»

Но если дело касалось дамы!.. Тем более Тамары!..

Сергей Борисович стройным надолбом встал на пимокатном пути ходака и холодно спросил:

— Простите, что вы себе позволяете?

Ходок тяжелым танком наехал на надолб и снес его в сторону, не удостоив и междометием.

— Наглец!.. Хам!.. — еще громче крикнула Тамара.

Наглохам — ни гу-гу. Сергей Борисович догнал и перегнал его, вновь встал на пути:

— Так что вы себе позволяете, позвольте все-таки спросить?

Тот не позволил. Снес вопросителя в сторону.

— Стойте! — нервически крикнул Сергей Борисович и вновь догнал и перегнал ходака, встал на его пути.

И вновь был сметен! Чем вызвал уже хоровые восклицания учрежденческих дам, сбегających на шум.

А молчальник пер и пер в сторону выхода!

— Безобразие!.. Хулиган!.. — кипело вокруг него и рядом.

А наглохамыжды-хаму — ни в одном глазу!

Коридорный шум потревожил Владимира Васильевича Пташкина, мирно дремлющего в своем кабинете.

Надо знать и Пташкина Владимира Васильевича. Нет, не думайте, что, в соответствии со своей фамилией, он выпорхнул в коридор и присоединил свою трель к прочим. Противно смыслу своей фамилии Пташкин был грузен, зверовиден. Ходила легенда, что однажды на пикнике Пташкин, прикончив одним махом «двух белых и трех красных», так рявкнул «Рябинушку», что спавший в траве главный спец взвился и побежал было, а после оправдывался: приснилось, что трактор на меня напалзает!..

Пташкин вышагал в коридор, мигом оценил ситуацию и, броском догнав возмутителя его спокойствия, выдернул того за воротник прямо из двери, уже готовой захлопнуться. Пташкин с ускорением несвободного падения пришил сидороносца к сиденью дивана и сказал:

— Сиди.

— Сука, — сказал наглохам, и это было его первое слово здесь и, может быть, второе в жизни вообще.

— Очень приятно, — мотнул бородой Пташкин, — а я Пташкин.

Сука недоуменно посмотрел на Пташкина.

— Что ходишь тут, как Дед Мороз, со своим сидором? — продолжил Пташкин светскую беседу.

— Что!?! — как бы озарился гость. — А-а!.. Да!.. Дед Мороз я... хожу вот, понимаешь...

— Ну и молодец! — похвалил Пташкин. — Что нам принес?

— Я не вам... — замылся Дед Мороз, — тут, понимаешь...

— Как так? — удивился Пташкин. — Пришел к нам, а подарки принес не нам? Кому же?

— Да... есть тут... — Дед Мороз сделал неопределенное движение рукой полусинего цвета: сквозь затейливую вязь татуировки кожа, как таковая, просматривалась лишь частично. Татуировочный орнамент не мог быть не замеченным Пташкиным — ценителем художественной замысловатости.

— Покажи хоть подарки-то, — попросил он телогрейного гостя.

— Зачем? — насторожился тот.

— Интересно же!

— Сказано — не вам!

— А мы что — не люди?

Дед Мороз зыркнул так, словно и впрямь не люди.

— Ладно, хорош базарить, — подытожил Дед Мороз и резко поднялся. Его черная сумка-сидор лопнула вдруг по шву, не потому что была плохо сшита, а потому что зацепилась за подлокотник казенного дивана. Содержимое неаккуратной кучей рассыпалось по полу. Учрежденцы ахнули:

— Вот так подарки!..

И все вдруг примолкли.

— Мне в точности такую же шапку подарили... — сказала Тамара и подняла из кучи норковую шапку, — странно, а ведь это она и есть!

— А вон мои сапоги!.. — озарилась главбухерша.

— Мой шарф!.. Мои перчатки!.. Сумочка!.. — понеслось из толпы. — А вон часы из кабинета шефа!..

Дамский гвалт при рассмотрении необычных подарков целиком заполнил просторное помещение, и в нем не нашлось места одному страстному голосу, поэтому этот голос вынужденно перешел в вопль, и мигом заглушил все:

— О-о-оа-а-а!!!.. у-у-у-а-а !!!

Все стихли.

Дед Мороз, про которого массы забыли, лежал почему-то на полу, а наступивший ему на грудь огромным сапогом Владимир Васильевич Пташкин изо всех сил пташечьих тянул на себя дедморозовскую руку. Как бы помогая встать. Станным образом.

— Что вы делаете! — в ужасе закричал гуманист Бешеный.

— Не видишь, что ли, руки отрываю... — просопел Пташкин.

— Зачем!? — обомлел Сергей Борисович.

— Обидно... — сопел Пташкин, — всем подарки принес... мне ничего не принес... Вырву хоть одну руку... левую, на ней рисунок клёвый...

— Как!?! — взвизгнул совершенно потрясенный Бешеный.

— Я не совсем, я только до локтя...

Не понимают

Жора позвонил в полночь.

— Вовик, — спросил он, — ты меня понимаешь?

— Какой базар! — заверил я.

— Во! — обрадовался Жора. — Сразу видать — свой парень!

— А что случилось?

— Представляешь, — завыступал Жора, — наелся азербайджанского портвейна и заговорил по-азербайджански! Говорю, а домашние не понимают! Я им говорю...

Тут на жорины словеса в трубке наложился приглушенный, но вполне командирский голос его неизбывной женушки Рамзии Халиковны: «Наел репу, позорник, и еще перед людьми срамится! Положь трубку! Положь, кому говорю!?!»

На том конце провода раздалась маловразумительные жорины вякания, какие-то щелчки, шлепки, и абонент отстегнулся.

Через минуту Жора вызвонил меня снова.

— Вовик, — невозмутимо продолжал он, будто не ему Рамзия Халиковна только что отвесила пару плюх, — ты представляешь, Вовик, она меня не понимает! Я ей русским языком говорю по-азербайджански: давай и тебя научу говорить, как я! У меня еще фуфырь азербайджанского есть. А она: иди спать! Я что, под надзором?

— А ты читать по-азербайджански научился? — залюбопытствовал я.

— Не! — заверил Жора. — Ни читать, ни писать... там на этикетках такие кренделя, что без ноль-пять нашей родимой их сам Хуссейн не расшифрует! Мы с Евгением Захарычем...

«Тресь!!!» — раздалось на том конце, и Жора иссяк напрочь, вдругорядь обесточенный Рамзией Халиковной.

Ночь неспешно наматывала мраки на законные фонари, я лег и скоро спал.

Телефон в тиши заверещал мартовским котом.

— Вовик! — доложил из трубы Жора. — Бабы к иноземным языкам неспособны!

— Да? — спросонья мыкнул я.

— Представляешь, приговариваю второй фуфырь азербайджанского, говорю Рамзие: ты хоть для пробы прими за компанию, может, найдем общий язык. Полчаса убеждал...

— И?

— Убедил! Двадцать грамм вкусила и тут же упала!

— Куда? — не понял я.

— На диван! Все, уже спит! А пыжилась, как Тэтчер!

«Ты это про кого там врешь!? — донесся приглушенный крик Рамзии Халиковны. — Про меня? Я тебя спрашиваю, алкаша, ты с кем меня обсуждаешь?..»

— Во! Уже очнулась! — констатировал Жора. — Как Ванька-встанька! Полрюмки прислюнила на грудь — и в аут! Полминуты полежала без памяти, и — поручик Голицын, налейте вина! А от наперстка — снова в аут!..

« Ты что там болтаешь!? — вновь донесся голос Рамзии Халиковны. — Ты пойдешь спать, или не пойдешь!? Ты долго мне душу мотать будешь!?!»

— А вот мы народ долгоиграющий, — гордо сообщил Жора, — мы вечером с Евгением Захарычем в гараже съели два по ноль-семь азербайджанского и заговорили по-азербайджански! Еще пару заглотили — и запели по-азербайджански! А ты где был? Мы тебя искали! Или ты не хочешь по-азербайджански разговаривать?

— Да... — заблеял я, покосившись на жену, притворившуюся спящей, — давай завтра поговорим... Я тебе позвоню...

— Зря! — огорчился Жора. — А я щас к Захарычу пойду... Дома меня не понимают, один Захарыч с полуслова понимает...

— Время полвторого, — напомнил я.

— Да? — не удивился Жора. — Он как раз еще куплет разучил азербайджанский, пойду послушаю...

Тут в трубке раздалось такое «Тресь!!!», будто мне дали в ухо ладонью с телефонной кабель длиной. Но связь не оборвалась, и мое взывшее ухо расслышало приглушенные звуки невидимой драмы: что-то или кто-то упало или упал, кто-то матюгнулся, потом взвыл, потом донесся гул Рамзии: «Брысь отсюда, пьяница! Чтоб духу не было!..» Гулкий удар чем-то смахивал на хлопок входной двери, после чего в трубке раздался железный голос Рамзии Халиковны:

— Все! Выкинула твоего Жору!

И телефон смолк. Снова ночь вздыхала за окном, всхлипывал унитаз в сортире, жена притворялась спящей, пришлось и мне спать.

Телефон закричал в три ноль-ноль.

— Вовик! — предложил Жора. — Угадай, по-какому я с тобой щас разговариваю?

— По-чукотски, — буркнул я.

— Хе-хе-хе... — засмеялся животом Жора, — у Захарыча армянский коньячок в заначке обнаружился! По-армянски шпрехаем!..

— Погоди... — зашептал я в трубу, — я через шесть секунд прилечу!

«Тресь!!!» — раздалось так близко, словно меня накрыло прямым попаданием.

Это разбуженная на самом интересном месте жена Оленька вырвала у меня трубку и с маху ахнула ее об аппарат.

— Спи, подонок! — коброй вспушилась она. — Днем со своими шлюхами говорить будешь!

Левый марш

«Налево» Жора Чипоренко свернул случайно...

Домой с работы он заявился сразу после обеденного перерыва. Скинул телогрейку, валенки, и быстро облачился «а ля франсе»: норковое кепи, говяжье пальто на овечьем подкладе, и фирменные сапожищи с иноземными надписями.

— Ты куда? — насторожилась неистребимая женушка Рая.

— Калым получать, — небрежно доложил Жора, — там по паре кусков нам отслюнивают... Надо успеть пораньше в кассу.

— Не мог по пути зайти? — еще более насторожилась Раиса, читавшая жорины ужимки, как индеец узелковое письмо.

Жора свысока полицезрел свое отражение в трюмо, погладил элегантный кожан заскорузлой ладонью и несколько «в нос» пропрононсил:

— Я что же, прямо со стройки в пимах через весь город так и похиляю?

Аргумент прозвучал полуубедительно, жена насторожилась еще больше.

— Во сколько придешь? — строго спросила она.

— Во сколько, во сколько... — не глядя на нее опять иноземно-кинематографически прогундосил Жора, — получу и приду... Ну, к Захарычу, может, попутно занырну, дрель заберу. Когда назад с «Отделстроя» уже пойду.

Дрель Раису добила. Чтоб Жора, выфраерившийся по «фирме», хозяйственно маршировал по городу с монтажной дрелью, громадной, как шахтерский отбойник, в это она не поверила бы даже под нажимом экстрассенса. Поэтому, как только за муженьком захлопнулась дверь, Раиса наспех оделась и кинулась следом...

Жора торжественно прошелестел кожаном до остановки, дождался трамвая и совершил восхождение в первый вагон. Маскируемая газетным киоском, Раиса в последний момент сиганула в прицепной.

Жора снизошел у «Почты» и важно двинулся к конторе «Отделстроя». Раиса выскочила из своего вагона, едва увернувшись от закрывающейся двери. Спряталась за газетным стендом и замерла, вроде как, зачиталась до умопомрачения печатными буквами. Сама в щель между «Известиями» и «Комсомолкой» наблюдала за мужем.

Жора скрылся в недрах «Отделстроя».

Раиса выскочила из-за печатных строк, перебежала на ту сторону трамвайных путей и сховалась в телефонной будке, «остекленной» фанерой. Легкий морозец борзо припекал сквозь высококаблучные сапоги, второпях надвинутые на голимый капрон колготок, но это сейчас не донимало: мысли реяли бесконечно далеко от пяток.

Жора вышел из конторы минут через пятнадцать еще более важный и степенный - к остановке нес кожпальто, как переходящее красное знамя. Вознесся в головной вагон подошедшего трамвая и покатил в обратный путь.

На подножке второго вагона тряслась и моталась из стороны в сторону Раиса. Положение ее было ужасно: сквозь обмороженные окна

вагона видеть она не могла ничего, приходилось на каждой остановке высовываться из двери и зорко бдить: не сошел ли Жора?

Возле родного дома Жора не сошел. Не сошел он также и возле дома своего дружка Евгения Захарыча. «Просмотрела, что ль?» — заметались раины мысли. — Куда ж он, змей, подевался? Почему не сошел?..»

Ехала и выглядывала...

Жора сошел у вокзала. Раиса — следом. Спряталась в толпе и напряженно выжидала: что дальше?

Жора вальяжно продефилировал к ресторану «Прибой», небрежно, с видом завсегдатая, дернул ручку входной двери и вошел. Разделся, не глядя на гардеробщика, сдал пальто и начал причесываться перед громадным зеркалом. Сквозь сигаретный дым на него с плохо скрываемым любопытством поглядывали две покуривающие в пустом вестибюле юные старушки.

— Ну что, девочки, поужинаем? — игриво спросил их Жора только для того, чтобы хоть как-то обозначить свое присутствие здесь.

Девочки неожиданно «влет» согласились:

— Пора!

Компания соорганизовалась со скоростью распада Союза.

Под плеск «бургундского» местного разлива нечаянный той катился сгорыгоршковым возом. Через пару часов пожилые девочки лобызались с Жорой и клялись в вечной дружбе.

Жора держал себя маркизом де Вуалье, говорил строго в нос. Демонстрируя безукоризненные манеры, он с аристократически небрежным изяществом поддернул рукав рубашки, перед тем как вынуть пальцами из фужера патлатой Мари случайно оброненную туда спичку.

Через стеклянные двери на всю эту аморалку взирала Рая. Сатанела: «Блядей на наши деньги поит!..»

Когда Мари (которую вторая юная старушка — Людмила — называла иногда просто Манькой) предложила продолжить пикник в ее «вигваме», возражений не последовало. Прихватили еще вина и «отдали швартовы». Жору начало слегка покачивать, но Мари заверила, что живет рядом. Это же подтвердила и Людмила, которая тут же вспомнила какое-то неотложное дело и посоветовала Жоре с подругой:

— Поразвлекайтесь пока без меня, я скоро!

И исчезла из жориной жизни, как «не бымши».

«Мариинский вигвам» оказался в самом конце бесконечного коридора сорокакомнатной коммуналки. Ну, может, и поменее, Жора не считал, ему, бывшему моряку, казалось, что он движется вдоль борта линкора, и иллюминаторы мелькают мимо. Пер в кильватер задастой Мари и оценивающе прикусывал ее взглядом. «Гулять так гулять!» — пела восторженная душа (или что там петь умеет?..). И еще в мозжечке ухаля неотступным припевом шукшинская присказка: «публика ждет разврата!».

Разврат начался после второго брудершафта: Мари-Маруся игриво пихнула Жору на диван и, плотоядно улыбаясь, принялась раздеваться.

Жора разулся, стянул с себя вельветовые штаны. И тут вспомнил, что сегодня он гуляет, как французский маркиз. А французский маркиз без хороших манер — не маркиз, а бич магаданский.

— Я с невымытыми ногами в постель не ложусь! — гордо заявил Жора.

— О-о-о-ох!.. Уморил!.. — по-нечеловечьи засмеялась Мари-Маня, но прониклась: «мухой» приволокла из коридора пластиковый таз с водой и поставила перед сидящим на диване гостем. Жора степенно вставил лохматые ноги в теплую воду, блаженно зашевелил растоптанными пальцами.

И тут в комнату вошла Раиса.

— Ну что, козел? — спросила Раиса.

Жора и Мари-Маруся молча, сосредоточенно смотрели на Раису. Та разглядывала полурастелешенную парочку, как некормленный вегетарианец морковку. Потом подошла к хозяйке дома, вцепилась ей в патлы и молча повела в коридор.

Жора оделся-обулся за тринадцать секунд: вдвое быстрее, чем одевался по сигналу «тревога!» в свои краснофлотские годы. Прыгать со второго этажа сквозь закупоренное окно он не стал, прыгнул к отворенной двери, понаблюдал из-за косяка, как стоящая к нему спиной Раиса долбит Мари-Марусиной головой коммунальную стену возле входной двери... Ящерицей юркнул в приоткрытую дверь напротив «вигвама». И оказался в сортире. Зашпилился и приник ухом к двери.

Глухое туканье в коммунальном коридоре раздавалось еще с минуту. Потом послышались стремительно приближавшиеся звуки раисиных каблучков, цокающих по половицам с ожесточением кадрового строевика... Каблучки поравнялись с сортиром, удалились в глубину «вигвама»...

— Ты куда спрятался, козел!? — донесся родной голос. — Вылазь, паскудник, по-хорошему!.. Кому говорю!..

В «вигваме» что-то загремело, зазвенело...

— Ну, подлец, ладно... ладно... — слышался задыхающийся голос Раисы, — от меня ты не уйдешь!..

Каблучки прогрохотали по коммуналке к выходу, потом взрывпакетом ахнула дверь, и все стихло.

За несколько минут пребывания в артельном сортире Жора протрезвел до звона в ушах. В голове щикотно змеились, трепетали от невысказанного перенапряжения вытягивающиеся в струны извилины: куда!?!.. Куда!?!.. Что делать!?!.. Что!?!..

Он стремительно вынесся из убежища, ворвался в «вигвам», схватил со стола две еще непечатых бутылки вина и сунул их в карманы кожпальто. Резко развернулся на каблучках, и вылетел вон, не сказав последнего «прощай!» плачущей Мари.

Перед подъездным выходом Жора резко осадил, позырил в щель на окружающую среду. В свете вечерних фонарей по дороге металась Раиса, взмахами обеих рук сразу пытающаяся остановить такси. Какой-то «жигуленок» тормознул перед ней, и женщина кинулась было на посадку, но из оконца высунулся «водила» и на всю улицу заблажил:

— Курица!.. Куда прешь!.. Жить надоело!.. Машина не ..., а давит!..

Раиса в ответ саданула матерком, как из пулемета: «жигуль» смело...

Жора под шумок боком-боком протрусил вдоль дома, свернул за угол и выбежал на параллельную улицу. И сразу набежал на стоявшее у обочины «зеленоглазое» такси.

— Гони, земляк! Горю!.. — выдохнул он, заскочив в машину. — К базару!..

Наездник попался толковый, с места взял прыжком...

Когда Раиса ворвалась в собственную квартиру, Жора, переодетый в пижаму, томно полулежал на диване перед музицирующим телевизором и потягивал из праздничного фужера мутный портвейн.

Раиса замерла на пороге комнаты. Жуткая пауза зависла среди надышанных стен семейного очага.

— Ты где блондаешь? — обиженно прогундосил Жора. — Ждал, ждал, думал, отметим с тобой калым, а приходится одному вот кваситься...

Он пощелкал ногтем по бутылке. Посконный звук стеклотары истаял в зловещей тишине, в комнате стало страшно, как в морге.

— Ты... ты... ты... — заикалась обычно чистоговорная Раиса, — ты... ты...

— Что? Что случилось? — несколько встревожился Жора.

— Ты... ты... ты... — заколодило жену, — ты...

— Что? Что — ты? — удивился Жора.

Он поднялся с дивана и подошел к жене, протянул руки, чтобы нежно тронуть ее дрожащее лицо, и получил такую плюху, что чуть не свалился на пол. Отпрянул и недоуменно уставился на любимую.

— Ты что?.. — прошептал, держась за щеку.

— Ты где был!? — вдруг страшно крикнула Рая.

— Где? — спросил Жора.

— Это я спрашиваю: где ты был!!!

— Что? — не понял Жора.

— Ты где сейчас был, шура!?

— Я? — изумился Жора. — На диване.

— Да!? А ноги в тазу кто мыл!?

— Ноги!?

— Да, ноги!

— Чьи!?

— Не понимаешь, мразь!?

— Я?

— Ты!

— Когда!?

— Сейчас!

— Где!?

— У бабы!

— Какой бабы!?

Вытаращенные глаза Раисы готовы были разлететься осколками ненависти и убить все живое вокруг в радиусе действия артиллерийского снаряда. Неизвестно, чем бы кончились дебаты, если бы в квартиру не вошла вернувшаяся из школы Леночка.

— Ма, вы чё как эти, прям я не знаю! — сказала примерная ученица. — Расхлебенили дверь!.. Не месяц май!..

— Дверь?.. — недоуменно посмотрела на нее мать. — Где?..

— Ну, папаня, опять пьешь!? — продолжала строжиться десятилетняя примерница.

— Вот! Еще одна командирша! — заобижался Жора. — Отец мантулит, мантулит, калым получил, — он широким жестом указал на лежащую на

столе пачку денег, — а с устатку отметить это дело не могли! Поработили...

Раиса все так же людоедски смотрела на мужа.

— Да ты что на меня уставилась, как Лигачев на Ельцина? — начал тихо возмущаться Жора. — Что я тебе сделал такого хорошего?

— Ты когда пришел? — чугунно спросила Раиса.

— Давно... Светло еще было. Заехал к Евгению Захарычу, забрал дрель, — он кивнул на громадную монтажную дрель, стоявшую в углу, — пару фуфырей у Будулая взял и все!.. Ждал, ждал тебя...

Раиса тупо посмотрела на дрель, потом так же стеклянно вперилась в Жору.

— Врешь, подлец... — как бы сама себе сказала Раиса.

— Порядочный кореш зря врать не станет! — на всякий случай вякнул Жора.

Раиса снова вперила стеклянный взор в электродрель и оцепенела.

— Но ведь я ж тебя видела... — негромко сказала она.

— Я тоже тебя где-то видел, — осмелел Жора, — не могу только припомнить — где. И вообще, где ты была?

— Я? — не поняла Раиса.

— Ты! Именно ты, дорогуша! — жорин голос приобретал командирские нотки. — Я тебя спрашиваю или вот эту стенку? — он постучал по простенку.

Зловещая тишина снова зависла в комнате.

— Ты можешь ответить? — напомнил Жора.

Раиса бросила на него взгляд раненой волчицы, смолчала.

— Где ты шляешься!? — уже начал погромыхивать Жора. — Мне давно интересно знать: где ты пропадаешь без меня? Как только я приду домой раньше обычного, так тебя нет дома!

— Когда? Что? — не поняла Раиса.

— Почему, стоит мне уйти, и ты куда-то исчезаешь?

— Я-я-а-а-а?!.. — округлила глаза Раиса.

— Ты! Ты! Именно ты! — гвоздил Жора.

— Да ты что буробишь, мерзавец!!! — закричала Раиса.

— Что ты буробишь, мерзавка!!! — закричал Жора.

— Да вы чё как эти, прям я не знаю!!! — навзрыд закричала огорченная родительской склокой Леночка.

Все стихли, как умерли.

Жора подошел к придиванному столику, где стояло вино, нервически набулькал полный стакан пойла, приподнял до уровня груди и из-за плеча презрительно посмотрел на жену.

— В общем, так, — чеканно провозгласил он, — ходи куда хочешь, когда хочешь и с кем хочешь. Меня это не касается. Ухожу.

Он залпом выдушил пойло, ахнул стакан об пол и строевым шагом вышагал в коридор. Принялся одеваться резкими, точно выверенными движениями, как одеваются в боевиках французские маркизы перед тем, как их выкинут в окно не вовремя вернувшиеся домой родные мужья чужих жен.

— Ты куда? — насторожилась Раиса.

Жора не удостоил ее ни звуком.

— Куда это ты на ночь глядя? — растерянно и неожиданно жалобно спросила недавно еще дорогая и любимая, ныне покидаемая навеки.

Жора нахлобучил кепи и шагнул в дверь.

— Не пуцу!!! — страшно вскричала Раиса. — Не пуцу-у-у-у-у!!!...

— Не пуцу!!! — еще страшнее вскричала бросившаяся к Жоре на шею Леночка.

В дверь позвонили. Жора отворил: у двери стоял Евгений Захарыч с огромной монтажной дрелью на плече...

— Здравсьте! — сказал Евгений Захарыч.

Жора обомлел, прикрыл дверь, оставив небольшую щель, и, загораживая натюрморт от Раисы, свирепо рявкнул в дверной зазор заботливому дружку:

— Захарыч!.. Подожди меня на улице!

— Да я вот только занести... — вякнул непонятливый дружок.

— Иди, Захарыч, иди, — тихо сатанел Жора, — потом зайдешь!.. Нет, я сам к тебе зайду попозже!.. Иди, Захарыч, иди!..

И захлопнул дверь.

— Что ему надо? — немедленно насторожилась Раиса. — Что он там принес?

— Должок! — сразу нашелся Жора. — Нашел время...

Не мог же он признаться жене, что по пути домой залетел на такси в свое СМУ и прихватил, для доказательства алиби, казенную дрель: что она понимает в них, баба бестолковая, для нее все дрели на одно лицо...

Ах ты, Доля моя, Доля...

Борис Сергеевич Буйный на самом деле был небуйный. Просто его «нагнетали» иногда.

В субботу вечером он пришел домой от дружка закадычного, сел на кухне у окна и закурил. Жена его, Доля, насторожилась:

— А ну, дыхни...

Борис Сергеевич дыхнул в любимое лицо. Лицо окаменело.

— Опять... — сказала она, — и долго это будет продолжаться?

— Ты что? О чем ты? — прикинулся чайником Боб.

Этот злонамеренный псевдоидиотизм расстроил женщину.

— Сколько можно!?! — взвилась Доля и, сорвав с мужа бесстыжки очки, ахнула их об пол.

Очков не стало.

Борис Сергеевич отложил недокуренную «опалину», пошел в комнату, достал из письменного стола другие очки и надел их. Вернулся в кухню, сел, продолжил опалокурение.

Доля от такой непрошибаемой наглости огорчилась еще больше:

— Ах, ты еще издеваться!?

Сорвала с нелюбимого уже лица вторые очки и ахнула их об пол. И этих очков не стало.

Боб докурил, поднялся с табурета, снял с пока еще любимого лица жены ее очки и тоже ахнул их об пол. После чего сел на прежнее место и снова закурил.

Доля обомлела. Постояла какое-то время с белым лицом, затем пошла прочь. Хлопнула дверью и — все.

Борис Сергеевич пошатался меж родимых стен, достал из смывного бачка заначенную бутылку «лимонной» и набулькал полстакана. Принял. Не полегчало. Принял еще. Полегчало. Нашел старенькие, давно забытые очки, надел и принялся задумчиво рассматривать жизнедеятельность за окном: живут же люди... никто их не строжит, идут себе, куда хотят и как хотят...

Зазвонил телефон. Борис Сергеевич снял трубку и услышал любимый голос:

— Ты что там делаешь, садист?

— Пью.

В трубке послышалось долгое молчание. Затем Доля спросила:

— Когда ты думаешь очки покупать?

— А зачем? — спросил Борис Сергеевич.

— Как зачем? Во что мы смотреть будем?

— Я в очки смотрю. А ты — твое дело, — сухо сказал Борис Сергеевич.

— В какие очки ты смотришь? — насторожилась Доля. — Ты на что намекаешь?

— Ни на что. Нашел другие очки и смотрю в них. Тебе больше не дамся. Так и знай.

И положил трубку.

Доля ворвалась, как майор Вихрь. Борис Сергеевич едва успел бутылку за холодильник сунуть, чтоб с ходу и ее Доля не ахнула.

— Где она!? — закричала Доля.

- Кто? — опять прикинулся чайником Борис Сергеевич.
- Эта твоя!.. В очках!..
- Кто? Каких очках?..
- Ты мне мозги не пудри, садист! — свирепела Доля. — В чьи очки ты тут смотришь?!
- В свои.
- Откуда у тебя свои!? У тебя всего двое было!
- Нашел, — сухо доложил Борис Сергеевич, — свято место пусто не бывает.
- Доля посмотрела на мужа растерянно, похлопала ресницами и... заплакала.
- Поздно, — сказал Борис Сергеевич, — что разбито, то разбито. Не вернешь.
- Я ж не хотела... — всхлипывала Доля, — я ж как лучше хотела... чтоб все, как у людей...
- Не знаю, не знаю... — сухо бубнил Борис Сергеевич, — у людей жены на мужей не бросаются... И мужья от них не прячутся, не боятся их...
- Чем я тебя пугаю?.. — всхлинула Доля. — Всегда я, как лучше...
- Лучше — когда открыто, на столе... — бубнил Борис Сергеевич, искоса поглядывая на «лимонную» за холодильником. Готовил почву для ее легализации, — чтоб по-людски, а не по-скотски, втихаря...
- А я что, против, что ли? — плаксиво роняла Доля. — Так бы сразу и сказал...
- Она сходила в комнату, вернулась с бутылкой «лимонной» («откуда?» — молча вскричал Борис Сергеевич).
- Доля отворила бутылку, налила в рюмку, пододвинула ее мужу и захопотала с закуской.
- Один буду, что ли? — спросил Борис Сергеевич, еще не веривший своим глазам и ушам.
- Ну а что такого?.. — тихо всхлипывала Доля. — Ты что — не мужик, что ли? Выпей, как человек...
- Третьи очки мужа Доля разбила уже об него самого, когда опустошивший долин презент Борис Сергеевич выволок из-за холодильника свою недопитую бутылку...

Ага, мамочка!

Когда Алла Александровна выдала шестилетней Наташе и десятилетнему Жене по мороженому, они деловито осмотрели их: одинаковые ли? Съели.

Когда мать разлила им по стаканам газировку, Наташа укорила:

— Ага-а-а! У Женьки стакан больше!

— Какая разница? — удивилась мать. — Пейте, вон ведь сколько еще бутылок.

— Ага-а-а, мамочка! — возмутилась Наташа. — Если Женька сам больше, дык ему и стакан больше!? Все время так!.. Не буду я пить из этого стакана!..

Мать поставила перед девочкой огромный чайный бокал:

— Давай я тебе сюда налью.

— Наливай! — сразу успокоилась Наташа: бокал был намного больше стакана.

— Ага, мамочка! — мгновенно всхлипнул Женя. — Как Наташе, дык сразу большой бокал, а как мне, дык стакан!.. Всегда так!..

— Вы что, с ума посходили!? — удивилась мать. — Давайте налью обоим в одинаковые бокалы!

Женя достал с полки точно такой же бокал, как и у Наташи, с глубоким удовлетворением воздвиг его рядом с сестренкиным и перелил газировку из своего стакана в свой бокал: получилось меньше, чем у Наташи...

— Ага-а-а!.. Мамочка!.. — взревел мальчик.

— С ума сойти!.. — вздохнула Алла Александровна. — На!..

И долила женькин бокал до самого края.

Женя смолк и заулыбался сестренке: съела?

— Ага, мамочка!.. — в две обильные струи зарыдала Наташа, — А-а-а!.. Как Женьке, дык до края!.. Как мне — дык не-е-ет!.. Все своему Женечке!..

— А ты у меня чья, тетина, что ль? — обиделась Алла Александровна. — Вы для меня оба одинаковые! Давай и тебе до самого верха нальем.

Наташа мигом успокоилась и подставила бокал под газированную струю. Мать налила бокал до края крайнего.

Женя перестал улыбаться, подозрительно осмотрел свой бокал, сестренкин и с нарастающей тревогой, переходящей в рыдания, произнес:

— Все равно у Наташки больше!

Алла Александровна сердито посмотрела на детей, махнула рукой:

— Вон бутылки с газ-водой, сами лейте и пейте, сколько влезет...

И ушла с кухни.

Женя взял нераскрытую бутылку газировки и поставил ее рядом со своим бокалом.

Наташа взяла другую нераскрытую бутылку и поставила ее рядом со своим бокалом. Внимательно осмотрела свою и братишкину бутылки...

— Ага, Женечка!.. — вскрикнула Наташа. — Вижу-вижу!.. В твоей бутылке больше!..

— Я что ли в них газировку наливал! — возмутился Женя. — Какие есть в магазине, такие и продают!

— Все равно у тебя больше!.. — рыдала Наташа. — Жадина ты!.. Жадина!..

— Я жадина!? — задохнулся от возмущения Женя. — Я жадина!?!.. На! Забирай мою бутылку! Все тебе мало! Сама ты жадина!

Наташа молниеносно перестала плакать, поменяла местами бутылки и при этом нечаянно толкнула свой бокал с газировкой: часть содержимого из него выплеснулась на стол...

Наташа тревожно посмотрела в свой бокал, в братишкин... и мигом оскорбилась:

— Ага, Женечка, у тебя опять больше!

— Я, что ли, проливал!.. — обомлел Женя.

— Ты!.. Ты!.. Ты!.. Это ты меня толкнул!.. — рыдала Наташа.

— Я!? — задохнулся от такой наглости Женя, — я!?!..

— Ты!.. Ты!.. Ты!.. — рыдала безутешная Наташа, и так обильно струились по щекам ее слезы, словно вся мировая скорбь разом хлынула через нее одну.

— Ну, не плачь, — сжалился мальчонка над несчастной сестренкой, — хочешь, я из своего бокала тоже пролью?

— Прелей! — немедленно стихла Наташа.

Женя примерился и осторожно плеснул газировки из своего стакана на пластиковую поверхность стола. Наташа ревниво следила за его действиями и тут же уличила братца в жульничестве:

— Ага, Женечка! Твоя лужа больше!

— Где!? Где больше!? — заверещал выведенный из себя мальчонка. — Одинаковые!

— Нет!.. Нет!.. Нет!.. — рыдала Наташа. — Твоя лужа больше!..

— Да не реви... — сдался Женя, — давай в твою дольем!

— Лей! — стихла Наташа.

Женя долил газировки в сестренкину лужу, та растеклась по столу и... соединилась с его лужей.

— Ага, Женечка! — запричитала Наташа. — Ты мою лужу проглотил!..

Появившийся на пороге отец некоторое время удивленно наблюдал, как ребяташки сосредоточенно делили огромную лужу на столе, часть которой уже растекалась и по полу...

Приговор был суров и обжалованию не подлежал: по полчаса выстойки в разных углах каждому.

Ребятишки с минуту осматривали свои места лишения свободы...

— Ага, папочка!.. — закричала потрясенная Наташа. — Женькин угол больше!..

Женские дни.

Ежегодно 8 марта тихий, безропотный подкаблучник Роберт Кокоулин вдруг вспоминал, что он какой ни есть, но мужик, а не балалайка. И начинал показывать характер.

Так было и на сей раз.

-Завтрак готовить не буду! – шёпотом крикнул Роберт из-под одеяла.

Жена Дарья услышала. Дрогнуло сердце женское от нехорошего предчувствия.

-Как это – не буду? – слабо запротестовала она.

-Не буду! – глухо подтвердило одеяло.

-Боже праведный!.. – Всхлипнула Даша. – И с этим подлецом я связала жизнь! Пригрела у сердца змею!

-Я не змея! Я змей! То есть, нет, не змей, а это... ну, в общем, мужского рода... - зарпортовался бунтарь пододеяльный.

- Боже... - заплакала Даша, - и этому подлецу я отдала лучшие годы...десять лет! Десять лет каторги ни за что ни про что!

-А я за что страдаю!? – дерзил Роберт. – Тоже десять лет! За растрату дают меньше!

-Что-о-о-о!? – взвилась Дарья. – Что ты сказал, клоп!? А ну. Повтори!..

-И повторю! – Буркнуло одеяло. – Подумаешь!..

В спальне зависла зловещая пауза.

А через полминуты квартиру заполнил истошный крик Роберта:

-А-а-а!.. Не трожь!.. А-а-а!.. Больно!.. О-о-о!.. Не бей!.. Только не бей!.. А-а-а!.. А-а-а!..

Вопил так, словно Даша хлестала его не шлёпанцем, а кочергой.

-Подлец!.. Наглец!.. – Приговаривала Даша. – Ты мне праздник решил испоганить!? Ты вчера и бельё недосохшее с верёвок снимал!.. Ребёнку юбку не выгладил!.. Мамины сапоги который день не чищены!..

- Чистил! Вчера чистил! Клянусь!.. – изворачивался бунтарь.

-Лжец!.. Врец!.. То есть, врун!.. – стенала Даша.

Отшлёпанный бунтарь притих было, но натура взяла своё: как только утомлённая жена отдала ему распоряжения и относительно обеда, Роберт вновь показал характер:

-И обед сегодня варить не буду! – взвизгнул он сквозь слёзы.

Тресь! Тресь! Тресь!.. Шлёпанец выпал из натруженной женской руки, Дарья упала на постель и зарыдала.

Роберт затаился под одеялом, как не бывши. Но проплакавшаяся Даша загнала-таки его в кухню и заставила выполнять супружеские обязанности. Пригрозила:

-Если через полчаса завтрак не будет на столе, пеняй на себя.

Роберт принялся чистить картошку. Не прекращая кочевряженья:

-Жарить не буду. Варёную съедите. И котлеты будут вчерашние.

-Да что же это за наказание мне такое!.. – взрыднула Даша. – Когда кончатся мои муки! Посмотрите, люди добрые, что сделал этот садист с моей комбинашкой! Опять без воды гладил! Морщина на морщине!..

Утешить её было некому. Десятилетняя Оленька ещё спала. Роберт и не удосужился разбудить девочку вовремя. Значит одевать девочку

сегодня ему придётся наспех, кое-как, и ребёнок может опоздать на праздничный бал.

-Почему ребёнок до сих пор не одет!?! – взвыла Даша.

-У меня не сорок рук! – Сдерзил Роберт.

Дарья всхлипнула так гулко, что разбудила маму родную, исполняющую по совместительству и обязанности робертовой тётки. Та высунула из своей конуры нечёсанное букле, посочувствовала дочке:

-Так тебе и надо, дуре! Говорила: не связывайся с этим придурком! Сама его женила на себе, теперь терпи, мотай сопли на кулак! Такая уж наша доля женская...

-Бух!!!.. – грохнуло в кухне.

Дамы окоченели.

Кухонная дверь скрипнула, в зазор затравлённо позыркал Роберт. Потом он резко выбежал из кухни и ринулся в прихожую. Теща Изабелла Арчибальдовна едва успела схватить его на пороге:

-Стой, стервец! Не уйдёшь!

Дарья стояла потрясённая до основ: бесценный столовый сервиз «Мадонна», вынимаемый на обозрение по табельным дням, лежал в руинах...

Когда Изабелла Арчибальдовна била Роберта черенком просяного веника, он только крякал от неудовольствия. А когда она развернула ему ушные раковины против часовой стрелки, он разорался:

-Это не я!.. Я только хотел на стол поставить!..

Праздничный день еще и не начался толком, а Роберт уже успел вымотать две женские души и разбудил третью: от шума проснулась Оленька, потянулась и поинтересовалась:

-Что там папаня опять натворил?

Ответом ей был нечеловеческий вопль родителя: это Дарья, взяв себя в руки, вывернула робертовы уши в обратную сторону...

Дальнейшее развитие робертова бунта пресекла милиция, вызванная обеспокоенными соседями. Участковый увёл избиенца в опорный пункт и напоил валерьянкой. Выпустил в полночь.

Домашние уже спали. Роберт привычными бесшумными движениями прибрал в кухне, перемыл посуду. Прошёл в ванную и замочил бельё, но стирать не стал, чтобы не разбудить родню. Оставил стирку на завтра. Впрочем, уже на сегодня: шел третий час ночи...

И ещё тесто к утренним пирожкам плохо поднимается...

Прошёл год.

-Ещё один женский день, - тоскливо вздохнул Роберт Кокоулин, - опять...

-Не опять, а снова! – поправила его неизносимая жена Даша, она же великомученица Дарья. - Когда ты, пень берёзовый, научишься выражаться правильно!?

-Такого научишь! – презрительно хмыкнула робертова теща Изабелла Арчибальдовна.

На мгновенье за столом возникла скорбная тишина, все как один вспомнили безвременную кончину столового сервиза «Мадонна», безвинно убиенного безмозглым рукосуем Робертом в прошлогодний женский день.

-Не всегда от него одни убытки! – заступилась за отца одиннадцатилетняя Оленька. – С последней халтуры папаня вон какие серёжки мне отгрохал! Я едва заикнулась, что в прежних в школу ходить больше не желаю, он тут же и исправился!

-Зато от меня кулоном низкопробным отделался! – фыркнула Даша. – Муж называется!

-А мне так и вовсе кофтёнку китайскую подсунил! – Поджала бывшие губы Изабелла Арчибальдовна.

-Ну что я мог... - заныл Роберт. – Всю осень и ползимы совмещал-совмещал, а они – бац! – и срезали расценки! Я виноват, что ли...

Он поднялся из-за стола.

-А посуду за тебя будет мыть дядя? – железобетонным голосом с предварительным напряжением произнесла Даша.

-После... - заоправдывался Роберт. – Все отужинаете, тогда уж...

-Смотри у меня! – неопределённо пригрозила Даша.

Роберт мышкой шмыгнул из-за стола, юркнул в спальню. Комнату и затаился в уголке. Тосковал. Угасал мартовский вечер, серея безысходностью темнеющего окна, наваливалось знакомое отчаяние: что готовит неотвратимое, как судьба, завтра? Господи... как только наступает это восьмое марта, жди чепе в доме. Роберт всхлипнул от безысходности. Спрятаться куда, что ли? Может пронесёт хоть на этот раз...

Он так и сделал. Утром пробудился раньше обычного, осторожно дополз до кухни, воодрузил на стол общий подарок своим дамам – новую «Мадонну», купленную взамен кокнутой в прошлогодний женский день. На «подкожные» купил, из сверхтайной халтуры.

Прислушался: спят...

Роберт осторожно забрался во встроенный шкаф, угнездился на заранее установленном туда ведре с дощечкой, нащупал графин с водой и кирпич хлеба – на месте... Теперь до глубокой ночи он отсюда не вылезет, гори всё ясным огнём. Хоть один женский день без приключений пройдёт.

Первой, как ни странно, проснулась Изабелла Арчибальдовна, протопала в туалет и заскрежетала там газетами. Ближе к десяти очнулась Даша, прошла в кухню, закурила и поставила на плиту кофейник. С хрустом потянулась и увидела на столе «Мадонну». Усмехнулась довольной: исправляется тихушник. Заметила рядом записку и прочла: « Меня до ночи не будет, надо срочно доделать чертежи, иначе горит премия. Целую всех. Ваш Робя.»

-Оно и лучше! – вслух смекнула Даша.

Проснулась Оленька, захныкала, что без её ведома так рано выпустили из дома папаню: кто теперь ей юбочку выгладит? Никто не умеет так, как он...

-Одевайся, выдра! – рявкнула бабушка. – На весь день по гостям шляться идём!

Изабелла Арчибальдовна была уже одета, увенчана замысловатой причёской и теперь сидела за чашечкой кофе с коньяком, мирно потягивая инкрустированную трубку.

-Сама, что ли одеваться буду!? – захныкала Оленька.

-Сама! – пробасила бабушка, фукнув в «Мадонну» толстую струю копоты. – Распоясалась, выдерга сопливая!

С шумом, рёвом и скандалом тандем «внучка-бабушка» всё-таки выкатился вон: гулять по забегаловкам и гостям.

Даша набросала на лицо натюрморт с полутенями, повернулась перед зеркалом и взялась за телефон.

-Ал-ло-о-о-о! – мелодичным звонком прозвучал её голос в пустой квартире. – Это я...да... нет...ушли... на весь день...а придурок мой до ночи на работе... Да!.. Жду!..

«Кого это ещё сюда несёт?» – насторожился потаённый Роберт.

Не прошло и часа, как принесло явно незнаемого гражданина при хриплом баритоне и гулких пятках: как слон топал.

-Проходи! – ворковала Даша. – Располагайся сразу на диване! Нет никого! Одни!

-Ох-хо-хох... - прохрипел баритон. – Что-то внутри поганно...

-Выпьешь? – встрепенулась Даша.

Роберта поразила тональность её голоса: трогательно-покорный, с нежными переливами, он был Роберту совершенно неведом.

-Давай, - мрачно одобрил баритон. – Что там у тебя?

-«Плиска», «Старка»!..

-Начнём с «Плиски», - распорядился гость.

От того, что услышал далее, Роберт сомлел и едва не пал со своего насеста...

Он и сам не знал, как так получилось, что он хотел только позырить в щелку, а шкаповская дверца распахнулась настезь...

-Ах!.. – вскрикнула Дашенька и с перепугу ещё сильнее обняла гостя за косматую шею.

Мужик строго посмотрел на Роберта, спросил:

-Ты что там делаешь?

-Да так... - замялся Роберт.

-Тогда вылазь, раз так, - разрешил мужик.

-Ох... тихо сказала Даша, сползая с вельветовых колен груболицего мужика. – Ох... Напугал... Ты как туда попал!?

-Да я... - заробел Роберт, - я... я...

-Да, ты! Ты, подлый шпион!.. – Загремела Даша. – Подонок!..

Она схватила резиновый шлёпанец и...

-Погодь. – Остановил её баритонистый мужик. – Не трожь!

-Моё дело! – Взвизгнула Даша.

-Брысь! – страшным басом рыкнул на неё гость.

Дашенька вздрогнула, выронила шлёпанец и, упав на диван, разрыдалась.

-Сядь! – Кивнул мужик Роберту и набулькал в фужеры коньяка.

-Поехали! – пригласил он. – За знакомство!

-Я не пью... - замялся Роберт.

-Брезгуешь? – насторожился мужик. – Во-о-о-он оно как ты...

В голосе его было нечто такое, отчего непьющий Роберт и сам не знает как опрокинул в рот содержимое фужера...

-А ещё ломался... - скривил рот мужик и тоже залпом осушил посудину. И сразу налил ещё.

Когда всё выпили, мужик поднялся и ушёл.

И тут Роберту ударило в голову. И ещё. И ещё... Опомнившаяся Даша работала шлёпанцем, как вольный хлебопашец цепом.

-Мерзавец!.. Подлец!.. Пьянь!.. Убью алкаша!..

Побоище остановили многострадальные соседи, опять вызвавшие милицию. Участковый привычно повёл непротивленца в охранный пункт.

Очнулся Роберт уже за полночь. Поднялся, затравленно осмотрелся, облегчённо вздохнул, увидев знакомую обстановку.

-Очухался? – окликнул участковый.

-Да...Пойду я...

-Не рано?

-Вроде нет... - утёр Роберт навернувшиеся на глаза слёзы.

-Смотри, если что – дуй сюда! – предупредил милиционер.

Роберт дотопал до дома, осторожно отпер дверь, прокрался в кухню. Бесшумно перемыл посуду, не потревожив сна близких, только вздрагивал, когда Изабелла Арчибальдовна всхрапывала особенно страшно. Затем замесил тесто к утренним блинам, потом прошёл в ванну и на руках состирнул скопившееся за день бельишко. Хотел ещё пол потереть, да передумал: так недолго и домашних разбудить. Оставил на завтра. Впрочем, какое там завтра – сегодня! Пятый час уже...

И ещё подол у дашиного сарафана не обверложен...

Прошёл ещё год.

Подкрался очередной международный женский день. Вновь смутилось сердце подкаблучника Роберта Кокоулина и вновь возопила душа его о невыносимом стремлении вырваться из своего поганого статус-кво раба беспросветного, и неумении свершить подвиг сей...

Накануне восьмого марта в робертовском отделе проистекала традиционная тайная вечеря в традиционно аморальном стиле – принимали алкоголь. Внутрь.

Коллектив был уже «на кочерге», все оживлённо галдели, хохмили, самовозбуждались. И вдруг – рыдания!

Уронив голову на письменный стол, навзрыд плакал самый безобидный, безотказнейший кадр отдела Роберт Иванович Кокоулин. Коллектив оцепенел. Затем дамы кинулись отпаивать впавшего в истерику трезвенника сырой водой, а мужики сгрудились вокруг них и обкуривали страдальца утешительной примовой вонью. Сочувствовали.

Всё!.. Всё!.. – всхлипывал Роберт. – Домой сегодня не пойду!.. Не могу больше!.. Опять скандал будет!.. Здесь останусь на праздник!.. Заночую на полу!..

-Половая жизнь до добра не доведёт! – назидательно предупредил Гоша Убивайло и потянул Роберта за рукав. – Пойдём, пойдём, Робя, потолкуем без дам... хватит пол мочить...

И повёл покорного плакальщика вон из отдела. Следом устремились самые сочувствующие мужики. Кагалом вломились в кильдым к сантехнику Моне Глотову. Здесь, в полуподвальном гадюшнике, всегда собирались свертхайные вечера особо доверенных лиц, здесь обкуривались самые жгучие вопросы современности, прошлого, будущего. И по всем вопросам здесь формировалось самое компетентное и единственно верное мнение...

Хозяин кильдыма боком возлежал на верстаке и ловил кайф: медленными глотками смаковал из копчёной кружки «хиросиму» – коктейль из чифира и одеколона в пропорции один к одному.

-Привет работнику стакана, - поприветствовали пролетария интеллектуалы.

-Привет, мешки! – жутко прохрипел Моня.

Его ввели в курс дела, и тут же начался коллоквиум по робертовой ситуации. Дебаты взвились пылью. Икающего после истерики Роберта Моня успокаивал «Хиросимой». Содрогающийся от ужаса Роберт безропотно принимал всё, как должное, как и вообще воспринимал всю окружающую его жизнь...

Вечером странно набычившийся Роберт с остекленевшим взглядом некогда овечьих глаз прозвенел в дверь родного дома. И попинал! Когда тёща Изабелла Арчибальдовна отворила, он почему-то басом рявкнул:

-Чешешься, шалава!

Изабелла Арчибальдовна замерла с открытым ртом, и о придверный коврик мягко тюкнулась её вставная челюсть. Роберт, не разуваясь, промаршировал в залу, пал в кресла и глотомониным голосом прохрипел:

-Фуфырь на стол, лахудра!

Ошалевшая жена Дарья стала медленно подниматься с дивана и нехорошо краснеть лицом.

-Живей! – рявкнул Роберт. – Не то щас башку с резьбы сорву!

И выхватил из-под пальто газовый глюч третий номер.

-А-а-а-а!!! – взвизгнула Даша и метнулась из залы, в полпрыжка перелетела прихожую, как чеку из гранаты, рванула дверную ручку... Не тут-то было: дверь была наглухо забаррикодирована грохнувшейся в обморок Изабеллой Арчибальдовной.

-О... - кротко простонала Даша и без чувств рухнула на маму.

На шум из своей опочивальни выглянула двенадцатилетняя Оленька.

-Цыть! – голосом Карабаса-Барабаса встретил её Роберт. – Спать! Живо! Вот я тебя!..

Потрясённая необычностью происходящего, Оленька юркнула в свою нору.

И тут Роберт вырубился. Спал в кресле всю ночь и часть утра. А когда горячий штык солнечного луча приподнял его набрякшие веки, в доме царил полная тишина. Долгожданная тишина первого в его жизни бесскандального женского дня. Дам не было, словно испарились. В мирной тишине прошёл весь праздничный день.

Ближе к ночи в дверь позвонили. Роберт открыл и увидел в дальнем углу лестничной площадки робко жмущихся друг к другу своих домашних. Они затравленно смотрели на главу семьи и молчали. Молчал и Роберт.

-Нам можно?.. – несмело спросила шёпотом от природы громогласная Изабелла Арчибальдовна.

-Да... - деревянным от волнения голосом сказал Роберт.

Дамы мышками юркнули в квартиру, скрылись в кухне и сидели там без шебуршения.

А Роберт лежал в зале на диванчике и тихо плакал, растроганный неожиданно навалившейся нежностью к родным, жалел их всем своим любящим сердцем и раскаивался в содеянном...

Не заметил, как и уснул. Снились комиссары в пыльных шлемах, молча склонившиеся над ним, и что-то замышляющие...

-Тресь!.. Тресь!.. Тресь!.. – загремело не то во сне, не то наяву.

Роберт заметался в ужасе.

-Изверг!.. Подлец!.. Негодяй!.. – хором ревели родные голоса, и три знакомых щлёпанца цепями взмывали над диваном.

Восьмое марта кончилось, шло уже девятое.

1988

Переворот

Телефон зазвенел в полночь. Застигнутый на месте банкир Иванов поднял трубку и услышал отчаянный крик компаньона:

-Иванов!!! Капитализм кончился!!! Советскую власть восстанавливают!!!!..Только что верные люди звонили: с утра красногвардейцы буржуев громить будут! Спасайся!.. Я уже доллары зарыл!.. О! Жена кричит: почту и телеграф уже взяли!.. Ох! За стеной уже стреляют!.. Прошай, родной!!!..

И дал отбой.

Иванов вспотел. Выпрыгнул из постели, кинулся к шкафам, стал лихорадочно выкидывать на ковёр вороха «деревянных», драгоценности, ценные бумаги, доллары, дойчмарки, юани...

Схватил мешок и начал пихать в него всё подряд, потом опомнился и откинул ценно-деловые бумаги: вычислят по ним социальную принадлежность и – на штык...

Жена, умница, без слов всё поняла. Мигом изорвала бумаги и смыла ключья в унитаз. А мешок с деньгами и драгоценностями скинули на соседний балкон банкиру Петрову из конкурирующей фирмы – пусть поизвивается под красноармейскими штыками, шакал! Пусть повизжит про своё пролетарское происхождение! При таком компрамете!..

Ивановы вынеслись из подъезда в студёную мартовскую ночь, подлетели к гаражу. Муж на бегу вышептал жене диспозицию: полторы секунды на заводку мерседеса, три минуты лёта до дачи, полторы – на ликвидацию дачного компромата вместе с дачей, минута – на ликвидацию мерседеса и пулей назад – успеть опролетарить квартиру...

Тут жутко ахнуло со стороны ГРЭС. «Началось!» - смекнул Иванов. Следом ещё жутче закричал в ночи невидимый человек. Из-за угла на Ивановых выбег тёмный некто и торпедой шмыгнул мимо.

-Не уйдёшь, курва! Зашибу!.. - утробно хрипнул ещё один некто, выскочивший из-за угла вслед за первым.

Ивановы пали в талый снег и иноходью побежали к гаражу. Вдали снова ахнуло и кто-то тоскливо взвыл...

Когда мерседес выехал из гаража, из соседнего, петровского гаража вдруг выскочила группа тёмных людей с ломообразными предметами и кинулась врассыпную. «Окружают!» - догадался Иванов и «дал чаду»: мерс прыжком сорвался с места и тихим воем ушёл в ночь.

А когда Ивановы вбежали в дачу, их встретили вооружённые люди, похожие на бройлеров: большие, лысые и со стеклянными взорами...

Ивановы не помнили, как оказались в лесу. Наугад, заснеженными буреломами продирались к городу. Потом крались закоулками к дому, обмирали при появлении автомашин и фигур-силуэтов. В городе погромывивало-бабахало. «Наших бьют...» - тоскливо отметил Иванов.

Они до утра ломали антикварную мебель и жгли обломки в камине. Ободрали и спалили кожаные обои с золотым тиснением. Меха. Ковры. Счета. Учредительные документы и вообще документы...

-Кажись всё... - прошептал Иванов на рассвете. - Значит, запомни: мы беженцы из братских стран! А наша квартира – коммуналка на семьдесят

душ! Соседи уголь грузят в ночную смену, утром вернутся, передадут нам телогрейки и мы пойдём колупать уголь в дневную смену! Форштейн?

-Запомнила. - Утвердила легенду жена-умница.

Уже светало, но к Ивановым никто не шёл. Они не заметили, как закемарили у двери на газетах.

Утром разбудил телефон.

-Ну, как? - донёлся родной голос компаньона Сидорова.

-Успели... - выдохнул в трубку Иванов.

-Чего успели?

-Всё. Куль валюты на балкон Петрову скинули, так ему, козлу, и надо... В хате пусто, сами в ремках... И мерса нет, у дачи бросили, когда от засады уходили...

-Какой засады? - не понял Сидоров. - Какие ремки? Какой куль Петрову?

-К этой подготовились, как её... Экспроприации! Советам ничего не достанется...

-Каким советам? - совсем озадачился Сидоров. - У тебя что, чайник прохудился?

-А может у тебя!? - взвился Иванов. - Забыл? Красные идут!

Трубка долго молчала.

-Алё!.. Алё!.. - злился Иванов. - Мать...перемать!.. Взяли или не взяли красные почту-телеграф!?

-А я ведь пошутил... - растерянно сказал Сидоров. - Первое апреля ж

...

Малец

Ходить по стенам и потолкам я начал поздно — после сорока. Зато сразу.

Сижу как-то дома, «курю бамбук». Подходит трехлетняя Оля и спрашивает:

— Папа, а ты был маленький?

— Был, — сознался я простодушно.

— Вот такой? — Оля ладошкой обозначила некую высоту на пару горшков выше пола.

— Вот такой! — я поставил на стол два пальца, указательный и средний, получилась фигурка, похожая на маленького человечка.

— Вова-маинький! — восторгнулась Оля.

— Вова-маленький, — подтвердил я.

И началось.

— Вова-маинький, — обратилась к человечку Оля, — ты хаёсый?

— Хороший! Еще какой! — заверил малец.

— Я с тобой иг`ать буду! — обрадовалась Оля. — Ты са мной иг`аис?

— Играю, — проболтался Вова-маленький моим голосом.

И был пойман на слове.

— Давай иг`ать! — запрыгала Оля. — Иг`ать!..

— Не, — пошел малец на попятную, — щас некогда, потом уж.

— Иг`ать!.. Иг`ать!.. — Оля схватила Вову-маленького за «ногу». — Ты хаёсый! Я тибя люблю! Иг`ай со мной!

Вместо того, чтобы самоликвидироваться, Вова-маленький прошелся по столу туда-сюда, остановился возле Олиного лица, сообщил маленьким голосом:

— Здравсьте, девочка!

— Д`асьте! — закокетничала Оля. — Вова-маинький, а патиму ты такой маинький?

— Да вот, — занял малец, — витаминов не хватало, плохо ел, папу с мамой не слушался...

— Падём, — озарилась Оля, — я тибя накамлю!

Она затащила Вову-маленького в кухню и стала кормить его печеньем, вареньем, конфетами... Малец «ел». Долго, пока не надоело. Потом вырвался и побежал прочь, быстро-быстро перебирая ногами-недомерками по стене.

— Ты тё! — возмутилась Оля. — Ес витамины!..

— Наелся! Будя! — гадким, сварливым голосом крикнул Вова-маленький и по вертикальной стене вознесся на потолок (для чего мне пришлось взобраться на диван), стал бегать вверх-ногами и сыпать сверху жалкими словами:

— Не нужно мне твое варенье! И витамины не нужны! И печенье! И вообще!.. Ты меня замучила!

— Вова-маинький, иди ко мне! — стала уговаривать строптивца Оля. — Иди! Я тебя пазилею!

— Еще чего! — кочевряжился малец. — Мне и тут хорошо!

И забегал по потолку нервически.

— Ты тѐ! Савсем осалел!? — застрожилась Оля. — Слась! Каму гаваю!? Быстла иг`ать!

Пришлось-таки Вова-маленькому играть с Олей в куклы, одеваться в куклячи одеяния, раздеваться... Вечером сидел вместе с Олей на горшке, мылся с ней в ванне, она чистила ему «зубы», терла мылом... Потом неграмотная Оля наизусть читала безмозглому мальцу сказки...

Следующее утро началось с детского крика:

— Вова-маинький, ты где!?

— Спит... — забормотал я спросонья, — рано еще, спи, спи...

— Ты тѐ! Тавай! Давай иг`ать!.. Ты где, Вова-маинький!?

— Да тут я, тут... — нехотя отозвался Вова-маленький и выполз из-под одеяла, — ну что надо?

— Писать,— схватила его Оля, — узе поа!

Поволокла мальца к горшку. Пришлось мне спросонья стоять буквой «гэ» и ждать, пока вымышленный малец совершит неправдышную процедуру.

Потом опять пошло: одеванье, раздеванье, игранье...

— Все! Мне на работу пора, — попытался я выйти из игры.

— Вова исе маинький, — разоблачила Оля, — он на аботу ни ходит! Он хаесый, я иму книсуку патитаю!

Пришлось мальцу снова сказки слушать, ума-разума набираться.

— Хорошая сказка, — одобрил Вова-маленький через полчаса и сноровил удрать.

Оля поймала его и отшлепала.

— Я тебе гаваю: слусай миня усами!

— У меня нет ушей! — захныкал малец.

— Я тебе сяс п`исью! — утешила Оля и побежала за иголкой-ниткой. — Басии усы п`исью! Как у Тоски!

(Тошка — плюшевый пес с непомерными ушами).

— Не надо!.. Не надо!.. — взмолился Вова-маленький. — Я пошутил! Есть у меня уши! Есть! Тайные! Внутрь растут!

И от ужаса взмыл к потолку. Стоит вбитым гвоздем, шляпкой вниз, и сообразить не может, как ему теперь быть. Ничего не придумал, сбежал вниз и ... самоликвидировался. Как не бымши.

Оля посуровела.

— Где Вова-маинький? — спрашивает таким тоном и смотрит на меня так, словно я совершил детоубийство.

Не по себе мне стало.

— Сделай Вову-маинького, — приказала Оля.

Пришлось возродить мальца.

— Иди ко мне, мой хаёсый!.. — потянулась к нему Оля.

— Не пойду! — задержил малец. — Ты меня опять отлупишь! Я с тобой не играю! Ты меня иголкой хотела пришить!

— Боси ни буду, — заверила Оля, — иди ка мне, Вова-маинький! Иди, я тибя пазилею!..

Сдался стеноходец. Спрыгнул с потолка в Олины ладошки и тут же занял:

— Ага, раз я маленький, так дома сиди... Я что, лысый, что ли? Другие так гуляют...

— Сяс гулять падём! — подхватила Оля. — Ни п`ать! Ни бойся, я зы ядам с тобой!

Повела мальчика гулять. Сама шла вниз по лестничным ступенькам, Вова-маленький ковылял рядом по поручням, быстро-быстро перебирая ногами, чтобы быть «ноздря в ноздю» с Олей. На улице он не пошел по заснеженной земле, как все люди, а боком побежал по кирпичной стене дома. Быстро побежал.

— Пагади! — закричала Оля. — Пагади!

А Вова-маленький перепрыгнул со стены на тополь, бурундуком вознесся вверх по стволу насколько меняхватило. Встал и задрознил:

— Бе-бе-бе!.. А я-то убежал!

Оля подхватила прутик и замахнулась на ренегата:

— Слась! Я каму гаваю!

— А вот и не слезу! Бе-бе-бе!.. — кочевряжился малец. — Я тебя не боюсь! А раз дерешься, не буду с тобой играть! Пойду к другой девочке! Ты плохая!

— У-у-у... — заплакала Оля, — я боси ни буду-у-у... Вова-маинький, иг`ай са мной, я хаёся!..

Маленький мучитель прыгнул с дерева на Олино плечо и подлизывательно заглянул ей в лицо.

— Ну что плачешь? Я же вот он я!

— Ты са мной иг`аис? — всхлинула Оля.

— Играю конечно!

— Я хаёся?

— Хорошая! — воодушевился малец. — Ты самая лучшая девочка в мире! Хочешь, я тебя пожалею?

Оля согласно кивнула.

Малец «чмокнул» Олю в нос, уселся у нее на плечо и, болтая ногами, размечтался:

— Вырасту большой, буду ходить в валенках, как и ты! Окрепну! Тебя лупить стану...

— Ни диись! — попросила Оля. — Я куплю тебе ваинки! И станы! И субу! И дзип таёту! Тока ни диись! И ни асти басой!..

За каких-то пару дней прижился Вова-маленький у нас невыводимо. Шустрым оказался. Когда мы с Олей едем в машине, Вова-маленький одновременно успевает рулить, переключать скорости и петь с Олей хором:

— Тока ас бываит зызни т`етя, тока ас кузыса гаава...

Вполне толковый паренек. Только не растет совсем.

Зато растет Оля. Она уже совсем по-взрослому ведет себя с мальцом, даже интонации у нее появились соответствующие:

— Куда пабизал на даёгу? Там зы масыны! А ну, дай юку! — командует она на улице. — Ты патиму ни слусаисся? Ты зи маинький...

Некоторое время Вова-маленький держится за Олину руку, потом в нем вновь просыпается его малость, и он взбрыкивает, вырывается и бежит куда глаза глядят по стенам домов, деревьям, заборам, афишам и вопит:

— Я уже не маленький! Ты меня замучила! Щас как вырасту!

Оля гонится за ним с выражением счастливой муки на лице и увещевает:

- Вова-маинький, стой! Я тибя люблю! Я с тобой иг`аю! Ни асти басой!..
Малец удирает и сыплет ей соль на раны:
- Я с тобой не играю! Ты меня лупишь! Ты нехорошая!..
- Я хаёсая! — не верит словам его Оля, а слезы отчаяния уже орошают глаза. — Я люблю тебя, Вова-маинький! Я хаёсая! А ты миня любис? Ну сказы, любис?
- Не скажу! — врет Вова-маленький. — Это тайна!
Но Оля уже разгадала его тайну.
- Любис!!! — закричала она на всю улицу к изумлению ничего не понимающих прохожих. — Я знаю, ты миня любис, Вова-маинький! Ни асти басой! Ни асти-и-и!..

Три счастливых билета

«Утверждал, утверждаю и буду утверждать, что когда трактор едет по спине—это больно!» — сказал Аркадий Чириков, хотя мог бы этого и не говорить: и без того ясно, что трактор для спины — не березовый веник. Тем более, что проехали по спине не трактором, а экскаватором.

Многолетние скитания по различным стройкам народного хозяйства приучили Аркашу к тому, что «все вокруг колхозное, все вокруг мое...». Только зазевайся — на ходу подметки сорвут. Поэтому он в конце рабочего дня сложил свои сварщицкие доспехи в брезентовую робу и спрятал в трубу около траншеи, где мы работали. Кабели смотал и сунул в другой конец трубы, а в отверстия сунул для маскировки по огромной глиняной глыбе. Гога Шенелидзе заглушил экскаватор и — до завтра!

А назавтра Аркаша вынул затычки, выволок с одной стороны трубы кабель и полез с другой стороны за остальным имуществом. А Гога завел свой экскаватор и начал маневры...

— Здорово, Гога! — рявкнул я.

Гога дернулся, заозирался.

— Куда! Куда прешь!!! — заблажили все, когда Гога наехал одной гусеницей на лежащую меж глиняных кучек трубу. Гога встрепенулся, дал чаду и сполз с препятствия, но было уже поздно — из трубы послышался некрасивый вой сварщика.

Мы кинулись к трубе. Гога вылетел из кабины, растолкал нас и первым дернул за торчавшие из трубы сапоги. Ноги он Аркаше не оторвал, но внутри у того, видимо, что-то оборвалось. Сварщик умолк, а затем издал такой клич, что у нас встала дыбом шерсть на спине...

Гога отступился от сапог, и клич оборвался, будто Гога дергал не за кирзачи, а за гудок. Наш неистребимый «бугор» Леха Самолет, вся предыдущая жизнь которого состояла из непрерывного чередования взлетов и падений, зашел с той стороны трубы и сказал в дырку:

— Живой?

— Ну и что? — огрызнулся Аркаша.

— А зачем тогда орать?

— Тебя не спросил, умника! — осерчал сварщик.

— Вылазь тогда!

— Как? Не могу... Зажало! — и тут Аркадий выразился так, как выражаться нельзя никогда и ни при каких обстоятельствах, но как еще выражаются некоторые отдельно взятые граждане, когда их прижмет шибче обычного.

— Где зажало-то? — остановил его «бугор».

— Где-где... — опыть выразился сварщик, — в поясе...

— Больно?

— Да сейчас, вроде, нет...

— Ну и зря, значит, орал.

— Очко-то не железное! — возмутился Аркаша. — Чую, навалилось что-то... тырк-тырк — ни с места...

— Ну и сиди там! Нам ты сейчас не нужен, — успокоил его Леха.

— Как — сиди? Как — не нужен? — насторожился Аркаша.

— Ну лежи, раз не сидится, жди, пока новую трубу привезут, пока выпишут ее, эту спишут, туда-сюда... через недельку приедем... — пояснил «бугор».

— Ты это брось! — завозмутился Аркадий. — Освобождайте давайте!

— Как?

И тут только до сварщика дошло то, что ускользнуло в горячке...

И мы тоже растерялись и стояли молчаливыми истуканами. А потом из нас высыпалось советов больше, чем резолюций из ООН...

И толку от них было, как от тех резолюций...

А Гога с обесцвеченным лицом сидел на гусенице экскаватора и, не мигая, смотрел на Аркашины кирзачи, как кролик на удава. А Леха Самолет сидел на трубе и стряхивал на эти сапоги пепел с беломорины.

А рядом по дороге проносились автомашины, и никому не было дела до нашей маленькой артели...

— В общем, так, — сказал Леха, — ты, Гога, идешь сейчас к ближайшему телефону и звонишь начальству, чтобы привезли новую трубу, и не вздумай раззвонить ни о чем больше! Потом берешь авто и едешь в «Голубок» за тремя ящиками пива и везешь их к моему гаражу. А мы все ждем тебя там, тут нам сегодня делать уже нечего.

— А!.. — вскинулся было Гога.

— А Аркан побежит за чебаками! — перебил его «бугор».

— А!..

— А если ты будешь «акать» еще — начальство нагрят само! Так что не теряй время.

Оживившийся Гога всплеснул руками и умчался.

И тогда Самолет сказал нам грубые слова:

— Мешки! — сказал Самолет, — За мою пошлую жизнь на моих бесстыжих глазах разными раззявами, вроде нашего Гоги, народу угроблено больше, чем от всех хворей, вместе взятых...

Наш «наибугрейший» любил иногда выразиться замысловато и высоко, но слушать нам его не надоедало.

— ... и еще столько же народу пропадает от того, что другие раззявы, вроде вас, не смогли вовремя закрыть рот и открыть уши...

И «бугор» выдал каждому из нас по одной четкой команде.

Я побежал по улице в поисках любой промышленной «шараш-конторы» и уже на четвертой минуте влетел в подвернувшуюся под ноги автобазу «трансстрой».

То ли вид моих глаз с оттенком безумия, то ли наитие подсказало мужикам в спецовках, что время вопросов и ответов еще не пришло... только через несколько минут я вынесся из тех же ворот с листом асбеста...

Леха сидел на трубе уже со сварочным держаклом в руке, кабели были размотаны и аппарат подключен...

Алексей потребовал, чтобы Аркаша втянул живот и поерзал туда-сюда, образовал мало-мальский зазор между собой и вмятой трубой. Он витиевато лаял бестолкового сварщика, но все же затолкал между ним и вмятиной асбестовую прокладку.

— Ну, теперь не сгоришь, а только сгниешь! — успокоил Леха обеспокоенного приготовлениями Аркашу. И быстро и споро приварил к вмятине на трубе согнутую скобой арматуру...

А Толик с Петропавлычем уже остановили пару «КрАЗов»-самосвалов и что-то втолковывали высунувшимся из кабины шоферам. То ли ребята попались понятливые, то ли объяснения были внятными, только самосвалы развернулись и встали по разным концам трубы так, что концы эти пришлись как раз им под форкопы.

Алексей Прокопьевич Самолет, он же Пупышев, на «ты» был со всей отечественной техникой. Он завел экскаватор, вывел стрелу в сторону трубы. Мы застропили тросом ковш и приваренную к вмятине скобу. И экскаватор кивнул ковшом снизу вверх. Приваренная, казалось бы, намертво скоба оторвалась, и трос смачно хлестанул по ковшику. Труба содрогнулась. И снова нехорошо крикнул Аркаша. И так же скоро умолк. И кричать, действительно, долго было незачем: чудовищным рывком скобу хоть и оторвало, но и вмятину она за собой потянула... Выгнула в обратную сторону так, что Аркашу расклинило, и он побежал почему-то по трубе вперед, хотя назад было куда ближе. Он высунулся с того конца, но тут же юркнул назад: отъезжающий самосвал фыркнул в него таким смрадом, что свет померк...

Когда мы гурьбой подвалили к лешинному гаражу, там уже топтался Гога около ящиков с «Жигулевским»...

«Я утверждал, утверждаю и буду утверждать...» - бубнил Аркаша, обгладывая чебачий хребет...

- А я тоже утверждал, утверждаю и буду утверждать,- перебил его Леха,- что спины болят не только от того, что по ним ездят экскаваторы! Когда вовсе не было экскаваторов, спины болели еще больше. А ты, Аркан, вытянул сразу три счастливых билета: родился, когда уже появились экскаваторы, попал под экскаватор, когда был в трубе, а в трубу полез, когда рядом был вот этот Шаляпин! - и Леха показал на меня.

- А при чем тут он? - не понял Аркадий.

- При том, что он так рявкнул, что Гога услышал сквозь дизельный рев.

- Не я, а все рявкнули, - поправил я.

- Нет, корешок, - покачал головой Леха, - один ты орал, другие и не видели, и не поняли, что за рев, потом уже сообразили...

- Да? - удивился я, - А мне показалось, что все орут...

- Мне тоже так показалось,- усмехнулся Леха,- наградил же Господь глоточкой...

- Да, дорогой, - грустно сказал захмелевший Гога, - испугал ты меня утром своим приветствием, я с перепугу ведь на трубу-то наехал... А съехал уже от второго крика...

Ларингит

Без видимых причин у Андрея Гореликова пропал голос. Возник сип: подколодный, невнятный, как шорох листьев в ночи. Андрей надеялся, что безголосье скоро пройдет само собой и не спешил к врачам, к которым таил недоверие с незапамятных времён. Шли дни, недели, месяцы...голос не возвращался. Жить так становилось всё нелепее и Андрей решил.

В родной поликлинике древняя ЛОР-бабушка прервала чаепитие, заглянула через лорнет в горло страдальца, молитвенно сложила руки и поведала:

-Грехи наши тяжкие.

-То есть?... – просипел Андрей.

Бабуся осенила себя знамением, заворковала:

-Грешим. Пьем. Курим. Блудим. Заповеди нарушаем. Бог и наказывает!

Непьющий-некурящий-неблудящий Андрей Гореликов с удивлением уставился на целительницу. Та покивала сама себе головой, развила тезисы:

-В церковь идти надо. Господу нашему Иисусу Христу помолиться. Покаяться. Очиститься.

-Неверующий я, - сипнул Андрей.

-Вот-вот! – обрадовалась старица, - все беды от того! А ты смири, смири гордыню-то! И обратись!

-Куда?

-К богу!

Бабуся снова плеснула кипятку в стакан, сунула туда новый «памперс», взяла сухарик и стала грызть его аккуратно, споро. Схрумкала и принялась швыркать дозревший чай.

Андрей внимал. Долго, терпеливо. Пока не притомился.

-Пойду я... - поднялся он.

-И то, милоч, - кивнула ЛОР-старушка, - с богом!

Голос не возвращался. Горло не болело, в нём не ощущалось никакой ненормальности, но звуки нормальные выдавать оно отказывалось. Андрей с тоской вспоминал, как ещё полгода назад он пел: его сильный, чистый голос и без академической обработки сравнивали с голосами профессиональных солистов, не верили, что он всего лишь дилетант. А теперь он завидует людям, которые могут говорить человеческими голосами, а не шипеть по-змейгорынычевски.

Обидно было.

Андрей созрел до визита в другое медучреждение – специализированную ЛОР-клинику.

Дежурный врач, джентльмен с «банками» Шварцнегера и его же манерами, глянул в гореликовскую глотку и авторитетно провозгласил:

-Хронический. Катаральный. Ларингит.

-И что мне с ним делать?

-Лечиться. В поликлинике. По месту жительства.

Андрей сник.

Квази-Шварц написал справку с диагнозом, вручил больному и ушёл. И Андрей пошёл вон.

Дома он поразглядывал свою глотку в зеркало, ничего выдающегося там не увидел. А и увидел бы, так ничего не понял бы.

Лёг на диван и «переключалкой» стал «листать» каналы телевизора. Услышал божественный голос Николая Баскова и с замершим сердцем дослушал арию. Испытал трепет душевный пред чудом несказанным и одновременно всплеск горечи от собственной ущербности.

Едва смолк дивный голос юного гения, экран выдал другие звуки: засамовыражались эстрадные «суперзвёзды» Сукачёв, Орбакайте, Земфира...

Появление этих чудовищ на сцене сразу после Баскова было столь противоестественным и неожиданным, что Андрей не вдруг осознал, что видит продолжение одного и того же концерта: ему и в голову не могло придти, что всё это быдло может выступать в одном концерте с гением. Андрей вырубил телеящик и скотские хари иссякли. Осталось ощущение, будто в его просветлённую душу неожиданно испражнились.

Спустя время Андрей пошёл в церковь. Впервые в жизни. Прошёл, не откупившись, сквозь орду ханыг-побирушек у ворот, и услышал вслед напутствие божьих людей:

-Козёл вонючий!.. Пидор!.. Сука!.. Чтоб у тебя ... на лбу вырос!..

Поднялся на крыльцо, увидел, как осеняют себя крестным знаменем другие люди, помялся в нерешительности и вошёл в храм.

В торжественном полумраке шла служба. За плотной стеной прихожан виднелась косматая голова священника, басовито что-то вещающего, потом прихожане дружно закрестились, в стороне ладно запел невидимый женский хор. Андрей отметил, как хороши были голоса неведомых ему женщин, и, хотя не разбирал слова, понимал, что только так и надо петь тут, среди позлащённых образов и ликов святых.

Он произвольно перекрестился. Постоял молча. И пошёл прочь.

Назавтра сип исчез. Андрей даже сипеть перестал, стал совсем беззвучным. И, сколько ни пыжился, горло никаких звуков не выдавало.

Он снова поплёлся в свою поликлинику.

ЛОР-бабушки уже не было. На её месте сидела ЛОР-девушка с мощными напластованиями макияжа на плоском азиатском лице. Он бросила мимолётный взгляд в гореликовское горло и тут же выписала ему направления – на ультразвук, на рентген горла, на рентген грудной клетки, на анализ крови, на анализ мочи, на анализ кала...

-Опухоль у вас в горле, - пояснила дочь степей, - обследуетесь, и с результатами ко мне.

Через месяц хождений по мукам Андрей выложил перед ней на стол пачку бумаг с данными обследований. ЛОР-девица вновь бросила мимолётный взгляд в горло пациента и вручила ему очередное направление на очередное обследование – в онкологическом диспансере.

-Какая-то опухоль у вас подозрительная. – Пояснила она, - обследуйтесь-ка ещё и у онкологов и с результатами ко мне...

Андрей похолодел. Он добрался до ближайшего киоска, знаками объяснился с продавщицей и купил бутылку водки. Встал в уголке

заведения, плеснул зелья в пластмассовый стакан, замер, глядя в запотевшее окно.

«Всё одно не жить.» – написал он пальцем на стекле и выпил. Через малое время в животе приятно потеплело, возникло приятное головокружение, затем снизошло умиротворение. Мысли заструились лёгкие, элегические: пожил, слава-те осподи, немало, и неплохо в общем-то, а коль рано или поздно всё равно копыта откидывать, то...

Налил и выпил ещё.

Несколько дней Андрей тихо куролесил на удивление родных и близких. Потом вспомнил про направление и пошёл в онкологический диспансер. Как на плаху. Но было уже не страшно.

Сильно пожилой ЛОР-онколог посмотрел в гореликовское горло и застрочил ручкой по бумаге.

-На рентген! – сунул он пациенту направление. – В фас и профиль. Потом на эндоскопию. Потом ко мне.

- Опухоль, значит... - меланхолично проговорил Андрей.

-Опухоль, опухоль, - сварливо утешил онколог.

Андрея снова рентгеноскопировали. Пятый раз за текущий месяц. «Что от меня останется после таких облучений... - отметило его инженерное мышление, - теперь уж точно всё равно не жить...»

С эндоскопией вышли хлопоты. Когда Андрею расклинили рот пластмассовой шайбой с дыркой и впихнули в глотку толстый резинометаллический шланг, он взвился со стула и рванул шланг назад.

-Ишь, какой прыткий! – басом проревела могучая онкобабищца в мясничком фартуке. – Сидеть! Сидеть, я сказала!

Она как прессом вдавила строптивного пациента в твёрдый стул и вновь воткнула шланг в то же место. «По самые бакенбарды». И стала рассматривать через окуляр в верхнем конце шланга внутреннее содержание Андрея Горельникова.

-Та-а-а.-к, - бормотала шлангистка, - та-а-ак, потерпим, поте-е-ерпим...

В шланге клацнуло металлически и кто-то укусил Андрея изнутри.

Он дёрнулся и стал падать вместе со стулом, увлекая за собой вцепившуюся в него шлангистку-исследовательницу.

-Сидеть! – Рявкнула бабищца и за волосы вернула его в исходное положение.

И снова что-то внутри Андрея клацнуло, и снова его укусило...

Как он вырвался из процедурного кабинета, не помнил. В себя пришёл в забегаловке возле диспансера, когда принял разом «три по сто в одном стакане». Стоял оцепенело и медленно «оттаивал».

«Такова жизненная сермяга... - пульсировало в голове, - за всё платить надо, моя цена ещё не самая высокая, бывает хуже...а я хоть пожить успел...»

Вспомнил себя мальцом босоногим, юнцом, солдатом, студентом, работником, мужем, отцом, дедом, главой большой семьи... - не на что обижаться было, всё совершилось вовремя и без мук.

Налил ещё и стал рассматривать людей в забегаловке. Вон тот полковник тянет пиво прямо из бутылки, явно знаток, смекает, что так оно лучше сохраняет вкус и аромат...жуир, понимает толк в жизни... А

вон тот хмырь в кожане пьёт, как наказание отбывает: кривится, морщится...явно алкаш запойный, лихоту разбавляет...

В груди и горле саднило, как ерша проглотил. « И на хрена издеваться над человеком, если всё равно хана к нему подкралась, - думал Андрей, - коновалам лишь бы усердие продемонстрировать, до больного им дела нет, гоняют туда-сюда, творят что хотят, проверяют каждый свои персональные догадки на пациенте, как на собаке подопытной, чтоб потом выписать свидетельство о смерти с чувством выполненного долга... Надругаются и в могилу – вот и весь итог их суеты безмозглой...»

Допил водку и вышел на волю.

-Отец, дай закурить! – потребовал от него юный бомж в лохмотьях.

- ...- пошевелил губами Гореликов.

-Не понял. – Насторожился бомж.

-... мимически повторил Гореликов.

-Немой, что ль? Герасим и Муму?

Андрей отвернулся и пошёл прочь. На пересечении проспекта имени Ленина с площадью имени Ленина стоял сам чугунный вождь революции. Памятник. Один из многих себе подобных. «А мне памятников не поставят, - подумал Андрей. – Воткнут в холмик железяку с табличкой, и вся монументальная пропаганда на том кончится. Помянут в столовой из гранёных стаканов: был Андрюха и весь вышел...»

Смертные мысли совсем не предсмертно вели себя хмелеющей голове, не было в них ни тоски, ни страха, было понимание: всё в этом мире совершается по неведомой людям высшей воле, от людей не зависящей, и к ним равнодушной. Это не бог, не чёрт, не судьба, не рок, не пророк. Это некая сама по себе существующая воля, которой бессмысленно бояться, просить, молить, надеяться и ждать. Просто есть она и всё. По воле той вышагивает Андрей Гореликов последние свои шаги на этой земле, суетиться теперь глупо, как, впрочем, глупо было суетиться и ранее. Знал бы о том смолodu, так сразу бы начал жизнь с другого конца...

Непостижимым образом Андрей даже увидел себя со стороны! Он раздвоился, и один Андрей Гореликов остался, как оригинал, а другой, копия, вышагивал рядом и повторял точь-в-точь всё то, что делал первый экземпляр. Нога в ногу они дошли до Ушайки, постояли на мосту, оба плюнули в стылую воду и немо выразились:

- Все мы, все мы в этом мире тленны!

Тихо льётся с клёнов листьев медь.

Будь же ты вовек благословенно,

Что пришло процветать и умереть.

Две одинаковых головы сокрушённо склонились над перилами и окоченели в задумчивости.

-Нырять надумал, что ль?! – пророкотало рядом.

Гореликовы обернулись: перед ними стоял глыбо-зверо-образный Воробьёв, до невозможности похожий на Карабаса-Барабаса своей волосато-бородато-усато-свирепостью.

- ...! – пошевелили губами оригинал и копия.

-О! – рыкнул Воробьёв. – Уже нажрался!

- ...! –развели руками двойники.

-Не кривляй позы! – осерчал Воробьёв. – Выражайся по-русски!

Гореликовы не могли двух слов связать.

-Суду всё ясно. – Смекнул Воробьёв. Взял двойников за шиворот и затолкал в свою «ниву», стоящую на обочине, сел за руль и дал чаду. Машина с ускорением пошла под мигающий светофор, пока тот не покраснел.

-А я еду, гляжу: Андрюха! И вроде даже в реку кидаться намылился! – пояснил Воробьёв. – Дай, думаю, гляну, как оно выглядеть будет.

- ... - возразил Андрей.

- Не ори! – пресёк возражения Воробьёв.

- ...!

- Говори по-русски!

- ...!

Так они беседовали до самого гореликовского дома. Воробьёв укатил, а Андрей постоял у подъезда, посомневался и пошёл налево – к магазину...

Недель через несколько Гореликов пришёл в онкологический диспансер и узнал, что результаты его обследований «пропали».

-??? – спросил он.

-Повторим всё снова, - не глядя на больного сказал многолетний врач и стал писать новые направления на рентгеноскопию и эндоскопию...

-!!! – запротестовал пациент.

-А что прикажете делать, голубчик? – поинтересовался врач.

Андрей взял ручку и написал на листе бумаги: «Искать! Перевернуть всё вверх дном и найти! Не то обяжусь взрывчаткой и разнесу ваше гестапо к ... матери! Мне терять не ...!»

Врач прочитал и остолбенел. Глаза у него стали, как юбилейные рубли.

-!!! – мимикой сказал Андрей.

- Будем искать...- забормотал врач, - зайдите денька через три-четыре...

Больной ушёл.

Боль в груди с каждым днём становилась сильнее, саднило не переставая, глотать было вообще невыносимо. Андрей догадался, что онкологи «потеряли» результаты обследования из гуманных соображений, чтобы приготовить его к суровой правде. И внутренне согласился с ними: профессиональная этика предпочтительнее профессионального шовинизма.

Он не пришёл в диспансер ни через три, ни через четыре дня. Незачем. И так всё было ясно.

Забросил все дела и предался пороку: возлюбил ежедневные посиделки с друзьями «за чашечкой сакэ», стал покуривать, и даже завёл роман с продавщицей магазинчика, где был частым гостем. Короткий отрезок времени, оставшийся ему, пролегал через лужайку незатейливых удовольствий, восхитительных по новизне ощущений. Надо же, корил он себя, прожил полвека в поисках смысла жизни и только в конце её обнаружил, что смысл жизни – в самой жизни! И ни в чём более!

-Болван! – сказал он себе.

И замер: услышал свой голос...

-Болван! – повторил Андрей.

Его собственный голос, от которого он отвык за год немоты, звучал в его собственной квартире, как чудо, хотя и чудо сипловатое, но вполне различимое, узнаваемое. Боясь спугнуть его, он стал скандировать вполголоса:

-Внимание, внимание! Говорит Германия! У Адольфа Гитлера появилась мания!

Детская нескладушка звучала, как бессмертные строки.

-Заговорил!?! – высунулась из кухни жена. – О, господи...

-Да уж... - голосом актёра Папанова ответил Андрей, - не поминай имя господи всуе, женщина!

Через несколько дней голос полностью восстановился так же неожиданно, как и исчезал.

К ЛОР-онкологу Гореликов пришёл в конце приёмного времени, чтобы не сидеть долго в очереди.

-Слушаю вас, – сказал врач.

-Это я вас слушаю, - сказал пациент.

-Не понял... - врач поднял на него свои красноватые очи.

-Месяца два назад вы потеряли результаты моего обследования, обещали найти, вот я и пришёл.

-Долго шёл. И что теперь?

-Это я хочу знать: что теперь? Что за опухоль находили вы у меня в горле осенью?

-Опухоль?

-Опухоль.

-Когда это было?

-В октябре.

-Сейчас посмотрим. Как фамилия?

-Гореликов.

Врач принялся рыться в бумагах, перебирая их поштучно. Дошёл до последней и начал рыть бумаги в обратном порядке.

-Нет ничего. – Сказал он.

-Странно, - сказал Андрей.

-Странно, - сказал врач, - может быть вам показалось, что вы были у нас? Что-то я вас не помню!

-Зато я вас помню.

-Ну и что с того?

-Ничего.

-Тогда зачем пришёл? – осерчал старый врач.

-За результатом.

-Каким результатом? Результатом чего?

-Который пропал.

-Кто пропал? У нас ничего не пропадает! Если было, то есть! А если не было, то и нет!

-Опухоль была! – осерчал и пациент. – Вы её и обнаружили!

-Где?!

-В горле!

-Чьём?

-Моём!

Врач странно посмотрел на него, рыкнул:

-А ну, открой рот!

Андрей открыл.

-Шире!

Открыл шире. ЛОР заглянул в глотку, потыкал что-то там металлической лопаткой, пожал плечами:

-Нет ничего. Слушай, паренёк, ты зачем мне мозги паришь?

-Во-первых, я не паренёк! - завёлся Андрей.

-А во-вторых?

-Во-вторых, чтобы парить мозги, надо, чтобы они были...

Врач выпрямился в кресле, малообещающе посмотрел на пациента и стал розоветь лицом.

-Сопляк.... – начал он разбег. – Мне, старику... будет...Опухоль у него, видите ли!...Вон отсюда!... Вон, я сказал!

Лор-дед взвился, отворил дверь настежь и металлическим голосом скомандовал:

-Вон! Чтобы больше твоего духу тут не было! Симулянт!..

Дед Лапин.

На собрание ветеранов Великой Отечественной войны в честь Дня Победы дед Лапин явился при параде: полгруды – боевые награды, полгруды – юбилейные. Большой зал Дома Учёных был полон, помимо ветеранов пришли журналисты, чиновники, главари общественных организаций и ещё какие-то люди, принадлежность которых Лапин не просёк. Здороваясь со знакомыми, цепким взглядом бывшего полкового разведчика дед оглядел зал, увидел председателя ветеранской организации Привалова – бывший смершевец сидел за столом на сцене в окружении старушек – активисток с юбилейными медалями. Подошёл к ним и распорядился:

-Иван Семёныч, запиши меня. Выступать буду.

Привалов недовольно посмотрел на Лапина, на старушек. Неопределённо проговорил:

-Вообще-то у нас все выступления расписаны...

-Ну и что? – удивился Лапин. – Вычеркни какого-нибудь чиновника, всё равно никому не интересно, что он там по бумажке бубнить будет. Это наш день, нам и говорить!

-О чём ты говорить собрался?

-О войне.

-Что о ней говорить...

-Ты, Николай Фёдорович, опять что-нибудь не то скажешь! – встряла в диалог одна из старушек с медалью «За победу над Германией». – В прошлом году дали тебе слово, так ты понёс такое про Сталина, что слушать стыдно было! Будто Сталин сам ту войну затеял и сгубил полстраны! Как тебе не стыдно? Постеснялся бы хоть в такой день...

Лапин хмуро посмотрел на Привалова, на старушку, пожал плечами и отошёл. Отыскал свободное место в первом ряду, сел.

На сцене суетились устроители. Потом к трибуне со стоящим на ней микрофоном подошёл Привалов, радостно оглядел престарелую публику, и сообщил:

-Уважаемые товарищи! Торжественное собрание, посвящённое Дню Победы над фашистской Германией, разрешите считать открытым!

Зал одобрительно прогудел. Блеснули фотовспышки репортёров, телеоператоры сделали стойку.

Шумно, с аплодисментами, выбрали президиум.

И начались выступления. Сменяющиеся на трибуне ораторы говорили о трудных испытаниях, выпавших на долю советского народа, о доблести и героизме советских воинов, ценой своей жизни и здоровья отстоявших свободу и независимость родины и спасших мир от коричневой чумы, про смертный подвиг двадцати восьми панфиловцев, про Брестскую крепость, про лётчика-смертника Гастелло, про героическую гибель Александра Матросова, оборону Сталинграда, штурм Рейхстага...

Зал благодарно внимал. Аплодировал. Старческие лица ветеранов светились внутренним светом, радость и гордость читалась в глазах. Пафос нарастал, на глазах у многих заблестели слёзы, а когда, откуда

ни возмись, зазвучала мелодия «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой!..» зал встал и, не сговариваясь, запел:

-С фашистской силой тёмною, с проклятою ордой!..

Один дед Лапин не встал. И не запел. Он и в аплодисментах не участвовал. По мере нарастания пафоса лик деда Лапина мрачнел всё больше и больше. Насупленно смотрел, как после песнопения на сцене образовались дети с букетами и стали произносить речёвки о том, что готовы повторить подвиги своих предков, про «ветераны, болят ваши раны...», о «празднике со слезами на глазах...»...

Когда в ходе действия возникла пауза, Лапин поднялся, подошёл к трибуне и сказал в микрофон:

-Нечего праздновать.

Зал онемел.

-День Победы не праздник, а день скорби. Памяти. – Мрачно пояснил Лапин. – Погибли зря тридцать миллионов наших людей. Народ нахлебался горя. Всё - по подлости собственных правителей! Так что нечему радоваться. Тогда нам мозги пудрили насчёт того, как фашисты на нас напали, и мы встали на защиту родины! Теперь известно, что в сорок первом Сталин готовил страну для нападения на Германию! Чтобы следом захватить всю Европу! Нам предстояло стать захватчиками! Оккупантами! А немцы упредили нас. Четыре года страна выкарабкивалась из той катастрофы!.. Этот позор должны повторить наши потомки? Чтоб снова полстраны было угроблено по дури своих правителей!? Сцепились два людоеда, Сталин и Гитлер, ввергли свои народы в кровавую бойню, а вы празднуете победу одного людоеда над другим!

В зале поднялся шум, ветераны застучали клюшками об пол, затопали ногами, закричали. Несколько человек в президиуме встали и кинулись к Лапину, но он оттолкнул их и зычно рявкнул в микрофон:

-Тихо!!!

И зал снова онемел.

-Я ушёл на войну семнадцатилетним добровольцем в сорок первом! Подвиги грезились! Боялся, что без меня немцев побьют. Успел. Нагеройствовался... - Дед сделал паузу, отпил воды из стакана и продолжил. - Воевал в пехоте, в полковой разведке, закончил войну в сорок четвёртом в Польше. Одиннадцать ранений. Четыре тяжёлых. Семнадцать боевых наград. Инвалид второй группы... Что я видел? Всё что угодно, только не то, о чём здесь только что говорили. Наверно мы были на разных войнах. На моей войне были кровь, смерть, спереди в нас стреляли немцы, сзади нам в спину стреляли наши заградительные отряды! Пулемётными очередями на подвиги взбадривали! И по десять убитых наших солдат на одного убитого немца! И - грязь, голод, холод, вши, окопы, госпиталья, снова окопы, мучения, вши...

-Не ври-и-и!!! – Взвился пронзительный визг из дальних рядов. – Какие вши!?!.. Какие вши могут быть на фронте!?!..

Из рядов выбежала согбенная старушка с юбилейными медалями на кофте, растопырилась в проходе посреди зала, и, воздев над седенькой головкой ссохшиеся руки, иступлённо прокричала:

-Я была на фронте санинструктором! И никаких вшей там не видела! Мы строго следили за чистотой! Чтоб солдаты вовремя меняли бельё и мылись!.. Стриглись!.. Дезинфицировали!..

Зал одобрительно зашумел в подтверждение свидетельств очевидицы, а когда она нырнула обратно на своё место, в адрес торчащего на трибуне деда Лапина полетели разоблачения:

-С чьего голоса поёшь, очернитель!?!.. Да он на войне-то не был!.. Купил награды!.. Замастырил ранения, самострел! Видели мы таких инвалидов!.. У кумы в подполье просидел всю войну!.. Дезертир!.. Фашистский прихвостень!.. Гнать его отсюда!.. Сдать в фээсбэ, пусть с ним разберутся, как положено!.. Вон с трибуны!.. Кто дал слова этому ...!?

Дед Лапин заметно побледнел, взял в руку микрофон и поколотил им по трибуне: из динамиков на публику обрушился страшный грохот. Гвалт как оборвало.

-Спокойно. – Сказал Лапин. – Все мои ранения – осколочные. Кто был на фронте, знает: осколочных ранений у самострелов не бывает. Насчёт инвалидности: вон сидят военком и начальник госпиталя, и гебисты тут же, пусть проверят ещё раз мою инвалидность. И награды. И где воевал. А если такие смелые те, кто меня сейчас обвинял: пусть встанут и представятся. Буду знать, кому морду бить. Ну!

В зале стихло. Никто не встал.

-Смелее. – Пригласил Лапин. – Настоящие фронтовики за чужие спины не прячутся.

Зал оцепенел.

-Вот так. – Подытожил Лапин. – Фронтовиков-окопников в живых почти никого и не осталось. Поубивало. Или умерли от ран, увечий, болезней, полученных на фронте. Поэтому один я такой в этом зале. А вы – другие фронтовики: которые на передовой бывали иногда, или вовсе не бывали. Поэтому и уцелели. Повезло. Но в память о погибших постыдитесь хоть в такой день праздновать ваше везенье.

По залу прокатилась волна ропота, кто-то в задних рядах матюгнулся, но быстро установилась тишина.

-Лучше бы той войны не было, - сказал Лапин, - тогда б и этой страшной победы не понадобилось бы.

Зал молчал.

-Будто ты сам не радовался в тот день... - пробурчал кто-то из рядов.

-Радовался. - Кивнул Лапин. – Девятого мая сорок пятого. Ещё как радовался. Тому, что кончилась, наконец, та проклятая война...

В зале снова возник шум, бывший смершевец Привалов выскочил из-за стола президиума и оттолкнул Лапина от трибуны. И прокричал в микрофон:

-Вы слышали!?!.. Священная отечественная война для него – проклятая война!.. Во-о-о-от!.. Во-о-о-т таких, как он, мы, контрразведчики, и разоблачали! Много их переметнулось к немцам, пособничали им!.. Да таких предателей мы к стенке ставили без раз

«Бум» – глухо шмякнул лапинский кулак по лбу оратора. Бывший опер контрразведки СМЕРШ Привалов поперхнулся на полуслове и замер, ошалело глядя в зал.

Зал безмолствовал. Секунды полторы. Потом ветераны повскакали с мест, закричали, замахали руками, клюшками, сквозь гвалт прорывались кличи: « Бей его!.. Дави фашистского прихвостня!.. На фронтовика руку поднял, гад!..» Самые бодрые повыскакивали из рядов и кинулись к сцене...

Деда Лапина стали убивать. Мельтешение взметнувшихся над его головой карающих клюшек и кулаков было так интенсивно, что его и не видно стало. Мат, рёв, хряск раздавался на том месте, где только что стоял Лапин. Потом из толпы карателей выпал толстенькой дедок с в кровь разбитым носом, следом рухнула старушка с множеством медалей на полосатом пиджаке...

К месту побоища кинулись военком и общественные деятели, стали растаскивать карателей... Деревянная клюшка звонко чпокнула по кудрявой голове военкома и он отскочил в сторону. Чиновник по связям с общественностью согнулся пополам, получив пинок промеж ног, и мелкими скачками отпрыгал от трибуны...

Бывший командир разведвзвода сто шестьдесят четвёртого стрелкового полка дед Лапин стоял за портьерой, за которую отскочил в момент нападения, и опытным взглядом наблюдал рукопашный бой. Бывшие штабники и тыловики бились отважно и беспощадно, как гладиаторы. Старушка-медалистка, срамившая Лапина перед собранием, норовила стукнуть микрофоном невидимого ей из-за спин деда Лапина, но всё время попадала по лысине заклинившегося в толпе старикана в длинном пиджаке. Старикан ухал при каждом ударе и божился «убить гада», но не мог обернуться, потому что кто-то спереди душил его за галстук. Экс-контрразведчик Привалов оправился от сотрясения головы и ожесточённо пинал тупоносым ботинком в предполагаемое место нахождения Лапина среди человеческих тел, попадал по ногам единоверцев: то и дело кто-то из бойцов вскрикивал и, потеряв ориентировку, с возросшим остервенением принимался лупить ближайшего соседа...

В суматохе Лапин незамеченным ушёл со сцены через заднюю дверь, оделся в гардеробе, и возник в открытых дверях с тыльной стороны зала. На сцене ещё бились. Активисты-общественники растаскивали борцов за правое дело, телевизионщики метались по залу, спеша запечатлеть для потомков редкие кадры...

2002.

МЕЦЕНАТЫ

Дед Лапин возвращался из Великих Лук в Сибирь со встречи ветеранов пехотной дивизии, выбившей немцев из города в сорок третьем.

С пересадкой в Москве добирался. Сошёл с поезда на Рижском вокзале. Выбрался на волю и сел на лавку перед площадью «трёх вокзалов», закурил. Благодушествовал. На другой стороне площади торчал Казанский вокзал, с которого через три часа уходил поезд Москва – Томск: билет на него у деда был куплен заранее.

У скамьи возникла пожилая девушка в неопрятной одежде, вежливо сообщила:

- Здравствуйте, дедушка!

- Здравствуй, здравствуй, милая, - добродушно отозвался дед.

- Дедушка, - умирающим голосом произнесла девица, - не откажите в помощи несчастной беженке! Я из Грозного. Дом разбомбили, семья погибла, я одна уцелела... - она всхлинула, - спасибо люди добрые не дали умереть с голода... мне бы на билет собрать... только бы до Рыбинска добраться, там тётя не даст пропасть...- и она заплакала

- Да уж... - нахмурился Лапин, - ладно, не плачь, не плачь, чем могу, помогу.

Он достал бумажник, достал сторублёвую бумажку, протянул беженке.

-Спасибо, - с благодарностью приняла она материальную помощь, - господи... молиться на вас буду! Есть ещё люди!.. Век не забуду!..

И нырнула в толпу, как в омут.

Дед снова закурил, задумчиво смотрел на суету привокзальную.

У скамьи возник подержанный мужчина в заскорузлых джинсах, поразглядывал наградные планки на лапинском пиджаке, восхитился:

- Ого! Вот это иконостас!

Дед взглянул на мужика снисходительно, аккуратно стряхнул пепел в урну.

-Куда едем, деда? – доверительно поинтересовался визави.

-В Сибирь.

-У-у-у... как далеко! И семья там?

-Там.

-Тогда грех без подарков возвращаться! – укорил мужик.

-Везу, - усмехнулся дед Лапин. – Как без этого...

-И наша фирма «Еврошоп» хочет сделать подарки вам и вашей семье! – озарился мужик. – От чистого сердца! Как уважаемому гостю города-героя! Освободителю Москвы от фашистских захватчиков!

- Я на другом фронте был. – Уточнил Лапин.

- Тем более! Наша фирма рада приветствовать ветеранов всех фронтов нашей горячо любимой родины! В городе-герое Москве! И дарит вам вот это! Совершенно бесплатно!

Он сунул в руки деду Лапину полиэтиленовый пакетик с запаянной в нём отвёрткой:

- Это лучший в мире пробник для измерения электрического напряжения! Французский! С ним в вашем доме всегда будет напряжение! Пробник стоит триста сорок рублей, но вам - совершенно бесплатно! В знак исключительного уважения и благодарности!

Дед недоумённо вертел в руках подарок.

-А это подарок вашей жене! – напористо вёл свою партию благодетель, - фирма «Еврошоп» дарит ей эту электроплойку: пусть подруга героя всегда имеет прекрасную причёску! Плойка стоит семьсот четырнадцать рублей, но вам – бесплатно! Из уважения к ветерану!.. – мужик вручил оторопевшему деду штучку для завивки волос и тут же развил тему. - И это ещё не всё! Фирма «Еврошоп» дарит вам также эту чудесную щёточку для стирания пыли с мебели!..

Дед держал в руках подарки и переводил взгляд с них на мецената и обратно.

- И всё совершенно бесплатно! – Напомнил меценат. И, резко сбавив тон, доверительно добавил, - вам надо оплатить только доставку товара из Парижа в Москву, всего лишь четыреста семь рублей. На них я сейчас квитанцию выпишу, чтобы мне отчитаться перед фирмой!..

Когда меценат исчез с полученными за «доставку» деньгами, ошеломлённый натиском Лапин тупо поразглядывал подарки, сунул их в сумку и снова закурил. У него возникло ощущение, будто вместо вина выпил по ошибке уксусу.

У скамьи возникла бабушка с кошёлкой, такая древняя, словно оттянула не менее трёх среднестатистических сроков жизни на этом свете, и в промежутках побывала на том. Заговорщицки прошептала:

- Милок, тебе который годок-то?

Лапин удивлённо посмотрел на пришлицу с того света, хотел смолчать, но застеснялся и нехотя признался:

- Восемьдесят. Тебе самой-то сколько?

-И-и-и... - протянула бабка, - столько нынче не живут. Столыпина ещё помню! Петра Аркадьича. И всё благодаря вот этому средствию!

Старуха вынула из кошёлки коробочку с иноземными надписями и заговорщицки же запричитала:

- Иду, вижу, старичок сидит героический!

Стало быть и израненый! Верно?

-Верно. – Вздохнул Лапин. –Три тяжёлых, одна контузия. Инвалид второй группы.

-Я ж говорю! – Обрадовалась старушка. – Да, поди, хвори ещё!

- Букет...

- Вот видишь! Как тут не помочь хорошему человеку! Бери эту коробочку, - она протянула её деду, - будешь принимать по таблетке перед едой! Через месяц себя не узнаешь!

- Такой как ты стану, что ль? – Насторожился Лапин.

- Э-э-э, милоч! Ты, думаешь, почему я до сего дня дотянула? Только им благодаря, пилюлям этим! Бери, не сомневайся! Последнюю отдаю! Из уважения к героическому старичку! Кровь пролил за нас грешных, как не уважить! Иначе б сама спользовала. За триста три рубли брала. А тебе

скидка – за триста отдаю! Себе в убыток. Да бог с имя, с деньгами! Бог воздаст за дела добрые. Иноземный товар! Лечит всё: раны, кровь, обмен веществ, омолаживает, вес держит, артрит долой, геморрой, сосуды, сердце, печень, лёгкие...

Лапин дождался конца перечисления и хотел послать бабку далеко, но та не дала ему передышки, и вновь запричитала про чудо-лекарство.

Лапин сам не понял, как достал деньги и купил «средствие».

Бабку как сдуло.

Лапин достал очки, стал рассматривать иноземные надписи на коробочке. Ничего не понял, хотя и знал некоторые латинские буквы. Расковырял упаковку, вынул из неё прозрачную пластинку-стандарт с запаянными таблетками, обрадовался, что тут было написано по-русски, и прочёл: «Ацитилсалициловая кислота...»

Рванулся было со скамьи, чтоб догнать благодетельную бабушку, но вовремя остановился.

Кинул «средствие» в урну.

Посидел ещё на скамье, курил и убеждал себя плюнуть на всё, не расстраиваться и беречь своё здоровье, которого всё равно не было.

Решил прогуляться для улучшения настроения.

Он наугад брёл по улице, разглядывая дома, людей, витрины. На фасаде казённого дома увидел плакаты с радостными лицами президента Путина и московского мэра Лужкова: один смотрел налево, другой направо, объединяла их общая для обоих подпись «Сделаем нашу жизнь лучше!»

- Не сомневаюсь, что вы свою жизнь сделаете лучше! – вслух произнёс Лапин.

Увидел вывеску «кафе», вспомнил, что сегодня ещё не ел, и двинулся к входу.

В тесноватом заведении было малоллюдно. Дед сел за свободный стол, открыл красочно оформленное меню, вчитался...

- Ни ... себе! - Самопроизвольно выпала из него фольклорная фраза.

- Что заказывать будете? – поинтересовалась официантка.

Дед ошалело посмотрел на неё, перевёл взгляд на меню, снова на неё.

- Слушаю вас. – Напомнила она.

Дед ткнул пальцем в меню, пробормотал:

- Тут написано, что порция супа стоит двести двадцать рублей...

- Ну и что? – не поняла официантка.

- А шницель с картошкой семьсот восемьдесят...

- Ну.

- Чашка кофе – сто...

- Сто.

- Так сколько же будет стоять такой обед!? – покраснел Лапин.

- Тысяча триста! – быстро, без паузы огласила итог официантка. – Если ничего другого брать не будете.

- Это треть моей пенсии! – разгневался дед.

- Мужчина! – Строго сказала официантка. – Вы заказывать будете?

- Да пошли вы к ... матери со своими обедами за такие деньги! – грохнул дед кулаком по столу. – Других дураков ищите!..

Он схватил со стула свою сумку и подался вон.

- Псих! – крикнула официантка ему вслед.

На улице дед Лапин закурил, постоял у витрины супермаркета, пока не истаяла сигарета, бросил окурочек в урну и подался на Казанский вокзал.

На развале перед общественным туалетом бойкая баба торговала всякой мелко-бытовой всячиной китайского производства. Дед остановился, стал разглядывать товар. И тут взгляд его остановился на знакомых предметах с ценниками: электропробник – три рубля, электроплойка – одиннадцать рублей, щётка для сметания пыли с мебели – два...

У Лапина появилось чувство, будто хватил он по ошибке вместо вина не уксус, а черпак помоев.

Он вынул из сумки подарки «Еврошопа» и с размаху зашвырнул их в урну. И зашагал в сторону вокзала.

На жухлой лужайке у путепровода увидел знакомую беженку рядом с замызганным молодцем неопишущего вида: парочка в обнимку сидела на пыльной траве и потягивала пиво из громадных пластиковых бутылей.

Лапин замер и стоял, с приоткрытым ртом глядя на пирующих.

- Похмелиться хочешь, дед? – заметила его девица и протянула бутылку, - на, глыкни! Не побрезгуй!

-Тьфу! – плюнул Лапин.

Он довольно быстро закомпостировал билет, побродил по гигантскому залу ожидания с расписными потолками. Зашел в буфет. Выпил стопку водки и закусил пирогом с капустой. Вернулся на привокзальную площадь. Устроился на скамье у сквера, закурил. На той стороне площади торчал Рижский вокзал, возле которого час назад его одарили от имени «Еврошопа»...

У скамьи возник невысокий мужик в куртке из бритой свиной шкуры, поразглядывал наградные планки на лапинском пиджаке, восхитился:

-Ого! Вот это иконостас.

Дед вздрогнул и взглянул на восхитителя, как штрафник на агитатора.

-Куда едем, деда? – доверительно поинтересовался визави.

Дед насупленно молчал.

-Всё понял! – Догадался шкуроносец. – Раз с казанского вокзала, значит на восток! Без слов ясно! Очень, очень рад познакомиться с таким заслуженным гостем города-героя! Защитившим его от нашествия фашистских захватчиков! Очень кстати встретились! Наша фирма «Лимитет ДДТ» как раз проводит юбилейную рекламную кампанию и вручает подарки именно самым заслуженным представителям народа-победителя! В ознаменование ваших заслуг позвольте вручить вам наш фирменный подарок – вот этот лучший в мире уют стоимостью две тысячи шестьсот шестьдесят семь рублей! Но вам – совершенно

бесплатно! В знак любви и уважения к защитнику родины от озверевших фашистов! Гнавшему врага от Москвы до Берлина! Вам надо только заплатить за доставку товара из Филадельфии в Москву - всего тысячу пятьсот семь рублей! Я сейчас квитанцию выпишу, чтобы мне отчитаться перед фирмой! А этим утюгом вы наглядите свой мундир к празднику...

У деда Лапина возникло ощущение, будто его толкнули в выгребную яму. Он приподнялся со скамейки, вырвал утюг у мецената и предварительно напряжённым голосом сообщил:

- Этим утюгом я сейчас рожу тебе наглажу! Не дожидаясь праздника! И погоню тебя от Москвы до Филадельфии! Буду долбить, пока не обмараешься! Ясно, сука!?

И сделал выпад вперёд.

Меценат отскочил. Дед взмахнул утюгом, как гранатой...

Меценат с ускорением рванул с места.

-Получай, курва!!! – рявкнул дед.

Подарок от «Лимитет ДДТ» описал в воздухе некрутую дугу и грохнулся о твердь сзади представителя меценатствующей фирмы.

-Недолёт... - матюнулся дед. – Не та рука стала...

Он снова устроился на скамье, курил и размышлял о странностях своего пребывания в столице. Подошёл интеллигентного вида мужчина в очках, сел рядом и оцепенел. Потом пробормотал деревянным голосом, не обращаясь ни к кому:

- Увели бумажник. Со всеми деньгами и документами. – Он помолчал и добавил, - ядику бы на этот городок сыпануть. С самолёта. Да погуще.

-Бомбу надо!!! – Железобетонным голосом сказал Лапин. – Атомную! А лучше водородную!

2004.